А. С. ПОПОВ.

Портрет работы А. М. Руднева.

Вычислительный центр Академии наук СССР. Работает «Стрела-3». Фото Дм. Бальтерманца.

На Международной весенней ярмарке 1959 года в Лейпциге. Н. С. Хрущев и В. Ульбрихт рассматривают изделия из синтетического волокна, выпускаемые предприятиями химической промышленности ГДР.

ПРЕБЫВАНИЕ ТОВАРИЩА Н. С. ХРУЩЕВА В ГДР

9 марта Н. С. Хрущев посетил магистрат Большого Берлина. В ратуше немецкая школьница повязывает Н. С. Хрущеву пионерский галстук.
Фото В. Егорова. (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 12 (1657)

15 МАРТА 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

День за днем

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИИ правительственная делегация Советского Союза посетила деревню Сингпура. На снимке: крестьяне приветствуют членов делегации.

Фото А. Стужина (ТАСС).

10 марта в Варшаве открылся III съезд Польской объединенной рабочей партии. С отчетным докладом Центрального Комитета ПОРП выступил первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка.

Фото Центрального фотоагентства Польши.

ДРУЖБА СВЯЗЫВАЕТ БЕЛОРУССКИХ УЧЕНЫХ С КОЛХОЗНИКАМИ Минского района. На днях молодые полеводы, животноводы, агрономы и зоотехники приехали в гости к ученым, чтобы узнать о новых достижениях науки, которые они могут применить на полях.

На снимке: президент Академии сельскохозяйственных наук БССР И. С. Лупинович (третий слева) и научный сотрудник В. Г. Столяров знакомят молодых колхозников с лабораторией массовых анализов почв.

Фото А. Дитлова.

ИРАКСКАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ, находясь в Ташкенте, посетила универмаг.

На снимке: гости из Ирака в отделе детского готового платья.

Фото С. Преображенского (ТАСС).

В ОРАНЖЕРЕЯХ СТОЛИЦЫ ЗАЦВЕЛИ цикламены, тюльпаны, цинерарии, гортензии.

Каждый день их доставляют в цветочные магазины.

На снимке: садоводы Первого цветочного комбината Л. В. Висящая (в центре) и Л. Д. Звонкова готовят цветы для магазинов.

Фото Ф. Короткевича.

ВОЛНА ЗАБАСТОВОК ОХВАТИЛА в последние недели Англию. Бастуют рабочие завода Форда, две тысячи машиностроителей «Ньютон Чеймберс энд компани лимитед», восемьсот докеров глэдстонской верфи, труженики Ливерпуля, Бирмингама и других городов.

Особенно широкие волнения происходят среди горняков. В 1957—1958 годах в результате свертывания промышленности и инфляции сократилась потребность в угле. Это вызвало сейчас закрытие шахт и увольнение рабочих.

Профсоюз шахтеров потребовал у правительства пересмотра экономической политики.

На снимке: демонстрация шестисот шотландских горняков, прибывших в Лондон с протестом против закрытия шахт. ↓

ДЕЛЕГАЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ на III съезд Польской объединенной рабочей партии, находясь проездом в Москве, посетила Выставку достижений народного хозяйства СССР.

На снимке: глава делегации товарищ Чжу Дэ и сопровождающие его лица в павильоне Академии наук СССР.

Фото В. Кунлева.

ЛИДЕР ГРЕЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЛИБЕРАЛОВ СОФОКЛЕС ВЕНИЗЕЛОС заявил недавно в парламенте о том, что он не согласен с Лондонским соглашением по Кипру. После этого между депутатами, поддерживающими правительство, и либералами возник весьма горячий спор, который затем перешел в драку. →

Фото Эллас Пресс.

ГЕРОЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, СЛАВНОМУ СЫНУ СЕРБСКОГО НАРОДА ОЛЕКО ДУНДИЧУ, который погиб в боях за Ровно, в этом городе недавно поставили памятник.

Авторы памятника — местный скульптор выпускник Ленинградского художественного института Л. Л. Безюк и молодой архитектор В. М. Герасименко.

Фото А. Платонова.

СТАРШЕКЛАССНИКИ ТБИЛИССКИХ ШКОЛ получили постоянные рабочие места на предприятиях столицы Грузии. Школьные занятия чередуются с работой на заводе.

На снимке: инструктор Р. Нацвлишвили проводит занятия на 7-й швейной фабрике с ученицами девятого класса школы № 14.

Фото М. Квирикашвили.

Матч СССР — США. Момент игры.

Фото ЧТА.

XXV ПЕРВЕНСТВО МИРА ПО ХОККЕЮ С ШАЙБОЙ

На пражском стадионе

Прага сейчас является «эпицентром» хоккейных волнений. Страсти любителей этой популярной игры начали закипать еще в те дни, когда матчи происходили в Братиславе, Брно, Остраве.

Нетерпеливые болельщики чехословацкой столицы в ожидании «большого» хоккея заполнили все трибуны крытого стадиона и, умиляясь, наблюдали матч сборных команд журналистов, съехавшихся в Прагу со всех концов земного шара, и журналистов Чехословакии. Матч изобиловал множеством смешных и курьезных моментов и закончился мирной ничьей — 5 : 5.

Особые симпатии завоевал канадский радиокомментатор Боб, который весело и непринужденно защищал свои ворота и не очень огорчался, когда шайба влетала в сетку.

Вскоре состоялся и второй матч. На сей раз против чехословацких журналистов выступала сборная команда пражских актеров, музыкантов, куплетистов. Журналисты перед состязанием преподнесли актерам... живую утку, которая, смешно бегая по льду, без конца падала, а актеры подарили журналистам лавровый венок.

Так как служители Мельпомены плохо знали правила игры и часто их нарушали, то судья наказывал их не сидением на скамейке «штрафников», а исполнением арий из оперетт и чтением монологов. Матч на это время приостанавливался. Соревнование выиграли артисты...

Веселые встречи на льду были как бы разрядкой перед серьезными испытаниями, которые предстояли зрителям.

О предварительных играх говорить уже поздно, но хотелось бы вспомнить последнюю встречу США с нашими спортсменами. У советских хоккеистов выбыл из строя Ю. Копылов. Пришлось телеграфом вызывать из Нижнего Тагила А. Гурышева. Он с самолета попал на стадион — с корабля на хоккейный бал — и забил две шайбы, которые тут же были названы «нижнетагильскими».

В минувший понедельник начались финальные состязания. И вновь нашим спортсменам пришлось играть с американцами. Это был один из самых красивых матчей, в котором советские хоккеисты проявили себя с самой лучшей стороны. Победа определилась цифрами 5 : 1. У американцев хочется отметить семнадцатилетнего Тома Уильямса, прозванного здесь хоккейным Пеле.

Нигде так шумно не реагируют зрители, как в Праге. На стадионе стоит все нарастающий гул, в котором тонут все остальные звуки. Этот шум разносится по эфиру и проводам во все концы Европы и слышен миллионам людей.

И все-таки есть матчи более шумные и менее шумные. К первым относятся почти все встречи канадских спортсменов. Объясняется это их поведением. Они по-своему, «расширительно», толкуют возможности силовой игры и не стесняются даже применять... кулаки.

Так, например, в матче с Финляндией, в котором, кстати сказать, канадцам не было никакой надобности напрягать свои силы, хоккеист Браун начал избивать финского защитника и с трудом был оттянут от очередной жертвы. За это он был наказан... 5-минутным удалением. Подобные решения, конечно, не способствуют борьбе с хулиганством на ледовой площадке.

...Для советской команды все будет решено в ответственных матчах: с канадцами, а затем с командой Чехословакии.

Николай ОЗЕРОВ

Прага.

ВОЗВРАТИЛИСЬ НА РОДИНУ УЧАСТНИКИ ТРЕТЬЕЙ СОВЕТСКОЙ АНТАРКТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. На снимке: встреча полярников в Рижском порту. Командир авиаотряда экспедиции Виктор Михайлович Перов, прославившийся спасением бельгийских полярных исследователей в Антарктиде, здоровается с сыном.

Фото Л. Линдгольма.

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПОПОВА

НА РОДИНЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

А. ГРИГОРЬЕВ

— Внимание! Говорит Краснотурьинск... Коллективная радиостанция клуба радиолюбителей имени А. С. Попова... Наш клуб находится в доме, где провел свои детские годы великий изобретатель радио...

Виктор Мамурин, председатель секции коротковолновиков радиоклуба, внимательно прислушался, а затем, радостно улыбнувшись, обернулся к товарищам:

— Отозвалась ГДР, старый наш знакомый Вернер из Альтенгофа!

В эти дни многие радиолюбители СССР и зарубежных стран стремятся связаться с далеким городом Среднего Урала, где сто лет тому назад родился человек, создавший первый в мире радиоприемник и положивший начало эпохе беспроволочной связи. В маленький деревянный домик по улице имени Попова почтальон приносит конверты с разноцветными открытками. Это квитанции-подтверждения от советских и зарубежных радиокорреспондентов. На конвертах штемпеля Праги, Читы, Кишинева, Бухареста, Варшавы, Риги...

Сотни таких открыток накопились уже в радиоклубе.

Анодчик Алюминиевого завода Виктор Мамурин и его друзья — студент индустриального техникума Виктор Ударцов, сварщик на Турьинских рудниках Валерий Горшков, электросварщик ТЭЦ Михаил Петухов — разыскивают в эфире все новых и новых корреспондентов...

Дом, где родился изобретатель радио. Снимок сделан А. С. Поповым.

В комнатах дома, где когда-то бегал и резвился маленький Саша Попов, не только радиоузел. Два года назад здесь открылся мемориальный музей. Его помогли создать приезжавшие из Ленинграда дочь ученого Екатерина Александровна Попова-Кьяндская и его внучка Екатерина Георгиевна Кьяндская — студентка Ленин-

---

РАБОТАЕТ РАДИО-ВОЛНА

Сергей ГУЩЕВ

Примерно 60 лет назад А. С. Попов вместе со своим сотрудником П. Н. Рыбкиным в Русском физико-химическом обществе передал на расстояние 250 метров первую в истории радиограмму.

Двести пятьдесят метров... Как это было давно! Посылая вокруг Солнца советскую космическую ракету, человечество с трепетом прислушивалось к ее радиоголосу, который звучал из космоса с расстояния полумиллиона километров! И все же радиопередача на коротенькое расстояние потрясла людей не меньше, чем сенсации нашего века, потому что то слово в истории радиотехники (пусть тогда не все сразу его расслышали) было первым...

Радио — всюду

В нашей стране десятки миллионов радиоприемников. Радиосвязь между отдаленными уголками стала обыденным явлением. Но радиоволны работают не только в эфире, а и на земле. Это «приземление» не значит, что сфера радио сузилась. Напротив, она разрослась вширь и вглубь. Радио и электроника сегодня слиты воедино.

Детище А. С. Попова дополнило огни на многих морских маяках радиоимпульсами.

Возможность локации, открытая А. С. Поповым еще в 1897 году, воплотилась ныне в тысячи штурманских приборов. Они помогают водить корабли, самолеты, избегать столкновений, в любую погоду, днем и ночью вести аэрофотосъемку местности с гигантской быстротой. Радиолокаторы прощупывают атмосферу на десятки километров ввысь, рассказывают метеорологам о погоде, облачности на разных высотах, причем температуру воздуха на высоте 5—10 километров при помощи радиозондов определяют с точностью до одного градуса!

В наше время трудно кого-нибудь удивить рассказом о скоростях, с которыми работают быстродействующие счетно-решающие машины. И все же, если вам когда-нибудь придется путешествовать на поезде, который поведет не машинист, а электронное управляющее устройство, вы испытаете благоговение и перед невидимой, проворной, всемогущей радиоволной и перед людьми, создающими у нас в СССР такие чудеса. И тогда станет понятным, почему Советское государство в этом семилетии увеличивает в 4,5 раза производство различных приборов, в том числе счетных и математических машин, тех самых, что вывели точно на орбиту прославленные советские спутники, направили нашу космическую ракету вокруг Солнца.

Можно восхищаться тем, как работает в некоторых странах электронный автоматический регулировщик движения. Можно поставить в легковую машину не только радиоприемник, но и телевизор. Но все это не дает еще полного и правильного представления о генеральном направлении, по которому суждено пойти радиотехнике.

Плавка без огня!..

Радиоволны пока еще робко, но все активнее вторгаются в сферу производства: в транспорт, промышленность, сельское хозяйство. Они приходят на производство не только управлять и сигнализировать. Человек научил их не гнушаться и тяжелой, трудоемкой работы. И они добросовестно тянут свою новую лямку.

Радиоприемник обучен вращать... электрический двигатель. Передача энергии без проводов, с помощью волн высокой частоты, была осуществлена семнадцать лет назад. А сегодня инженеры заводов, обильно снабжаемых электроэнергией, уже подумывают о создании ВЧ-мобильного внутризаводского транспорта.

Электропечи, еще недавно считавшиеся лучшим нагревательным устройством, оказались бессильны соперничать с электромагнитными волнами.

Энергия магнитного поля с необыкновенной быстротой передается свободным электронам. На поверхности металла возникают сильные токи. Металл плавится без огня, без пламени, без газов. Этот метод сейчас широко применяется для получения высококачественных сплавов, где нужна особая чистота металлов.

Большие фарфоровые вазы сушили раньше в течение многих месяцев. Сушить быстрее опасно: ваза, сохнущая с поверхности, может покоробиться и лопнуть. Теперь ее помещают в электрическое поле огромного конденсатора. Изделие быстро и равномерно прогревается и высыхает. Тем же способом сушат ныне древесину и пищевые продукты: макароны, чай; так выпекают хлеб и за несколько секунд убивают бактерии в консервах.

Бывает, что и обработку детали и контроль этой обработки ведут радиоволны. Например, коленчатые валы, оси автомобильных и железнодорожных колес по методу В. П. Вологдина подвергают очень быстрому нагреву токами высокой частоты, так что от накаленной поверхности тепло не передается внутренним слоям изделия, и они остаются холодными. Опустив деталь в воду или масло, закаляют лишь ее поверхность, а вся сердцевина остается мягкой; тогда деталь не будет хрупкой. Если же в ней есть изъян, скажем, нарушена толщина слоя закалки, радиоэлектронное контрольное устройство тут же забракует работу своих сородичей — радиоволн.

А в сельскохозяйственном производстве? Где, для каких операций могут пригодиться радиоволны?

Тысячи тонн семян портятся в амбарах клещом и долгоносиком. Этого нетрудно избежать: уничтожить вредителей, пропустив зерно через высокочастотную установку.

И наоборот, подбирая частоту и характер электромагнитных волн, можно активизировать деятельность организма. Так было сделано, например, в опытах с личинками шелковичного червя. После ВЧ-облучения от него получают на 20—30 процентов больше шелка... Так, не гнушаясь самой черной работы, трудятся радиоволны в наше время.

1400 и 40!..

Будущее радиотехники еще более заманчиво. Вот как представляют его себе видные советские ученые.

— Радиотелескопы, — говорит член-корреспондент Академии наук СССР Виталий Лазаревич Гинзбург,— пока не в состоянии дать столь же точное изображение планет, звезд, туманностей, как оптические телескопы. Чтобы добиться такой же степени точности, с какой видны детали в оптическом инструменте с пятиметровым диаметром зеркала, пришлось бы построить радиотелескоп с параболическим зеркалом, диаметром в 10 тысяч метров. Создать такой телескоп невозможно, да это и ни к чему. Сплошную антенну — радиозеркало — можно заменить цепочкой или сетью антенн, связанных между собой кабелем. Ее можно было бы протянуть, например, между Москвой и Горьким. Постепенно несколько таких цепочек можно соединить в единую радиотелескопическую сеть, наподобие высоковольтной системы, охватывающей сейчас, например, Европейскую часть Союза. Таким образом, возникнет гигантский радиотелескоп.

Что это даст?

Мы сможем принимать радиоволны из удаленных глубин вселенной, сможем, меняя

Над новым зданием индустриального техникума возвышается башня Краснотурьинского телецентра.

градского электротехнического института.

В музее собрано множество экспонатов о жизни и деятельности великого ученого. На стенах — фотографии. Некоторые из них сделаны самим Александром Степановичем во время посещения Турьинских рудников в девяностых годах прошлого века. На снимках запечатлены улицы поселка Турьинские Рудники, дом, где родился Попов, живописные таежные окрестности. Давно уже нет густого леса у реки Турьи, который мы видим на фотографиях. Здесь раскинулся новый, социалистический город — Краснотурьинск.

В седьмом номере «Огонька» за 1955 год рассказывалось об этом молодом уральском городе, отмечавшем тогда свое десятилетие. Но сколько новшеств появилось здесь за последнее время! Город намного расширил свои границы, протянулись новые улицы многоэтажных зданий, вырос замечательный больничный городок. Не узнать и улицы Попова. Всюду на ней виднеются мощные краны, с помощью которых собирают дома из крупных панелей.

— Видите четырехэтажный дом? Мы возвели его за восемнадцать дней из нового материала — золопенобетона,— с гордостью сказали нам строители.

Не было в 1955 году и этой застроенной красивыми домами полукруглой площади, пятиэтажного здания индустриального техникума, над которым возвышается башня телевизионного центра...

Теперь Краснотурьинск не только говорит, но и показывает. Передачи местного телецентра принимают в радиусе до семидесяти километров. Их смотрят жители соседних городов — Карпинска, Волчанска — и таежных поселков.

Да, краснотурьинцы не только гордятся своим знатным земляком, но и широко пользуются его наследием! В этом городе, насчитывающем около семидесяти тысяч жителей,— десять тысяч радиоприемников, более пяти тысяч радиоточек и около тысячи телевизоров.

Множество гостей из различных городов страны и из-за ее рубежей побывали здесь в последние годы. И кто бы ни приезжал сюда, он обязательно приходит к этому скромному деревянному домику, где родился А. С. Попов.

Е. А. Попова-Кьяндская и ее дочь Е. Г. Кьяндская в гостях у учащихся краснотурьинской средней школы № 2 имени А. С. Попова.

Фото И. Исакова.

длину волны, получать сведения о составе атмосферы Венеры, Марса, Юпитера...

— Применение радиоволнам,— говорит академик Владимир Александрович Котельников,— можно найти не только в макромире, но и в микромире. Например, в химии. Атомы разных веществ, соединившись в молекулы, имеют каждый свою, свойственную ему частоту колебаний. Этим можно воспользоваться для создания нового метода химического анализа — радиоспектроскопии. Химики смогут вести при помощи радиоспектроскопов непрерывный анализ сложных реакций, что позволит автоматизировать синтез сложных органических соединений, например, при переработке нефти.

— Мне хочется обратить внимание на новый метод связи,— говорит академик Александр Львович Минц.— В атмосферу Земли непрерывно вторгается множество метеоритов — примерно десятки тонн в сутки. Скорость — от 11 до 73 километров в секунду. Попав в земную атмосферу, они сильно нагреваются от трения и на высоте около 100 километров испаряются, становясь облачками ионизованного газа. Метеор величиной с горошину создает след длиной в полсотни километров. На несколько секунд в небе повисает как бы радиозеркало, от которого «зайчик» волн отражается на Землю. Это и позволяет осуществлять связь между дальними радиостанциями, даже когда в «эфире» множество помех. Главное—успеть передать сообщение. Как только появляется метеоритный след, обе радиостанции автоматически, пулеметной очередью, со скоростью больше тысячи слов в минуту «выстреливают» в эфир заранее записанные на магнитную пленку сообщения, тут же расшифровывают ответы и ждут нового метеорного следа...

Несколько в иной области лежит открытие ученых Физического института имени П. Н. Лебедева — Н. Г. Басова и А. М. Прохорова. Представленная на соискание Ленинской премии их работа открывает новый принцип генерации и усиления радиоволн, приведший к созданию молекулярных усилителей и генераторов.

Суть дела такова. Кристаллы некоторых веществ охлаждаются до температуры, близкой к абсолютному нулю, и «подсвечиваются» волнами определенной частоты. При этом наблюдается такое высококачественное усиление радиоволн, какого не могут обеспечить нынешние усилители: ни обычные лампы, ни полупроводники. Таким образом, сделан первый практический шаг в электронике сверхнизких температур — области, полной тайн и открытий...

— Последние десять лет истории радиотехники были особенно плодотворны,— считает академик Аксель Иванович Берг.— Это время следует признать началом эпохи радиоэлектроники, потому что именно теперь началось широчайшее внедрение ее методов во все отрасли науки, техники и народного хозяйства. Не о машинах-«шахматистах» думают сейчас наши специалисты (ведь вообще-то говоря, не так уж сложно научить играть в шахматы электронную машину), но о том, как быстрее поставить на службу производству надежные быстродействующие электронные машины, такие, как «Стрела-3», которые могут управлять химическими процессами, работой сложнейших агрегатов, эффективно помогать медикам.

Неизмеримо больше сведений, чем любая электронная машина, содержит мозг человека. В мозгу есть и то, что пригодится человеку в жизни, для работы, творчества, и то, что, может быть, никогда не понадобится. Иное дело — создаваемая человеком электронная машина. Ученые дают ей не так уж много знаний, но зато только те, что нужны ей по «специальности».

Созданные человеком электронные «рабы» выполняют некоторые функции нашего мозга быстрее, четче, надежнее, чем сам человек. Поэтому они так и нужны нам.

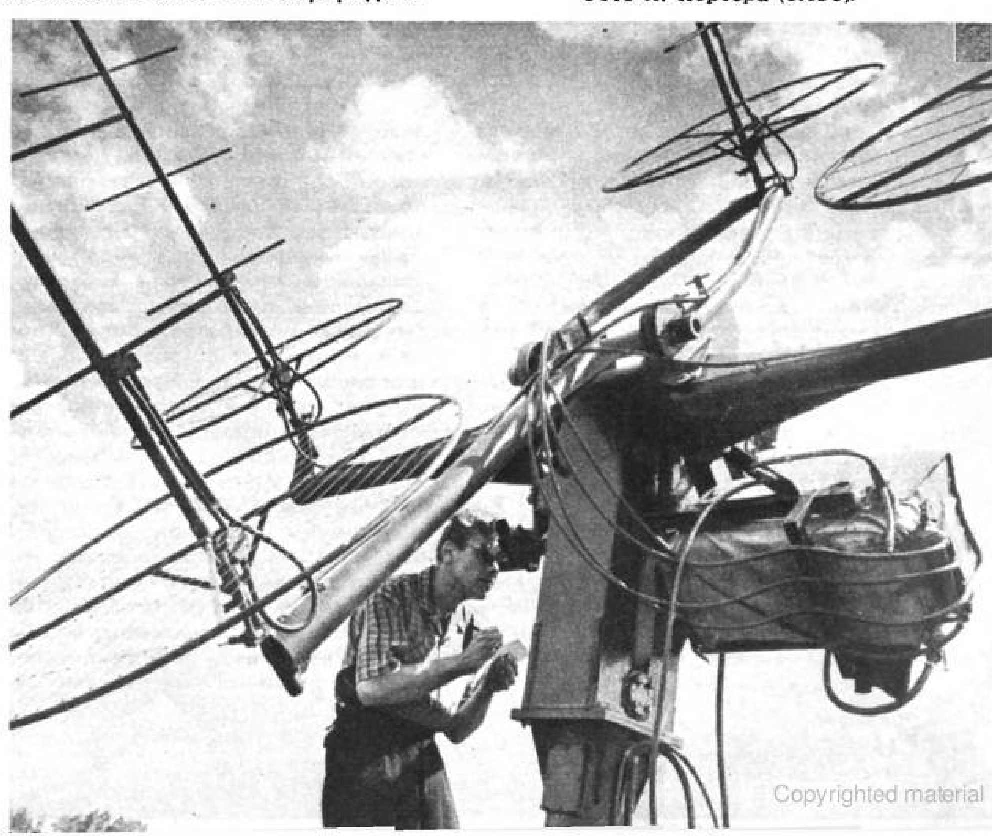
— Аксель Иванович совершенно прав,— поддерживает коллегу директор Института точной механики и вычислительной техники академик Сергей Алексеевич Лебедев.— Надо разгрузить мозг человека от однообразной «арифметической» работы. Человек должен иметь возможность мыслить, думать о том, что развивает его разум, обогащает его культуру, а не тонуть в однообразных вычислениях. Достойнее для человека создавать «чудо-машины», чем считать за них.

Две цифры,— продолжает он.— Производительность труда рабочих на заводах за последние сто лет выросла на 1 400 процентов, а канцелярских работников — всего на 40 процентов. Несоответствие чудовищное! Говорит оно о многом. Все усилия человечества в прошлом были направлены на то, чтобы механизировать и автоматизировать физический труд, а умственная работа людей тысячелетиями была и остается кустарной. Внедрение быстродействующих машин, реорганизацию умственного труда человека по своим результатам можно сравнить с тем этапом в истории общества, когда машинный труд пришел на смену ручному. Машины революционизировали физический труд. Ныне мы участвуем в революции умственного труда.

Что это означает конкретно? Один пример. Человек накопил колоссальные знания о природе и обществе, но ему становится все труднее отыскивать среди растущей горы библиотечных книг нужные сведения. Поэтому необходимым становится создание устройств, которые для каждого человека, где бы он ни жил, сделали доступной любую книгу, любую картину художника или музыкальное произведение, любой чертеж и документ, хранящийся, может быть, за тридевять земель, где-нибудь в национальных библиотеках. Быстродействующие машины уже сейчас, в принципе, способны сразу отыскать нужную книгу в любой библиотеке и привести в действие механизмы, которые по вызову передадут на телевизионный экран абонента через магнитную запись цветное изображение, тексты, звучание иностранного языка. «Библиотрансляции» нет пока в нашей жизни, но нечто подобное неизбежно появится.

Центральная аэрологическая обсерватория... Здесь идут наблюдения за влажностью, температурой, давлением воздуха, скоростью и направлением ветра. На снимке: сотрудник обсерватории В. Тардов проверяет правильность наводки следящей станции «Малахит».

Фото Л. Портера (ТАСС).

Дружинники Кировского завода (слева направо): шлифовщик В. И. Глотов, чертежница Н. М. Кузнецова, слесарь В. А. Цимбаревич, прокатчик А. В. Васильев и электромашинист А. С. Епифанов.

Дружинники идут...

А. СТАРКОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Б. Уткина.

Мы в районном штабе народных дружин по охране общественного порядка. Название это не сразу утряслось. Предлагали назвать: рабочая милиция. Но дело не в вывеске. Как бы ни называть это движение: милицией, дружинами, отрядами, — родившись в массах, в заводских цехах, оно оказалось очень жизненным, сразу пошло вширь, увлекая за собой поток все новых и новых добровольцев. Вот о чем у нас разговор с начальником районного штаба Андреем Ильичом Виноградовым.

А начали с истории, с давней поры, с 1917 года. Потому что тогда-то, в послеоктябрьские дни, и появились за Нарвской заставой первые отряды рабочей милиции. Самым первым был путиловский, которым командовал Азарий Кудрявцев, молодой слесарь из пушечной мастерской. Ну, а там, где Азарий, обязательно рядом приятель его Андрейка Виноградов, тоже слесарь из пушечной. Росли на одной улице в деревне Волынкино, что сразу за заводом, работали у соседних верстаков и теперь вместе патрулировали по району, ходили в облавы. В те тревожные дни, пользуясь моментом, подняла голову всякая шваль. На улицах, прилегающих к заводу, орудовала шайка Засыпкина. То в одном месте грабеж, то в другом — убийство. Путиловская дружина решила дать бой бандитам. Облава за облавой — и с шайкой было покончено. Только главарю удалось ускользнуть. Но и вокруг него смыкалось кольцо. Почувствовав, что в петле, Засыпкин решился на отчаянный шаг. Подстерег среди бела дня Азария Кудрявцева и выпалил в него обойму. Подоспевшие дружинники схватили убийцу...

Всей Нарвской заставой хоронили Азария. Тысячи и тысячи людей, знавшие и не знавшие героя, провожали его на Красненькое кладбище. За гробом вели под конвоем Засыпкина. Руки у него были связаны за спиной, а на груди повешен плакат: «Я — презренный убийца». В тот же день он стоял перед первым революционным народным судом Нарвско-Петергофского района, который, согласно уставу, судил «на основании пролетарской совести и пролетарского чутья именем революции». Именем революции бандита приговорили к расстрелу, и этот приговор был приведен в исполнение дружинниками Путиловского завода...

Вот что вспомнилось начальнику штаба, которому подчиняются девятнадцать заводских отрядов рабочей милиции — почти полторы тысячи дружинников. Зачем такая армия? Разве в Кировском районе Ленинграда этакое уж катастрофическое положение? Бандиты терроризируют жителей? Нет, засыпкиных здесь давно уж не видать. А вот всякие хулиганишки, подвыпившие «храбрецы», которым море по колено, шалопаи нередко встречались в рабочем этом районе. Что и раздражало народ. Людям надоело слышать пьяную ругань в трамвае, неприличные выкрики на сеансах в кино, звон разбиваемых бутылок на стадионе. В цехах на собраниях все время шел об этом разговор.

Особенно горячими были собрания на Кировском, бывшем «Путиловце». Жаловались на милицию: что она смотрит? Но и сочувствовали: одной ей не справиться. Старики вспоминали время, когда еще не было регулярной милиции и сами рабочие патрулировали по городу. Ну и сей-

час надо помочь милиции! Как? Дружинами, отрядами, которые тоже будут охранять порядок в районе. Причем, в отличие от бригадмила, у них должны быть постоянные участки, свои, так сказать, подопечные территории.

Так возникла идея о создании заводской дружины. Сразу же появились энтузиасты этой идеи, пылко взявшиеся за ее осуществление. Из них образовался штаб, который начал набирать добровольцев. Запись шла по цехам. В первые же два — три дня было подано несколько сот заявлений. Но принимали со строгим отбором, только тех, кто отвечал главному требованию временного устава дружины: «Член отряда, приняв на себя почетное право охранять порядок и дисциплину в нашем социалистическом обществе, должен и сам быть примером коммунистического отношения к труду и поведения в обществе...» Доброволец, подавая заявление, обязан был представить характеристику от общественных организаций своего цеха. С пристрастием разбирая каждую просьбу, штаб зачислил в дружину 190 человек.

Дружина разбита на три роты; в роте два взвода, а во взводе десять отделений, каждое из которых состоит, в свою очередь, из двух оперативных групп: командир и связной находятся в пикете, а четверка бойцов патрулирует на улицах, дежурит в клубах, в кино, на стадионе.

У первой роты участок самый боевой: площадь у Нарвских ворот, со стадионом, универмагом, фабрикой-кухней. Командует электрик Владимир Цимбаревич, человек известный в милицейских кругах Ленинграда. Он уже много лет в бригадмиле. Любит розыск, расследование. Вот дежурит на катке. Увидел, как некий юнец, проносясь на коньках, ловко сорвал с девочки-школьницы пыжиковую шапку и покатил дальше. «Созорничал, — подумал Цимбаревич, — сейчас вернет». Но хулиган скрылся, девочка плачет. Бросился Цимбаревич за воришкой, да уже поздно, не нашел. День был субботний. Назавтра, прихватив с собой пострадавшую, Цимбаревич отправился на рынок старых вещей, «барахолку». Полдня зря проходили. Никто что-то не продавал пыжиковых шапок. Только под вечер мелькнула, кажется, одна в толпе. Цимбаревич туда. Точно: паренек с бегающими глазками продает пыжика. Но тот или не тот? Вчера плохо его разглядел. Решил прицениться: «Сколько просишь?» «Двести». «Сто восемьдесят»... Торгуется Цимбаревич, тянет время, ждет, чтобы девочка подошла. Вот она. Увидев ее, воришка рванулся было в сторону, но руки Цимбаревича уже крепко держат его за локоток...

Случай, конечно, нехитрый. Был розыск и посложней. Помогал раскрыть серьезное «дело» в зоологическом саду. Следили там за кассиром: живет не по средствам. Не один день провел Цимбаревич в зоопарке. Простаивал у клеток с обезьянами, кормил морковкой слона, даже на карусели катался. И все время считал. Считал, сколько примерно посетителей в саду. Что-то много получалось. Гораздо больше, чем продано билетов. Контролеры, что ли, ротозеи? Постоял у входа. Нет, контролеры без билетов не пропускают. Отбирают билеты. Но почему-то их не разрывают. Мелькнуло подозрение. Попросили проверить внезапно кассу — излишек в две с половиной тысячи. Пока проверяли кассу, дома у кассира шел обыск. Обнаружили припрятанными 27 тысяч наличными и несколько сберегательных книжек. И клубок размотался: кассир был в сговоре с контролерами, которые возвращали ему отобранные билеты, и он снова пускал их в продажу. Начальник ОБХСС объявил Цимбаревичу благодарность.

Таков командир первой роты, которой вверены Нарвские ворота и все, что у них в округе.

Второй ротой командует Александр Андреевич Сидоров, мастер железнодорожного цеха. Это человек пожилой, хорошо знающий нравы дореволюционной Нарвской заставы. Мальчишкой привезли из деревни и определили в чайную у Путиловского завода. Посуду мыл на кухне. С годами выбился в «шестерки», в половые. Чайная была с крепкими напитками. Ох, и навидался, натерпелся же всякой дикости Сашок!.. После революции перешел токарем на завод. А отслужив срочную, попал в милиционеры. По комсомольскому набору. Пост его был за другой заставой — за Московской. Потом вернулся на завод. В войну — связной в партизанском штабе. Летал много раз в тыл врага. Так что бывалый командир у второй роты.

С ней, со второй ротой, мы выходили на дежурство. Территория, опекаемая ротой, — проспект Стачек от завода до Нарвских ворот. Главный пикет — в Доме культуры имени Газа. Кстати сказать, скоро предстоит один весьма торжественный акт. Старший лейтенант милиции Иван Иванович Труфанов собирается передавать пикет в ведение народной дружины. Старший лейтенант — из рабочих. Механик-сборщик. 20 лет назад партия послала в милицию. Начинал постовым. У Торгового порта был пост и считался очень трудным, даже опасным. Возле порта всегда вертелись подозрительные элементы, ожидавшие кораблей. Труфанов храбро нес службу. Не покидал поста и в блокаду. Сам на ногах еле стоял от голода, а сколько ослабевших людей спас! Упадет человек на тротуар, не в силах встать — спешит к нему постовой, поднимает, шатаясь, на руках, несет в квартиру, в больницу. О, ленинградские блокадные милиционеры ждут еще своего певца!..

Года три назад старший лейтенант принял под начало пикет при Доме культуры. В месяц бывало здесь прежде до ста нарушений порядка. А нынче 20—25. Неплохо поработал начальник пикета. И с некоторой грустью готовится он к передаче своего хозяйства новому начальнику — командиру дружинников. Но и с гордостью: гораздо спокойней стало на участке, который обслуживается пикетом. Дружинникам останется лишь навести тут полный ажур...

Итак, дежурство. Рота растекается по своему «микрорайону». Часть будет патрулировать по проспекту. Другие сядут в трамваи, в автобусы, троллейбусы, спустятся в метро. Сидоров с группой дружинников направляется в Дом культуры. И мы с ними. Ребята одеты по-праздничному, в лучшие свои костюмы. А у Олега Зайцева, слесаря, недавнего моториста черноморского эсминца, просто превосходный вечерний костюм, сшитый элегантно, с большим вкусом. Отличный, гармонирующий с костюмом галстук. Модные, с острыми носочками туфли. Суббота! В Доме культуры танцы. И Олег хочет сегодня танцевать. У него, как и у Саши Козлова, Леши Качулина, Юры Милашина, комсорга цеха, куплены билеты. Обязанности дружинников ребята постараются совместить с вальсированием...

Молодежь — наверх, а Сидоров и его заместитель Алексей Николаевич Буренцов, бригадир железнодорожного цеха, тоже пожилой человек и тоже, между прочим, служивший когда-то в милиции, остаются в пикете. Сидим, прислушиваемся к доносящейся сверху музыке и понемножку начинаем скучать. Сидоров шутит:

— Нам тут вроде и делать нечего...

И сглазил командир роты.

Открывается дверь, и Юра Милашин с Лешей Козловым вводят подвыпившего паренька, который продолжает с дружинниками дискуссию, начатую еще, видимо, на лестнице.

— Не пьяный я. Выпивши немножко. Почему не пускаете на танцы? Шесть рублей уплочено? Уплочено... Не имеете права... Шесть рублей. Кровные! Вот этими руками заработанные.

И показывает руки, на которых мозоли еще не затвердели так, как они давно уже затвердели на ладонях ветеранов труда Сидорова и Буренцова, на ладонях отличных слесарей Милашина и Козлова. Кому показывает! Перед кем фасонит!

— Эх ты!—говорит Сидоров.— Хвастунишка! А еще путиловец, кировец! Сосунок ты, а не рабочий класс. Без году неделя, как к великому этому имени приобщился. А позоришь. Памяти бы отца, рабочего человека, солдата погибшего, постыдился... Мать бы пожалел. Другой с получки — подарок матери. А ты?.

— Шесть рублей... — невпопад бормочет загулявший токаришка: — Шесть рублей плочено...

— Ну вот что, — говорит Юра Милашин. — Пошли в кассу. Вернут тебе оба твоих трешника. И айда домой. Провожу тебя.

Забежим вперед, на два дня вперед, в понедельник. И заглянем на рабочее собрание в механическом цехе. Послушаем, как держит перед людьми ответ Виктор К., позавчерашний гуляка. На собрание пришел Сидоров, обо всем доложил. Сейчас токарек не размахивает руками, прячет их за спиной. А лица не спрячешь! По лицу — в три ручья пот. Стыдно! Надолго ему этот урок, а может быть, и на всю жизнь...

Возвращаемся к субботе. Снова мы в пикете. Олег Зайцев, тот, что в элегантном вечернем костюме, приводит сразу двоих.

— Курили, — докладывает, — в фойе. Сделал замечание. Выругались.

— А, старый знакомый, — говорит Сидоров, обращаясь к одному из приведенных.— В прошлое воскресенье мы уже встречались. Чем вы тогда изволили забавляться?

— Шарики с потолка сбивал, — лепечет тот.

— Ах, шарики сбивал... Мы запрещаем вам появляться здесь. А на работу сообщим. Вы где работаете?

— Во Вторчермете...

— Утиль... — поясняет Олег, и пояснение его относится не к Вторчермету, почтенной организации, собирающей металлический лом, а к хулигану — это он утиль...

От его приятеля попахивает сивухой. Этот заводской, из механического цеха. Держать и Игорю П. ответ перед рабочим коллективом!

А сверху льется и льется музыка. Кружатся там пары. Веселится молодежь. И никто не сумеет ей помешать.

В пикете то и дело звонки. Звонит дружинник со станции «Автово»: куражился пьяный, отправлен в вытрезвитель. Звонят с трамвайного кольца: два торговых морячка затеяли драку; разняли их, составили акт. Докладывают патрули: на проспекте порядок! Звонят соседи — командиры дружин, начальники пикетов. Делятся событиями. Везде, во всех уголках Нарвской заставы, — стража общественного порядка.

Народные дружины вместе с милицией охраняют покой и отдых трудового района...

А. А. Сидоров инструктирует дружинников.

Я побывал в Советском Союзе

Альберт КАН

Эти строки я пишу в самолете, на котором возвращаюсь домой после первой моей поездки в Советский Союз. Позади уже тысячи миль сверкающего под солнцем Атлантического океана; а сейчас через безоблачное зимнее небо мы летим над землей моей родины. Далеко внизу простираются сельские пейзажи Среднего Запада: заснеженные поля, пересеченные жилами рек и линейками дорог, темные пятна лесов, миниатюрные, созданные человеческими руками муравейники городов, ползающие черные точечки автомашин, солнечные блики на крышах фермерских домиков...

Еще тысяча миль — и перед моим взором возникнут гигантские хребты Скалистых гор, их остроконечные вершины, как всегда, в белом снежном уборе, а спустя три часа — Сан-Франциско, этот редкостный город-жемчужина над голубой кромкой Тихого океана. Отсюда всего пятьдесят миль до моего дома, до зеленой Лунной Долины, где жил когда-то Джек Лондон.

Когда истек первый месяц моего пребывания в Советском Союзе, я писал Рите, моей жене:

«Я, кажется, уже целую вечность в отъезде. Увидел ли я все, что хотел здесь увидеть, сделал ли все, что хотел сделать, изучил ли все, что хотел изучить? О нет! Я мог бы пробыть здесь еще месяц, год, всю жизнь и все равно не смог бы увидеть, охватить и изучить все. Мне кажется, что я никогда не был так счастлив, как сейчас!.. И если я говорю, что целая вечность прошла с тех пор, как я уехал от вас, то это только потому, что я соскучился по тебе, по мальчикам, что мне недостает наших лесистых холмов, фруктовых садов, виноградников...»

Да, конечно, я буду счастлив опять очутиться дома. Но я знаю, что буду испытывать противоречивое чувство. Наслаждаясь близостью с семьей, я в то же время буду ощущать одиночество: мне будет недоставать той земли и тех людей, которые остались там, позади! Мне будет недоставать Советского Союза.

Как рассказать о том, чтó значило для меня это время, проведенное в Советской стране? Как выразить это словами? Простой и благородный образ Советской страны стоит у меня перед глазами, мозг и сердце полны им, но слова... их еще нет...

«Бывают ли у меня моменты отдыха, спокойных размышлений? — писал я домой еще раньше, после первой недели в Советском Союзе.— Должен сказать, не часто. Одно сильное волнение сменяется другим, за одним потрясающим открытием следует новое. Как же я могу отдыхать, быть спокойным?» Это письмо я начал еще в самый день приезда в Москву, надеясь кончить его тогда же вечером. Но столько ярких впечатлений обступило меня, такая жажда охватила все записать, что прошла неделя, а письмо не было окончено, а уже тогда в нем было 6 тысяч слов.

«Честное слово,— писал я,— если я попытаюсь докончить это письмо, то приеду домой раньше, чем допишу его. Поэтому я останавливаюсь на середине и посылаю его так, как есть!»

Еще в ранней юности, когда я только начинал сознательно глядеть на мир, меня глубоко интересовали и волновали достижения Советского государства. Я много читал о Советском Союзе и писал о нем. И все-таки, вступив на землю Москвы, я не переставал удивляться чудесам, которые встречали меня на каждом шагу. Воображение — слабый инструмент в сравнении с опытом. Некоторые вещи надо, так сказать, ощупать руками.

Вскоре я заметил, что многое из того, что мне казалось потрясающим и выдающимся, советские люди воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Явления, поражавшие меня своей значительностью, для них были обычными, как воздух, которым они дышат.

Конечно, самое большое «чудо» для всякого приехавшего сюда из-за рубежа — это вот так, вдруг очутиться в обществе, посвятившем себя счастью и благополучию человека, расцвету всех его творческих способностей. Если попытаться сформулировать самое главное, то можно сказать, что советский строй — это социальное выражение любви и уважения к Человеку. Все остальные «чудеса» — в конечном счете лишь отражение этого основного, высшего «чуда».

Среди всех моих ощущений я должен выделить ощущение гигантского размаха всей материальной и духовной жизни Советского Союза. Воплощением этих невиданных масштабов был для меня план, изложенный премьером Хрущевым, план экономического и культурного развития страны на предстоящие семь лет. Нужно ли удивляться тому, что этот поразительный план производит сильнейшее впечатление во всем мире! По форме это, казалось бы, сухая статистика. Но если подумать, что эта статистика воплотится (а это обязательно будет!) в живое человеческое счастье, в лучшую жизнь для десятков миллионов мужчин, женщин и детей, сердце любого человека на любом континенте Земли переполняется волнением и радостью...

Я на каждом шагу сталкивался в Москве со множеством фактов, возможно, гораздо менее крупного масштаба, чем семилетка, менее ошеломляющих, внушительных. Но для меня они имели не меньший смысл, чем грандиозный семилетний план. Позвольте мне привести несколько примеров.

...Я возвращался с Красной площади после празднования 7 ноября. Впереди меня медленно двигался в толпе арабский поэт в своем живописном, падающем широкими складками халате и бурнусе. Зоркие глаза нескольких русских малышей приметили араба. Они бросились к нему, уцепились за рукава, прижались к нему. Араб обнял ребятишек, и они все вместе медленно двинулись дальше. Малыши резвились вокруг сына далеких пустынь и что-то взволнованно щебетали, как стайка птиц... Я знаю, что советским людям все это привычно. Но для меня, приехавшего из другого мира, это показалось поистине прекрасным откровением. Если бы этот самый человек с темной кожей появился в одном из городов Америки, дети едва ли встретили бы его так приветливо. А взрослые стали бы глумиться над ним и запретили бы обедать в одном ресторане с белыми людьми. Впрочем, американские дети от рождения не больше склонны к расовым предрассудкам, чем дети Советского Союза, но — увы! — со временем они впитывают в себя дурные обычаи, которые их окружают.

А вот и еще один случай. Однажды вечером я уже совсем собрался в театр, но заметил, что в одном из залов гостиницы "Украина" готовится какое-то празднество. Мое любопытство было вызвано тем, что все участники вечера были служащими гостиницы: официантки, официанты, горничные, повара, швейцары, члены гостиничной администрации. Они собрались, как мне объяснили, отпраздновать близившуюся 41-ю годовщину Октябрьской революции. Я очень люблю театр, но этот домашний праздник служащих «Украины», признаюсь, привлекал меня гораздо больше. Я попросил разрешения присутствовать на празднике и был принят очень тепло и радушно. Я с волнением наблюдал, как этим скромным труженикам, одному за другим, объявляли благодарность за хорошую работу в течение года. Потом был концерт — музыкальные, сатирические номера, декламация стихов. Все это исполняли, и часто с большим талантом, те же повара, официанты, швейцары. И, наконец, явился оркестр, длинные ряды стульев были сдвинуты в стороны, и остаток вечера прошел в танцах.

Самим участникам этого вечера он не показался чем-то особо выдающимся, хотя все непринужденно веселились, чувствуя себя на своем, хорошем празднике. Такие вечера проходили по всей Москве. Но меня преследовала неотвязная мысль: в какой гостинице моей страны мог бы я увидеть такой вечер? Мог ли бы я пережить там это незабываемое ощущение спокойной уверенности группы скромных служащих, что их гостиница, как и вся страна, принадлежит им?

И третий случай. Во Дворце спорта шел хоккейный матч между советской и канадской командами. Во время перерыва я заговорил с тремя юношами через переводчика. Все они оказались молодыми рабочими: одному было девятнадцать, двум другим — по двадцать лет. Я спросил, интересуются ли они литературой. Девятнадцатилетний подумал, потом сказал:

— Литературой? Не сказал бы, что очень... Вот хоккей — тут я «болею» вовсю!

Как выяснилось, он к тому же вратарь в заводской команде. Поспорили немного о хоккее. Но потом я все-таки попросил моих собеседников назвать хотя бы нескольких писателей, которые им нравятся. Молодой человек, «не интересующийся» литературой, сказал, что ему нравятся Лев Толстой, Гоголь, Достоевский, Шолохов, Маяковский, Эренбург. Его приятели назвали не менее десятка выдающихся имен.

— Еще Горького забыли,— застенчиво вставил младший.

И тут произошло нечто неожиданное: «мало интересующиеся» литературой юноши, узнав, что я американец, стали наперебой говорить о Теодоре Драйзере, Джеке Лондоне, Марке Твене...

Право, объехав много стран, я нигде не встречал таких начитанных людей, как в Советском Союзе, и, главное, так близко принимающих к сердцу и так глубоко уважающих литературу и писателей...

Я мог бы исписать еще много страниц, только перечисляя все то примечательное, что увидел в этом новом мире...

Хочу ли я сказать, что повидал страну, напоминающую некую отвлеченную совершенную Утопию? Конечно, нет! Я не мечтатель, прикованный мыслью к звездам, и я не закрывал глаз на недостатки, трудности и препятствия, которые преодолевают и еще должны будут преодолеть советские люди. Да, я видел в Москве дома, архитектура которых удивила меня витиеватостью и непрактичностью. Я заметил нескольких пьяных молодых людей, которые плохо вели себя в общественных местах. Я столкнулся со случаями волокиты и формализма в учреждениях. Я видел, что еще не ликвидированы многие пережитки прошлого в сознании людей, как и многие нехватки в быту.

Я упоминаю все это вовсе не потому, что придаю особо важное значение моим критическим замечаниям. Советские люди знают об этих проблемах и разрешат их и без моего совета. Я говорю об этом потому, чтобы еще раз отметить, что я не искал и не нашел «совершенства». Но в основном я рассказал о «чудесах», и это потому, что прекрасное и чудесное преобладают здесь над всем остальным.

Более тридцати лет назад американский журналист Линкольн Стеффенс заявил, посетив Советский Союз: «Я увидел будущее, и оно уже в действии». Сейчас уже можно сказать, что будущее стало в Советской стране настоящим. И оно не только действует,— оно сияет на весь мир, как высшее свершение Человека.

«Огонек».

Герой Социалистического Труда Андрей Александрович Хабаров, бригадир каменщиков строительного треста в Казани.

Фото А. ГОСТЕВА.

Комсомолка Валя Верба — одна из лучших сборщиц - насадчиц приборов высокой точности киевского завода «Точэлектроприбор». Несколько лет назад Валя проходила здесь производственную практику, учась в 8-м классе средней школы № 66, над которой шефствует завод. В 1957 году Валя окончила десятилетку и одновременно с аттестатом зрелости получила третий рабочий разряд сборщицы-насадчицы. На завод она пришла уже с трехгодичным рабочим стажем.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

ВКУС ЖЕЛТОЙ ВОДЫ

НЕСКОЛЬКО СЧАСТЛИВЫХ ДНЕЙ

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунки Л. КОТЛЯРОВА.

Весна в самой зрелой своей поре: цветет медуница. В плену у водяного царя тоскует по ней новгородский гость Садко:

Теперь, чай, и птица и всякая зверь
У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний пробившись, теперь
Синеет в лесу медуница!

И такое это время, что не только пленного гостя — нынешнего свободного человека точит червь. Ходит он, взъерошенный, говорит невпопад и все норовит или дров на свежем воздухе поколоть, или с женой поругаться.

Вспомнилось мне в один из таких дней наивное детство, когда непременно надо было иметь с другом общую тайну, чтобы тайна эта скрепляла дружеский союз. А жизнь была проста и не дарила мальчишек никакой, хоть самой завалящей, тайной. И тогда они выдумали ее сами. Каждый надрѐзал около большого пальца руку, выдавил каплю крови и расписался ею в клятве стать путешественником. Кровавая клятва была вложена в бумажный цветок и спрятана в вентиляционную отдушину.

Один из мальчишек переусердствовал: размахнул руку так, что пришлось перетянуть ее жгутом и бежать в больницу. Врач, накладывая швы, качал головой:

— Хлеб резал! Как же ты ножик-то держал, пострел? Отец есть? Мать есть? Вот и скажи им, чтоб сняли с тебя штанишки да чик-чик, чик-чик... В другой раз не станешь баловать.

До сих пор сохранилась у меня потертая, мягкая, как тряпочка, карта. Когда мальчишки впервые развернули ее, диковатой прелестью нехоженых мест повеяло на них от зеленого пятна по левобережью Клязьмы. Бескрайний, уходящий за обрез карты разлив лесов с голубыми кляксами озер, с синей жилкой реки Лух, с одинокой ниточкой проселка, на которой редко-редко где был подвешен кружочек населенного пункта, дохнул на них своим смолистым запахом. «Лухское полесье», «карстовые озера», «Нельско-Клязьминская низина» — все эти названия звучали для мальчишек, как волшебная музыка ветра, как загадочный шум лесов, как баюкающий плеск озерной волны, как задумчивый шорох ржаного поля. А Лух! Про эту речку мальчишки узнали, что протекает она среди торфяных болот, что русло ее поросло травой и тростником и что цвет воды в ней желтоватый...

Этот желтоватый цвет окончательно сразил мальчишек. В глазах у них заблестела какая-то сумасшедшинка, говорившая, что теперь они не остановятся ни перед чем, чтобы попасть в свое полесье.

Но жизнь рассудила по-своему. Был ветреный летний день. По улицам носились заскорузлые бумажки от мороженого, в лицо хлестало колючим песком, и как-то остро, неприятно блестели стекляшки, всохшие в подметенную ветром землю. Мальчишки в тот день ходили по родительскому заданию: то ли покупать электрический утюг, то ли отдавать в починку часы. На мосту через железную дорогу им попались идущие на обед рабочие. Они были возбуждены, шли большими толпами и все повторяли слово, которое до сих пор обозначало для мальчишек игру, а теперь раскрывалось в истинном своем смысле: «В-о-й-н-а»...

...Не скажу, что, вспомнив это, я сразу же кинул котомку за плечи и отправился на Лух. Успела уже отцвести медуница, прежде чем выпало у меня несколько свободных дней, и тогда я действительно собрал вещевой мешок, купил фуражку с желтоватым клеймом «кеписпорт» на подкладке и ранним утром двинулся в путь.

Пестрый летний базар встретил меня шумом, духотой, сенной и навозной пылью. Здесь вперемежку стояли лошади, грузовики, тележки; исступленно визжали поросята; поодаль от мясных, молочных и овощных рядов толкалась барахолка. Молодой человек, размахивая трикотажной рубашкой, кричал с кавказским акцентом:

— Бабочка! Бабочка! А вот персидская бабочка!

Кучка охотников, жарко дыша друг другу в затылки, рассматривала ружье. Пожилая колхозница долго старалась заглянуть через их головы, вытягивала шею, подпрыгивала и, наконец, потянула одного из охотников за рукав.

— Милый, чегой-то тут продают?

Тот медленно повернулся, окинул ее ленивым взглядом и сказал:

— Аэроплан.

— А вот свежее! А вот, молодчик, утрешнее! — наперебой кричали молочницы, стоило только кинуть в их сторону обнадеживающий взгляд.

Я искал попутную машину в Клязьминский городок. Наконец шоферы показали мне на тупорылый грузовик за решетчатым забором базара; он уже подрагивал от конвульсивных усилий мотора.

— Подвези до городка! — крикнул я издали шоферу.

Бывает так: знаешь человека с детства, а он идет мимо и отворачивается. Хочешь кивнуть, ищешь его глаза — нет!

Так и этот шофер, мой одноклассник, отворачивался, а когда наконец столкнулся со мной лицом к лицу и отвернуться было нельзя, сказал:

— Зазнался. В шляпе ходишь.

— Постой, Пашка! — оторопел я. — При чем тут шляпа?

— А при том, что ученый стал — зазнался.

Потом мы долго молчали, очень недовольные друг другом. Пашка сидел за рулем, всецело, казалось, сосредоточась на преодолении валких районных дорог.

— А у меня как не задалось в седьмом классе с немецким языком, так с тех пор и не учился, — сказал он наконец.

— Жалеешь?

— А чего? Вот сейчас ждет меня на дороге мужичок, дровишки ему надо перебросить. Полтораста возьму.

— Значит, сытно живешь?

— Хорошо. Жена пятьсот получает, я — сот девять. Да калым на машине всегда есть. Дом купил.

— Ну, Пашка, ты счастливый человек,— сказал я.— Один мой приятель по немецкому языку вот как лихо учился — в шляпе теперь, вроде меня, ходит, а нет у него ни дома, ни жены, ни калыма.

— Не везде калым бывает,— рассудительно заметил Пашка.— Что он делает-то?

— Адвокат.

— Неужели нет калыма?

— Нет.

— Ну и дурак твой приятель!

Машина стала, осаженная хваткими тормозами.

— Вон мой мужичок голосует,— сказал Пашка.— Шагай теперь сам. Я отсюда в лес поверну.

И я шагаю.

Впереди Клязьминский городок вскинул из темной зелени лесов белую колокольню. Девушки, ходившие за водой на Клязьму, озорно сверкнули на меня из-под платков молодыми бедовыми глазами, и одна из них сказала:

— С полными ведрами вас встречаем. К счастью.

И это было действительно счастьем, когда за меловыми обрывами взгляду открылось все сразу: и подсиненная ветром Клязьма с серебристыми чайками над ней, и кипень дубовых рощ, и груды золотистых облаков, и глубокое, словно пьющее глаза твои, небо.

Когда у изгиба реки я подошел к лесу, невидимая в чаще птичка сказала мне:

— Добро пожаловать!

Я усмехнулся этой совсем детской догадке и остановился послушать: если пискнет еще раз,— значит, пищит просто так, по птичьей надобности, а промолчит,— значит, на самом деле приветствовала меня. Она промолчала, и я, осчастливленный еще больше, зашагал вперед.

Сапоги мои были в пуху одуванчиков. Убранное цветами шиповника, ликовало молодое лето; медовый зной струился над лугами, и с широкого речного плеса, играющего, как груда битого зеркала, доносился дремотный плеск, каким дышит в полдень всякая река и слушая который хорошо лежать без мыслей на смуглом прибрежном песке, смотреть в глубокое небо, следить, как тают в нем облака, уплывают куда-то и возникают вновь — чистые, белые, легкие...

Под вечер на песчаную косу, где я лежал под ивовым кустом, пришел истерзанный комарами рыболов с бреднем, расспросил, куда иду, и стал уговаривать, словно давнего знакомого:

— Зачем тебе на Лух тащиться? Живи у нас, рыбу станем ловить. Не хуже мы, наверно, лухских.

Вскоре я уже сидел в просторной кухне за выскобленным до янтарной желтизны столом и пил кисловатый грушевый чай.

Встретив корову, вернулась хозяйка.

— Вы на берегу нашим бабам бумагу показывали? — спросила она.

Я вспомнил, что просил колхозниц, расчищавших капустное поле, показать мне по карте дорогу.

— Вот дуры,— осторожно сказала хозяйка.— Гомонят по деревне, что у нас человек подозрительный: дорогу не знает и никуда не торопится.

— Да-а-а,— задумчиво протянул хозяин.— Был у нас случай: нашла моя собака в лесу парашют.

Помолчал и как бы невзначай рассказал еще случай:

— В войну объявился тут поп. Гадатель. Бабы, известно, валом к нему валят. Интересуются про мужей да сыновей узнать. Руку давал им целовать... А потом обнаружилось, что он в парике. Ражий такой детина, молодой.

Потом привалило в избу сразу человек двадцать, и тут получилось совсем по Твардовскому:

> **— ...Ну что ж, понятно в целом,**
> **Одно неясно мне:**
> **Без никакого дела**
> **Ты ездишь по стране.**
> **Вот брат! — И председатель**
> **Потер в раздумье нос.—**
> **Ну, был бы ты писатель,**
> **Тогда другой вопрос.**

И надо было видеть, как обрадовался гостеприимный хозяин: оказалось, что гость по всем документам и есть писатель.

— Эх, бабы! — сказал он и покачал головой.— Все вы балаболки и трясогузки.

На другой день я поднялся поздно. Из-за синей кромки далекого леса уже вставало солнце. Оно, как фокус огромной линзы, наведенной на небесный свод, становилось все меньше, все горячей, и казалось, что небо вот-вот задымится и вспыхнет в этой ослепительной точке маленьким язычком пламени. Калено-жаркий, тяжелый вставал день. В нескончаемо длинной деревне под плетнями в лопухах истомно стонали куры; мутноглазые собаки вяло тявкали из-под крылец.

Даже легкая «кепи-спорт» тяготила меня. Я снял ее и подумал в тоске:

«Дождя бы»...

Два плотника, покуривающие на срубе, заметив меня, подмигнули и засмеялись:

— С праздника-то шапка всегда лишняя.

Я вспомнил, как вчера мимо избы, где я пил грушевый чай, прокатила телега с нарядными парнями и девчонками.

— Куда? — крикнул хозяин.

— Гулять! В Пантелово! — ответили с телеги.

Хозяин почесал шею, словно чувствовал там зуд, сглотнул и с завистью сказал:

— Престол в Пантелове, вознесенье.

Вот и меня плотники, должно быть, приняли теперь за похмельного гуляку.

На выходе из деревни я попросил в крайней избе пить. Все признаки указывали на то, что хозяин был пришиблен той чугунной похмельной тоской, когда не только в каждой телесной жилочке человека, но и в бесплотной душе его до того погано, словно он предал, ограбил или убил кого-то. Сидел он на крыльце помятый, в распущенной рубахе, свесив ноги с корявыми коричневыми ногтями, а рядом жена, похожая на татарку, собирала щепки и точила мужа, как ржа железо. Поэтому, наверно, хозяин и обрадовался моему появлению. Он вынес кружку с квасом и сказал:

— Сейчас все квас дуют.

Я присел на крыльцо. Не торопясь выяснили, кто я, кто он, чей это громадный пятистенный дом напротив и почему в такую снежную зиму все-таки померзли сады. Василий (так звали хозяина) говорил, а сам все посматривал, как у конюшни мужик закладывал в борону лошадь, неистово ругая невинную скотину.

— Нет, не работники нонче,—подвел он итог своим наблюдениям.— Квас дуют.

Хозяйка вдруг бросила на землю уже собранные щепки и в сердцах плюнула себе под ноги:

— Как бревно посередь дороги у нас престол этот. Наедут — и стоп! Считай, два трудодня корова языком слизнула.

Она опять принялась подбирать щепки, а Василий опасливо покосился на нее и вздохнул:

— Я ж сказал, квас дуют. Главная проблема сейчас — опохмелиться, а в сельпо ни четвертинки. Всю вчерась попили.

— Ну вот тебе и здорово живешь! — возразил я.— Завтра все пройдет, и никакой проблемы не останется. Какая же это главная!

— Верно! — засмеялся Василий.— Главная — картошку пробороновать.

— А потом траву скосить, а потом хлеб обмолотить, а потом ту же картошку выбрать,— подхватил я.— Нет, это не главная.

— Э-э-э, куда ты загибаешь! — протянул Василий.— Погоди, дай подумать.

Он подумал немного, как-то очень своеобразно помогая себе мышцами лба, и сказал убежденно:

— На данном этапе главная — по десятке нам получить. Сейчас по четыре получаем, а надо до десятки достичь.

Однако «на данном этапе» мы не остановились, забрали еще дальше.

Иногда, чтобы проверить свое первоначальное убеждение, стоит прикинуться первооткрывателем, вроде ребенка: будто встретился ты с явлением только сейчас и впервые проникаешь в суть его. Вот и теперь первооткрыватель во мне подошел к тому же выводу, что давно уже созрел, а теперь только проверялся.

«Да, сколько бы проблем ни перечислили мы, все они будут разрешены Василием или уже разрешены им»,— думал я.

— Истина,— подтверждал первооткрыватель.

«Надо все время держать его в виду. Он главная и вечная проблема».

— И это истина,— говорил первооткрыватель.

«Время проходит, и с ним проходит все временное»,— подсказал Шекспир.

— Истина,— заключил первооткрыватель.

Я попрощался с Василием.

В полную силу полыхало над пыльными дорогами солнце. На много километров вокруг дремали в полдневном оцепенении поля, и казалось, что все живое, всякая былинка молитвенно просит:

— Дождя!

О, эти косые солнечные дожди первоначального лета! В ясном небе сгустится вдруг синесерая дымка, и до самой земли падет от нее сотканная из золотистых нитей завеса. Добродушно проурчит гром, скатится куда-то за горизонт, словно телега по бревенчатому мосту; зазвенят под ударами капель лужи, и начнется бойкий, веселый разговор воды с травою, с крышами, с деревьями, с пшеницей и овсами...

Такой дождь пережидал я в деревне Золотая Грива.

Светлое название — Золотая Грива и темное — Дегтярка. И просто поразительно, как пристали они двум соседним деревням. Золотая Грива стоит на песчаном бугре, открытая со всех сторон, тянет к небу белую колокольню и смотрит окнами на светлые стороны — восток и запад. Дегтярка же прикрыта дубами, ветлами, и, подойдя к ней, упрешься в глухие стены сараев. Лицом она повернулась к темному бочагу с илистыми берегами и глядит на север.

Здесь я остановил красивого парня в серой рубахе распояской и спросил дорогу.

— Факт тот, что вам надо идти вот здесь,— показал он вдоль бочага.— Но все равно вы собьетесь, поедемте лучше с нами.

Появились еще парни с корзинами, набитыми свежим, еще дымящимся мясом; мы сели в утлый ботник, тотчас же наполнившийся до половины водой, и переплыли на другую сторону бочага, где стоял в дубовой роще грузовик.

Он быстро домчал нас до Заболотья. Здесь у колхозного правления, ожидая чего-то, толпился народ, и все принялись бестолково рассказывать мне дорогу, упоминая кустики, вешки, сухие сосенки, возле которых надо было повернуть налево, или направо, или чуть-чуть.

— Куда же идти об эту пору, ночь на носу! — вмешался председатель, рослый мужчина с густой, совершенно седой шевелюрой.— Полинка, проводи его к Генке. Где Генка?

Пока искали Генку, мы сидели с председателем на пороге правления, отгоняя веточками комаров. Подошел Генка — в майке, босой, с вожжами в руке — и к нашему разговору о хозяйстве прибавил:

— Скотина в прошлом году была изо всех. Нонешний год тоже сена хорошие, перезимуем.

— Погоди,— сказал председатель.— Сперва скосить надо.

— Скосим. В сенокос дашь по три рубля авансу на день, и скосим.

— Погоди,— опять сказал председатель.— Пожалуй, по три-то не выйдет.

— Ну, а для колхозников прошлый год как был — «изо всех»? — спросил я.

— Изо всех,— сказал Генка.— Четыре года подряд за так работали, а в прошлом получили по два рубля, по полкилу хлеба, сколько хошь картошки да сена.

Парни сгрузили с машины мясо, и шофер — тот, что первым встретился мне в Дегтярке,— спросил председателя:

— Студень кто будет делать?

— У нас завтра праздник,— объяснил мне председатель.— Приедут делегаты из «Маяка», будем подводить итоги соревнования. Только тут дело ясное: у них шестьдесят гектаров кукурузы не посеяно. Мы вчерась проверяли. Оставайтесь посмотреть, наши речи послушать.

Когда, поужинав душистым ржаным хлебом с холодным молоком, я укладывался в чистой

Генкиной горнице, он зашел погасить лампу и сказал:

— У маяковцев шестьдесят га кукурузы не посеяно. Слабы они выйдут против нас.

Утром тяжелая синяя туча принесла дождь. Приезд делегатов из колхоза «Маяк» совпал с ним, но они, даже не зайдя в правление, отправились смотреть хозяйство. Председатель, волнуясь, несколько раз подходил к окну и твердил:

— Пусть смотрят, ничего. У них шестьдесят га кукурузы не посеяно.

Туча вскоре иссякла, и собрание разместилось на лавках в тени огромной березы, еще ронявшей на кумач стола крупные капли. Председатель вынул записную книжечку и, особенно упирая на достижения, зачитал длинный ряд цифр. Его не перебивали. Только один раз к столу подошли гуси, и председатель, махнув на них книжечкой, сказал:

— Полинка, прогони эту тварь!

В речах бесконечное число раз вспоминались шестьдесят гектаров кукурузы, сделавших-таки свое дело: маяковцев признали побежденными. И обед для них потом был такой прочный, что маяковский председатель, отодвигая от себя тарелку с почками в масле, признался:

— И тут одолели! Мы для вас намедни жиже постарались.

А вдоль деревни уже ходила гармонь. Был веселый, в меру хмельной праздник. Только под самый вечер шофер сел в свой грузовик и сказал, что поедет жениться. Его с хохотом вытащили из кабины и заставили плясать. Да еще какой-то мохнатый дедушка, сидевший на завалинке, вдруг спросил меня:

— Хочешь, я тебе про пчел все расскажу?

— Все?

— Все,— подтвердил дедушка и упал носом в песок.

А когда пришла поздняя летняя ночь, на чьи-то ворота, за которыми мычала корова, повесили экран, и кинопередвижка показала фильм про кубанских колхозников, которые только и делали, что пели, влюблялись и лихо катались на комбайнах.

Утром Генка вывел меня за конюшни на дорогу. Был нежаркий, туманный час рассвета. Дорога шла сырыми кустарниками; сквозь них просвечивала темная вода болот; бревенчатые гати колыхались и пружинили под ногами. Я миновал окруженную ржаными полями деревеньку, и передо мной, величественный и строгий, как храм, встал сосновый бор. По обочинам песчаных дорог еще поглядывали кое-где неяркие цветы, но вскоре и они исчезли, уступив место седым мхам, ржавой хвое и жесткому, точно жестяному, черничнику.

Лес поглотил меня. Я замотался в нем, потерял дорогу, ел сухари, чернику, лесную малину, пил из ручьев, а утомившись, ложился в сухой глубокий мох и смотрел, как ветер комкает облака и как падают-падают и не могут упасть бронзово-красные стволы сосен.

Под вечер сквозь сосны блеснуло мне отраженным светом зари лесное озеро. Чистое, без единой травинки, оно, как в чаше, лежало в сухих песчаных берегах и было наискось перечеркнуто резкой границей света и тени. Светлая полоса быстро сужалась, за ней, бороздя багряно-лимонную воду, спешили две уточки, но тень догнала их и накрыла, как ястреб крылом. Озеро померкло. Надо мной предвестницей ночи метнулась летучая мышь. На дальнем берегу верхушки сосен еще золотились в лучах солнца, но вокруг меня весь берег с его старыми кострищами, рогатками, остовом шалаша и полусгнившей землянкой уже погрузился в настороженную полутьму и походил сейчас на древнее становище, покинутое в предчувствии беды племенем, услыхавшим недобрый гул под землей. Меня предупреждали, что в этих местах недавно провалились три гектара векового леса. Теперь это предостережение довершало иллюзию покинутого становища, и все вместе было так прекрасно, значительно и жутко, словно я стоял, подобно героям фантастической «Плутонии», на пороге детства человечества.

Заночевать я решил в развалинах землянки, где хранилась бочка с живицей. Песок на полу был мягок, но не прогрет солнцем, и, проснувшись среди ночи от холода, я вышел из землянки.

Глубокая, мертвая, затягивающая, как омут, стояла тишина. Одиночество, которым я так наслаждался весь день, точно мохнатая лапа, вдруг стиснуло мне сердце и неодолимо повлекло к жилью, к огню, к людям.

«Да полно, есть ли тут жив человек!» — пробовал я разумным доводом унять свой бессознательный порыв к бегству.

И не выдержал, пошел наугад вокруг озера, боясь, что круг замкнется и я не встречу ни ночующих рыбаков, ни лесорубов, ни сборщиков живицы.

Но вот впереди забилась, захрипела на цепи собака. Немного погодя на тусклом фоне озера обозначилась остроконечная стреха избы, и, постучавшись у ее дверей, я, как в середину книги, вступил в незнакомую людскую жизнь.

Случалось мне встречать бывалых людей, и смотришь — и свет он повидал и жил чуть не до ста лет, а знает всего лишь, что раньше «карасин» был копейка, а теперь рубль. У другого любая история, даже про тот же «карасин», непременно с искоркой. Не просто, значит, что дороже стал, а надо при этом собеседника поддеть, чтобы не очень нос задирал.

Есть такая история и у лесного объездчика Феди, только не про керосин, а про пиво. Разопреет после ухи какой-нибудь начальственный гость, из тех, что в изобилии набегают к благодатному озеру, и скажет: хорошо бы холодного пива потянуть, и почему это, дескать, даже в городе его не стало вдоволь? А Федя серьезно ответит:

— Солод перестали сеять.

Тот думает: и впрямь не слыхать, чтоб сеяли где-нибудь. И смотрит без улыбки, дураком.

Есть искорка и в истории про Удалого, который той ночью встретил меня своим сиплым лаем. Сначала и истории-то не было, а просто каждый день за обедом начинался разговор с детьми:

— Дурак твой Удалой, папа. Опять в поселок убежал.

— Молод еще, учить надо.

На другой день опять:

— А все-таки, папа, твой Удалой — дурак.

— Молод. Учить надо.

И давно уже минула скороспелая собачья молодость, а Федя все выгораживает пса:

— Молодой еще, учить надо.

Но при этом глаза его смеются: вот, мол, в чем секрет вечной молодости.

Сам Федя — мужичок как мужичок: сухой, маленький, белесыми глазами, реденькой щетинкой, одевается в затасканную солдатскую одежку, любит порассказать, как воевал в Польше, Германии, Маньчжурии, и может ввернуть при этом несколько слов не только по-немецки, но и по-китайски.

Лес Федя любил беззаветно.

— Безлесье неугоже поместье,— говорил он и в сухую пору лета, когда в краснолесье стояла горячая смолистая духота, а в болотняках трещал пересохший мох, с неподдельным хозяйским беспокойством принюхивался к ветру: не наносит ли гарью. Он так прочно соединился душой своей с лесом, что решал через него самые сложные вопросы человеческого бытия. Эти откровения, по-видимому, являлись ему без усилия мысли, в результате мгновенного и непроизвольного обобщения опыта, и выражались в пословицах, как издревле выражалась всякая народная мудрость. Наверно, десятки раз он легким прикосновением валил трухлявый ствол березы, видел ржавую крону засыхающей сосны и, наконец, заключал:

— Дерево падает, а лес стоит.

Но, как всегда, в пословице смысл слов перерастал их буквальное значение, и в этом случае она по-фединому выражала мысль о том, что в одиночку человек смертен, а в массе вечен. Какими бы то ни было путями, но надо дойти до нее, потому что не будь человек защищен подспудным сознанием вечности бытия, он не мог бы пережить даже мысли о смерти — об ужасной трагедии, о миллионах лет, стремительно скользящих во Вселенной.

Через несколько дней я расстался с Федей. Лух, желтая вода Луха, таинственной реки воспоминаний о детстве, звала меня к себе. И вот я снова шагаю седыми хрусткими мхами, солнечными просеками, смолистыми борами. День ли, ночь ли, я все равно иду, если есть желание, а нет — живу там, где нахожу воду, чтобы размочить сухарь.

Однажды ночью, прикинув на карте расстояние до лесного поселка, я затоптал небольшой костерок и зашагал, чувствуя дорогу ногой, как лошадь. Впереди меня бесшумно носились ночные птицы; лес тихо перешептывался; в его темных глубинах то трещала ветка, то падала шишка, то булькала вода.

Уже за полночь я вошел в поселок. На ярко освещенной танцевальной площадке толпилась молодежь, у магазина разгружалась машина с продуктами, и бегали неведомо почему бодрствующие мальчишки. Они отконвоировали меня к коменданту. На стук вышел седобородый дед в гимнастерке и подштанниках, зевнул и, отказавшись смотреть мои документы, сказал:

— Ступай в общежитие и ночуй. Там свободных коек полно.

В общежитии, длинном деревянном здании барачного типа, действительно нашлась койка. Но сон не давался мне. Я ворочался, считал до пятисот — все было напрасно. Кто-то долго кашлял в углу и наконец сиповато спросил:

— Не спится, товарищ?

— Да...

— Пойдем со мной на озеро удить, хочешь?

Я согласился. В углу зашевелилась белая фигура, облачилась в черное и на минуту пропала, как невидимка, пока не показалась снова на сером фоне окна. По осанке, по голосу, по шарканью ног угадывался человек немолодой, кряжистый. Он взял удочки, лежавшие вдоль плинтуса, котелок, и мы вышли.

Мой спутник хмуро глядел из-под косматых бровей, и пепельные жесткие усы топорщились у него как-то очень нелюдимо.

Огромное озеро, похожее на все местные лесные озера, плескалось у самого поселка. Дул утренний ветер, наволакивая серые, ненастные облака. Ловить было неинтересно: поплавок прыгал на волнах, с воды наполз холодный туман, липнувший к лицу, как мокрая паутина.

— Мне тоже не спится,— сказал лесоруб после долгого молчания.— Все думаю, какой у меня зять будет.

— Ну, что тебе о зяте думать? Дочь найдет,— сказал я.

— Оттого и думаю, что уже нашла. Сегодня в деревню пойду, на свадьбу. Бабы там одни, наверно, окрутил их зять.

— Может, и не окрутил. Не торопись обижать человека.

— И то правда! — засмеялся лесоруб.— Давно дома не был, вот и кажется, что там поруха да разор. А ты почему не спишь?

— Тоже давно дома не был.

— Да... Вот так и живем,— задумчиво сказал лесоруб.— Пойдем-ка завтракать. У меня вчерашняя уха есть.

И, объединенные в душе общей тоской по дому, мы пошли прочь от серого ветреного озера.

Днем попутная машина увезла меня к долгожданным берегам Луха.

В кузове набралось еще человек десять коммунистов, ехавших в местечко Фролищева Пустынь на общее партийное собрание лесокомбината. Никогда я не переносил такой жестокой тряски под мелкий дождичек, как на дорогах лухских лесов. Машина виляла между соснами, на ухабах; по головам нас хлестали мокрые ветви, и мы держались друг за друга, всей массой валились на борта, на кабину, на дно кузова.

Наконец парторг постучал по крыше кабины. Машина, взвизгнув тормозами, стала как вкопанная, нас кинуло на кабину, а на подножке во весь рост выпрямился шофер, стройный, тонколицый, в берете набекрень, гроза поселковых девчат, и невинно спросил:

— В чем дело?

— За третьим рейсом, что ли, спешишь, Никита?

Никита чуть улыбнулся, оглядел нас и сказал:

— За фиалками.

Во Фролищевой Пустыни стараниями секретаря партийной организации я поселился в пустующей квартире из трех комнат с кухней, чуланами и хозяйственными пристройками.

Из стен здесь во множестве торчали гвозди, дававшие возможность заключить, что мой предшественник был страстным любителем картинок, фотографий и всего, что можно повесить на стенку. Теперь эти гвозди продолжали отлично служить мне, в роскошном просторе располагая на ночь по стенам мои вещи — от «кепи-спорт» до штанов.

Жил я в этой квартире в свое удовольствие. Как в сказке, выходила ко мне из-под печки мышка, а я за неименем каши давал ей сахару, а она за это награждала меня, как Машу, тем, что всякая работа у меня спорилась.

Дни мои проходили в скитаниях по берегам Луха. Вода в нем оказалась действительно желтой, даже с коричневым торфяным оттенком, а язи отливали, подобно линям, темной бронзой.

Свои желтые воды Лух нес среди дубовых рощ и сосновых лесов, между светлыми песчаными берегами, через болота и непролазные крепи. Путь к устью, куда мне хотелось попасть, был один — водой. Он манил меня, когда я, стоя на мосту, глядел, как вода, омывая песчаный остров, уносится за изгиб реки, в зеленое царство леса.

«Ну что ж,— думал я тогда.— Быть может, этот бег воды был первой силой, которую использовал человек в своем движении к культуре и техническому прогрессу. Почему бы не вернуться мне к простейшему способу ее подчинения и не построить себе плот?»

С этой целью я обошел берег, собрав кучу древесного хлама. И чего тут только не было: бревна, кусок забора, намокшие доски, поленья!.. Совершенно невозможно было голыми руками создать из этого материала водоплавающий снаряд.

В магазине хозяйственных товаров из инструментов нашелся топорик без топорища, а из связывающих средств — электрический шнур. Безнадежно обстояло дело с гвоздями. И тогда я вспомнил про свою квартиру и сколько там торчит из каждой стены гвоздей.

Целый день я, ссаживая руки, раскачивал их и вытаскивал, пока наконец не осталось ни одного.

...Велик, наверно, был ужас первого человека, когда вода подхватила и понесла его. Но это падение человека с берега в стихию было тем поводом, который вызвал к жизни современное пароходство. Теперь и того первобытного ужаса перед стихией нет: от него человек защищен всем накопленным за века опытом, поэтому я только посмеялся, когда вода подхватила и понесла меня. За свой опыт я заплатил дешевле, и он не станет причиной пароходства, но теперь-то уж сам я буду строить плоты по-иному.

То сооружение, которое от толчка колом вынесло меня на средину реки, стало медленно оседать подо мной в глубину. Погрузившись сантиметров на тридцать, оно спокойно поплыло по течению, и я теперь представляю, как был изумлен спросонок тот рыболов, что увидел меня идущим по воде, как посуху.

Моему мешку, картам, запискам грозило потопление. Размахнувшись, я выбросил все это на берег, а сам...

Было очень раннее утро, первая птица только-только звенькнула в дубовой роще, когда я возвращался в свою квартиру. И это хорошо, что никто не видел меня, потому что не очень приятно встретить насмешливый взгляд и, может быть, услышать ядовитое соболезнование.

Когда я снял с себя одежду, чтобы просушить ее, то сам не выдержал и громко расхохотался: ни одного гвоздя в квартире не было.

. . . .

В доме, где была вентиляционная отдушина, давно уже поселились незнакомые люди. Если они пошарят в отдушине, то непременно найдут там бумажный цветок, а в нем кровавую клятву мальчишек. Теперь к ней можно прибавить, что одного из них унесла та, неигрушечная война, а другой через много лет вспомнил свою клятву и отведал желтой воды из реки Лух.

Если брать в расчет весь его путь от первого до последнего дня, то не была ли это живая вода?

Сто скрипок художника

Лидия Яновна Рубене играет на новой скрипке, которую создал Александр Карлович Звиедрис.

Фото Л. Пантуса.

Мы приехали к известному в Латвии художнику А. К. Звиедрису — познакомиться с его новыми работами. Но как раз в эти дни в клубе учителей открылась творческая выставка Александра Карловича, и все его картины находились там.

Вдруг мы увидели в мастерской шкаф с десятком скрипок.

Заметив наше недоумение, Александр Карлович усмехнулся:

— Это так... В свободные часы занимаюсь.

Оказывается, живописец изготовил более сотни замечательных скрипок. Те, что лежат в шкафу, еще не отделаны окончательно. Десятки же других звучат во многих концертных залах страны.

Много интересного рассказал скрипичный мастер о своих инструментах. Годами выдерживал он дерево: клен — для нижних дек, ель — для верхних.

— Знаете,— с увлечением говорит он,— у нас в Видземе растет чудесная ель. Такую породу изредка еще можно встретить в Италии — недаром так певучи были скрипки старых итальянских мастеров.

— Из янтаря я варю лак,— продолжал Александр Карлович.— Многие нынешние мастера забыли об этом замечательном материале, а напрасно. У меня есть скрипки, покрытые четырнадцатью слоями такого лака. Конечно, приходится несколько лет ждать, пока лак полностью впитается и просохнет, но зато скрипка получается красивая.

В этот вечер приехала в мастерскую заслуженная артистка республики Лидия Яновна Рубене — попробовать новую скрипку, отделку которой художник заканчивал.

Хозяин поведал нам одну интересную подробность: верхняя дека этой скрипки сделана из перекладины, что многие годы подпирала потолок старой Рижской консерватории. Александр Карлович получил это бревно, когда здание консерватории перестраивали.

— Это было замечательное дерево! — говорит он.— За десятки лет перекладина полностью высохла, превратилась в идеальный материал для деки.

Мы уже собирались уходить, когда радушный хозяин показал еще один замечательный инструмент. На нижней деке его собраны автографы известных всему миру скрипачей: Давида Ойстраха, Леонида Когана, Крейслера, Жака Тибо, Сигетти, Менухина, Цимбалиста, Цецилии Ганзен, Ваша Пшихода. На другой скрипке мы увидели автографы Федора Ивановича Шаляпина и известного итальянского тенора Тито Скипа.

Скрипки не единственное увлечение художника. Александр Карлович — завзятый яхтсмен. Он дважды был чемпионом Балтийских парусных регат, прошел 1 500 морских миль, когда был капитаном одного из первых туристских походов из СССР за границу.

А. ГОРДИН

Хорошо ли вас обслуживают?

Типовой проект гостиницы на 300 мест.

ПО ГОСТИНИЦАМ

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

«Свободных мест нет»

В Днепропетровске мне однажды привелось играть в прятки с директором гостиницы «Днепр» Евдокией Трофимовной Золотаревой. Пряталась она так самозабвенно, словно еще не распрощалась с детством. В кабинете ее не было. Сердобольная секретарша посоветовала:

— Бегите к дежурному администратору, она там, но скоро уйдет домой.

Спустился я в вестибюль, но дежурный администратор, приподнявшись в окошке, лишь выразительно пожал плечами и скривил губы.

Обошел все этажи, снова заглянул в кабинет — напрасно. Наконец лифтерша шепнула:

— Зайдите в эту дверь...

Я очутился в комнатке того самого дежурного администратора, который десятью минутами раньше продемонстрировал свое блестящее мимическое дарование. В уголочке, прижавшись к стене, так что ее не было видно из вестибюля, сидела пожилая женщина. «Чур, поймал!» — чуть было не воскликнул я, но сдержался и только спросил в упор:

— Евдокия Трофимовна?

Мы познакомились. Золотарева жаловалась на судьбу. Заводская работница, потом лаборантка, старая коммунистка, она несколько лет назад была направлена сюда. И вот мается.

— Всегда переполнено, приезжие возмущаются! А что я могу сделать? От бесконечных объяснений до того устаю, что к концу дня язык заплетается. Да и совестно показываться людям на глаза...

Она заслуживала сочувствия. Но куда больше было жаль приезжих, понуро сидевших в вестибюле с чемоданами у ног! Их много не только в Днепропетровске, людей, почти везде наталкивающихся в гостиницах на табличку: «Свободных мест нет».

Таблички этой не увидишь, пожалуй, лишь там, где нет гостиниц. А «безгостиничных» городов и поселков хоть отбавляй. В РСФСР, например, их около трети...

В Ярославле не понадобилось искать директора. Номер предоставили немедленно. Но... условно. Ожидали каких-то туристов и меня весьма учтиво предупредили:

— Если приедут гости, мы вас, может быть, выселим.

Однако мне повезло. «Интурист», нередко создающий путаницу в коммунальных гостиницах, ошибся и на этот раз, но в мою пользу.

Не все люди такие везучие. И случается, что подчас их выставляют вон, когда прибывает большая партия туристов или начинаются конференции, совещания, спартакиады, олимпиады. Выселяемые протестуют. Их протесты решительно отметают:

— Вы сами согласились на условное проживание, вот ваша собственноручная расписочка...

Конечно, не всюду бесцеремонно обращаются с обитателями гостиниц в дни больших совещаний, слетов. Туляки, скажем, перед областным совещанием доярок позвонили министру путей сообщения, и он прислал два пассажирских состава. Пока шло совещание, доярки жили в вагонах. Правда, за каждое место в поезде, который никуда не ехал, облисполком платил по двадцать шесть рублей в сутки — в полтора с лишним раза больше, чем стоит хороший отдельный номер в гостинице...

По-разному ищут на местах выход в заботах о приезжих, чтобы не оставались они без пристанища. В Кисловодске, например, легче подняться на Эльбрус, чем получить номер в здешней гостинице. Зато едва сойдешь с поезда, и человек в форменной фуражке предложит на выбор несколько адресов. Пойди по любому, и сможешь снять койку или комнату, притом по твердой таксе.

Нечто подобное встречал я в подмосковном городе Электросталь, где дирекция Новокраматорского завода оборудовала для командировочных комнаты на частных квартирах. Люди, имеющие свободную жилплощадь и желающие потесниться ради дополнительного заработка, найдутся всюду. И напрасно их услугами горисполкомы не пользуются, пока гостиниц не хватает.

А гостиниц не хватает во всех городах страны. В Туле я спросил директора гостиницы «Центральная» Григория Васильевича Лукьянова, всегда ли тут встречали приезжих столь неприветливо.

— У нас было еще четыре гостиницы,— ответил он.— После войны с них поснимали вывески.

— Как это понимать?

— Они заняты не по назначению. Да ведь это не только у нас...

Вернувшись в Москву, я пошел в Министерство коммунального хозяйства РСФСР. Там подтвердили: десятки гостиниц отданы под учреждения, общежития... И тут же положили на стол пачку документов. Задумали в Ростове создать театр кукол, в Орле — станцию «Скорой помощи», в Барнауле — студенческое общежитие и проблему решили просто: полностью или частично заняли гостиницу. С гостиниц «поснимали вывески» в Якутске, Челябинске, Ижевске, Выборге, Ессентуках, Пятигорске. Дурному примеру больших и средних городов последовали районные центры — Боровичи, Старая Русса, Ейск, Кропоткин...

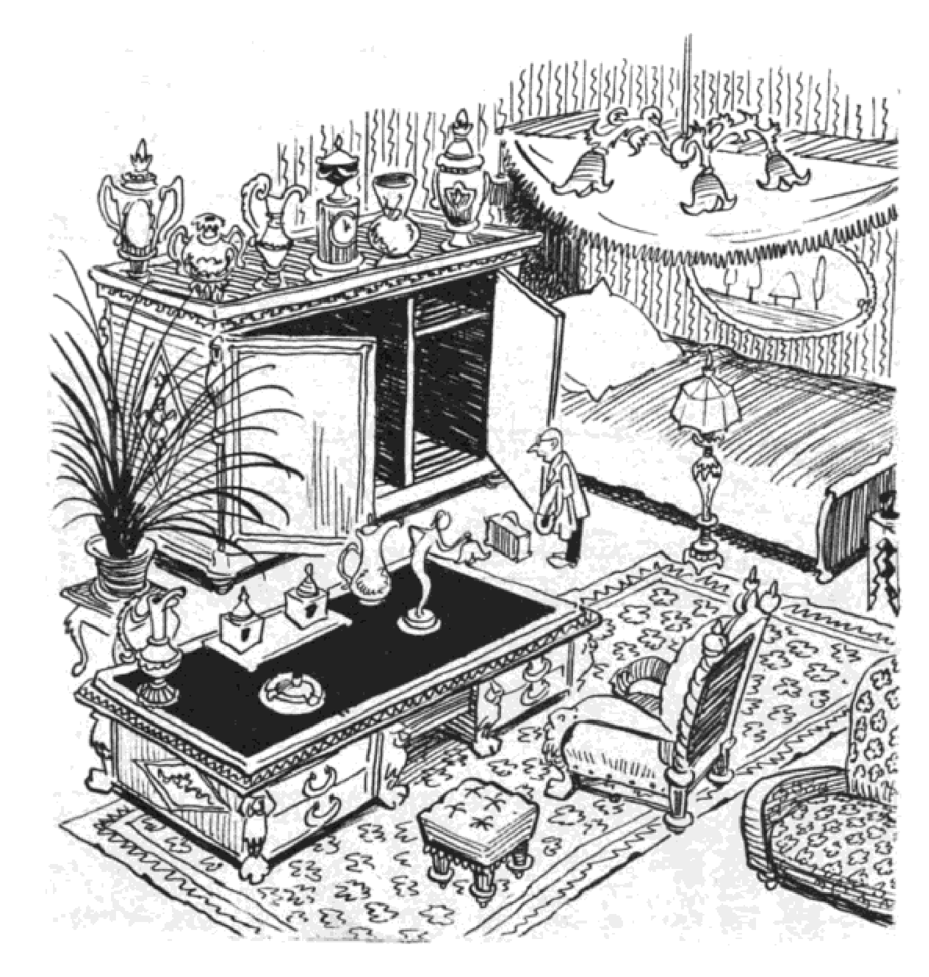
В 1955 году Совет Министров РСФСР постановил освободить в трехлетний срок все гостиницы, занятые не по назначению. Срок миновал, но иные горисполкомы вовсе не спешат выполнить постановление. «Москва» в Рязани, «Заря» в Перми, «Белый медведь» в Костроме, «Россия» и «Европа» в Томске, «Алагир» в Орджоникидзе — вот только начало перечня гостиниц, все еще не раскрывших своих дверей для приезжих.

Как в других республиках? Говорят, не лучше.

Купецкий пошиб

После постановления партии и правительства об излишествах в архитектуре и строительстве новые гостиничные здания стали выглядеть поскромнее прежних. Все же и сейчас выбрасывается на ветер много денег. Например, в Ашхабаде и Таллине на каждое «гостиничное место» строители затрачивают тридцать восемь тысяч рублей, в Алма-Ате, Краснодаре и Тюмени — сорок две тысячи, в Минске — сорок четыре. А гостиница, строящаяся в Ленинграде, обойдется еще дороже.

Правда, скоро этому, кажется, придет конец. В Ленинграде я познакомился с руководителем третьей архитектурной мастерской «Ленгипрокоммунстроя» Леонидом Юрьевичем Гальпериным. Он показал разработанные мастерской проекты гостиниц на полтораста, двести и триста мест. Номера здесь будут только одноместные и двухместные. Судя по проектам, эти гостиницы будут красивее строящихся ныне и более благоустроенными. А каждое

место обойдется лишь в пятнадцать — двадцать тысяч. На конкурсе, проведенном Госстроем СССР, эти проекты признаны лучшими и утверждены как типовые.

В Ленинграде номер гостиницы «Московская», где я остановился, сравнительно недорогой. Но зато обстановка... Широченный шкаф красного дерева с двумя (!) зеркальными дверцами. Кровать — впору Илье Муромцу. Пятиламповая люстра пудового веса. Тяжелые бархатные портьеры, да еще на шелковой подкладке. И все приобретено с год назад.

Стародавний купецкий пошиб живуч в гостиницах больше, чем где бы то ни было. Громоздкая мебель, массивные люстры со множеством загогулин, замысловатые письменные приборы с двумя (!) чернильницами, статуэтки и безделушки подчас превращают номера в антикварные магазины. Бархат, плюш, шелка дополняют это сочетание безвкусицы и мотовства. А картины! Художественная ценность подавляющего большинства картин не превышает ценности позолоченных рам. Нет числа уродливым подобиям левитановских пейзажей. Не повезло и известному шишкинскому полотну, безобразные копии с которого в гостиничном обиходе окрестили очень выразительно: «Мишка на дровозаготовках». Почти каждое такое «произведение искусства» влетает в две — три тысячи и больше. Никто их общей стоимости не подсчитывал, но можно биться об заклад: тут омертвлены миллионы.

Было бы несправедливо винить во всем хозяйственников. В Ленинграде они, как правило, опытные люди. И я допытывался у них, чем вызвано транжирство. Все в один голос отвечали, подобно директору гостиницы «Московская» Андрею Ивановичу Шорникову:

— На всю страну есть лишь одна фабрика, специализировавшаяся на выпуске мебели для гостиниц. Нам, ленинградцам, там не дают мебели. Оттого мы и покупаем что под руку попадется. Притом над нами висит бич: будешь долго искать, останешься ни с чем. В конце года деньги спишут, изволь потом выпрашивать их вновь. А тебе, чего доброго, скажут: мол, какой же ты хозяйственник. если не осваиваешь отпущенных средств!..

Эти беды донимают не только ленинградцев. Мне рассказывали, как мотались сталинградцы в напрасных поисках мебели для новой гостиницы. Кончилось тем, что кто-то упросил московский ГУМ продать гарнитуры, предназначенные для розницы. Где уж тут было думать о стиле, о ценах!

А как важно, чтобы мебель, все оборудование делали специально для гостиниц, убедиться нетрудно. Достаточно заглянуть в московскую гостиницу «Будапешт». Здесь обстановка, изготовленная на заказ, обошлась раза в три дешевле обычного. Мебель малогабаритная, удобная, изящная. В номерах есть все необходимое, но нет ничего лишнего. Письменный стол легким движением руки превращается в туалетный столик с зеркалом. Радиорепродукторы вмонтированы в тумбочки у кроватей. Не загромождены ничем лишним и холлы. Здесь, между прочим, удивляют и радуют настольные лампы. Абажуры у них оригинальные, красивые. С первого взгляда дорогие. Но ничего подобного: засушив живые цветы, их наклеили на лист бумаги, свернули его и обтянули прозрачной тканью.

А все-таки многое зависит и от самих хозяйственников. Как-то пришлось побывать в московской гостинице «Пекин». Там по инициативе директора Николая Ивановича Пульникова провели «уборочную кампанию». Из номеров убрали хрусталь, никому не нужные письменные приборы, настольные стекла, а из холлов — лишние кресла и сэкономили тысяч сто. Картины заменили гравюрами.

Жаль, что «Будапешт» и «Пекин» — исключения из правила.

Рассудку вопреки...

Кому приходилось провести днем хотя бы несколько часов в гостинице, тому хорошо знакома такая картина: горничные, дежурные, полотеры, электромонтеры, слесари-водопроводчики без конца снуют вперед-назад по коридорам или собираются стайками, толкуя о том, о сем.

Зачем их столько? Люди они малооплачиваемые и, конечно, согласились бы на уплотнение рабочего дня, на совмещение смежных профессий: заработки повысились бы. А государству — экономия средств.

Дело, кажется, ясное. Но вот появляется неожиданное препятствие: сопротивление финансовых органов, которые, рассудку вопреки, не желают отступать от штатных расписаний, если это и сулит явную выгоду государству. Именно так произошло недавно в столице Латвии. Валентина Кришьяновна Шмит, ведающая гостиницами в Рижском горисполкоме, как-то посетовала:

— Хотим беречь государственные деньги, а не дают. В гостинице «Виктория» полотер согласился за небольшую доплату исполнять и обязанности электромонтера: ежемесячная экономия в четыреста рублей. Но финорганы отказали, говорят: «Нарушение законов». Полгода директору угрожали всякими карами. Из-за этого никто в наших гостиницах не решается на совмещение профессий...

На это же жалуется и заместитель директора гостиницы «Октябрьская» в Ленинграде Михаил Борисович Мориц. Он привел меня в вестибюль.

— Полюбуйтесь, вот почтовое отделение, сберкасса, киоск «Союзпечати», справочное бюро, галантерейный киоск, а здесь вот продают театральные билеты. Работы негусто, с ней великолепно справятся один почтовый агент и гардеробщик за небольшую дополнительную оплату. Можно бы сберечь тысячи и тысячи, но мешают ведомственные барьеры... В самой гостинице не лучше. У нас есть три дежурных электромонтера, два монтера — надсмотрщика телефонной сети, четыре водопроводчика, четыре слесаря-регулировщика теплосети. Зарплата их построена по принципу: «Пусть людей топчется побольше, лишь бы получали они поменьше». Механическое сокращение штата тут недопустимо, за всеми коммуникациями надо наблюдать постоянно. И самое правильное — совмещение смежных профессий с повышением зарплаты.

Оказывается, таких несуразиц в жизни гостиниц много. Директор Ленинградского треста гостиниц инженер Константин Васильевич Голышев рассказывает:

— Можно было бы значительно улучшить обслуживание жильцов, сберечь много денег. Но... Но я лучше на примерах это покажу. У нас некому ремонтировать мебель, штатов нет. Отдавать ее в починку посторонним организациям зачастую нет смысла: дерут семь шкур. И мы ежегодно списываем мебели тысяч на полтораста — двести. А дали бы нам всего лишь тысяч тридцать в год на профилактический ремонт, и мебель, систематически ремонтируемая собственными силами, служила бы еще очень долго.

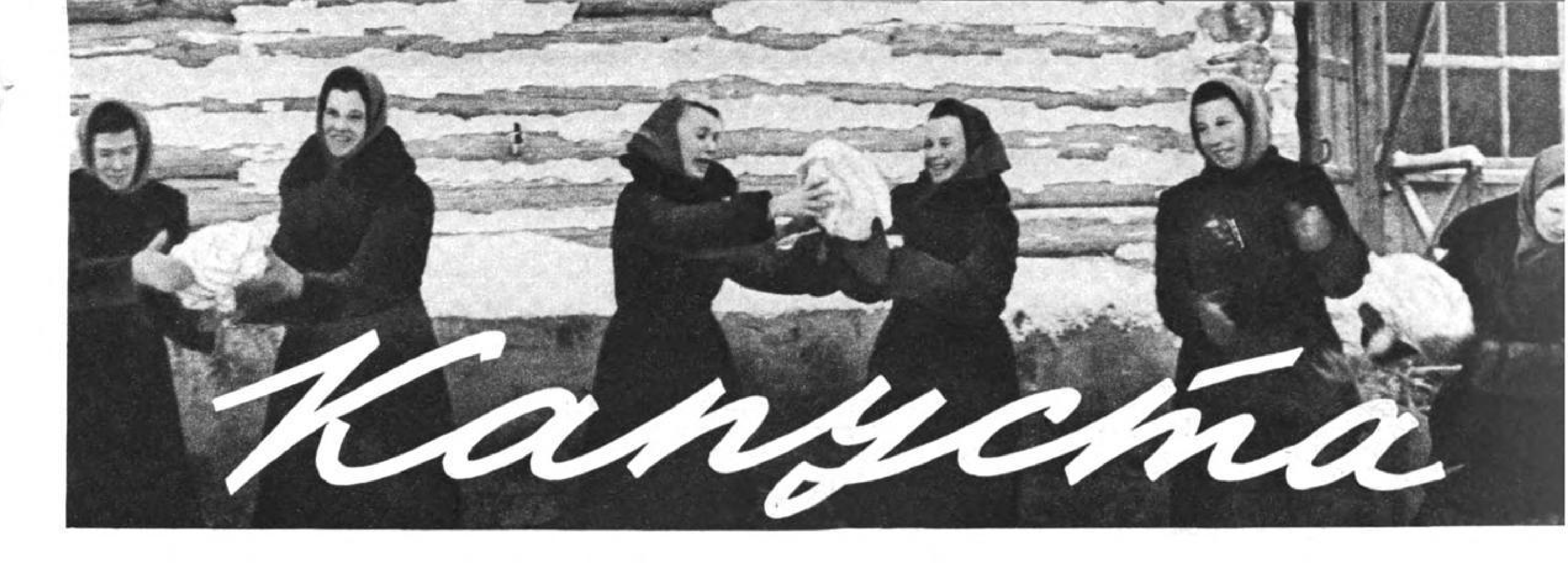
Директор треста выкладывал факт за фактом. Гостиничные рестораны, парикмахерские, портновские и сапожные мастерские подчинены разным хозяевам, влиять на которых практически невозможно. Штаты горничных велики, потому что о механизации уборки ведутся лишь разговоры: нет никаких машин, кроме пылесосов. О введении формы для персонала толкуют годами. Разнобой в зарплате поразительный: в одной гостинице работники получают почти в два раза меньше, чем в соседней... Работа в гостиницах — это не профессия, а временное, зачастую случайное занятие. Пока персонал набирают «от ворот». Профессиональные гостиничные работники наперечет. Их не выпускает ни одно учебное заведение. А ведь надо такие учебные заведения создать — хотя бы вечерние на первых порах, без отрыва от производства.

* * *

В нынешнем семилетии наша страна обогатится сотнями новых гостиниц. Имеются, продолжают разрабатываться хорошие, экономичные проекты. Однако многое еще неясно. Кто будет поставлять предусмотренные проектами новые строительные материалы, например, пластические массы? Вскоре проведут конкурс на мебель для гостиниц, на санитарно-техническое оборудование, электроарматуру, отделочные материалы и тому подобное. Но кому поручат все это изготовлять? Как готовить кадры для гостиниц?

Пора всерьез заняться действующими гостиницами, чтобы эксплуатация их была подешевле, а обслуживание стало образцовым. Почти все зависит от исполкомов. Но они вправе рассчитывать на существенную помощь промышленности, совнархозов. Слово и за научно-исследовательскими организациями, в первую очередь за Академией коммунального хозяйства имени К. Д. Памфилова, которая почему-то выпустила гостиницы из своего поля зрения. Чтобы приезжий не оставался без крова, надо использовать и все возможности, имеющиеся вне гостиниц.

Гостю города и поселка — подлинное гостеприимство!

Капуста

ПОДМОСКОВНАЯ БЫЛЬ

Сергей КРУТИЛИН

Фото Ф. Короткевича.

1

Было еще очень рано, однако в кабинете председателя колхоза не протолкнешься.

Александр Дмитриевич Иванов, в наброшенном на плечи кожушке, сидел за столом и торопливо писал. Всегда аккуратный, выдержанный, он был сегодня не брит и чем-то озабочен. У стола стояли повязанные платками женщины, мужчины в ватниках и треухах. Вид у всех хмурый.

— Решим! Сейчас соберем правление и решим,— говорил председатель. Видно, люди пришли по одному и тому же делу.

Я подошел к столу, поздоровался.

— Извините!— Александр Дмитриевич посмотрел на меня поверх очков.— Придется нам изменить на сегодня нашу программу. Тут у нас одно срочное дело возникло — собираем правление...

Я прошел в соседнюю с кабинетом комнату. Когда-то, при старом председателе, тут был «зал для заседаний». Теперь — красный уголок.

Здесь прохладно, тихо. Все стены красного уголка заняты стендами и диаграммами. Были тут диаграммы, рассказывающие о росте доходов артели, о продуктивности животноводства... И хотя большинство из этих цифр мне было знакомо, я принялся от нечего делать переписывать их в свою записную книжку. Занятый этим, я не заметил, как в комнату кто-то вошел.

— Ишь, как удобно! — услышал я голос у себя за спиной.

Я обернулся. На стуле у самой двери сидел старик. Он снял с головы треух и, облокотившись на палку, давно, видимо, за мной наблюдал.

— Наш-то хитер! — Старик кивнул головой в сторону председательского кабинета.— Нарочно этих плакатов приказал понавесить. Корреспонденты-то часто ездят, от дела отрывают. А он проведет их сюда, посписывают они цифирки, иной до фермы дойдет,— и до свидания. А потом развернешь газету, начнешь читать, особенно вслух — старуха любит,— так просто невозможно! Как дятел — тук-тук! — то и дело спотыкаешься на всяких цифрах, центнерах да гектарах. А ведь разве в цифрах дело-то?

— О чем же, по-вашему, надо писать? — спросил я скорее из желания поддержать разговор.

— О капусте! — сказал старик.

Заинтересованный, я спросил у старика его фамилию.

— Печенов, Андрей Иванович... Может, слыхали?

О Печенове я слышал много. Председатель говорил о нем так: «Дед Печенов — редкостный старик!» Его заместитель, Ивлев, называл Печенова «нетипичным стариком». Рассказывали про него еще такую историю. Когда пришел Александр Дмитриевич в колхоз, хозяйство было в большом упадке. Позвал новый председатель всех колхозников, пригласил и тех, которые в свое время ушли из колхоза, главным образом молодежь. Заговорили о фермах. Все соглашались с тем, что нужно что-то предпринять. А как только начали выискивать людей, которые пошли бы на ферму ухаживать за скотом, никто не хочет. Бились, рядились — тот болен, тому образование не позволяет заниматься такой работой. И разошлись бы ни с чем, да вдруг поднимается с места Печенов.

— Давайте я пойду!— сказал он.

А ему уже в то время было за шестьдесят. Вот подсчитайте: он стал коммунистом в 1919 году, будучи красноармейцем. Ему было тогда двадцать пять лет. Прибавьте к этому сорок годков, что минуло с тех пор. И выходит? Как раз все так и выходит. Да, поднялся старик, оглядел собравшуюся молодежь и говорит:

— Я пойду! Что ж, коль, кроме меня, некому...

Так пристыдил старик молодежь, что тут же, на собрании, многие заявили: они готовы вернуться в колхоз. Сейчас одних только комсомольцев в колхозе семьдесят человек.

И все дед Печенов...

Дед высок ростом, сухопар. Он не носит ни усов, ни бороды; одевается Андрей Иванович опрятно: черный костюм, сатиновая косоворотка. Что же касается его характера и всяческих там манер выражаться, то тут Печенов вовсе не похож на книжных стариков. Поговорить он не любитель. Это я сразу понял, как только начал выспрашивать его о том, что надо писать про капусту.

— Рассказец бы такой сочинить... про жадность,—говорил он.

— При чем здесь жадность и капуста?

— А вот она есть, связь-то! — добавил старик и снова умолк.

2

Дела здесь, в колхозе имени Димитрова, неподалеку от Коломны, идут в гору. Отличный урожай выдался в минувшем году зерна, кукурузы, овощей. Особенно хорошо уродилась капуста. Уже в середине сентября ясно было, что после продажи государству капусты придется на трудодень не менее чем по два килограмма. Председатель собрал по этому поводу правление с активом и держал перед правленцами такую речь:

— Товарищи! Мы хорошо потрудились. Сейчас начинаем выдавать под расчет продукцию по трудодням. Вы уже получили хлеб, молоко, овощи. Теперь мы собрались, чтобы поговорить о том, как нам поступить с капустой. Капусты у нас очень много. Некоторым нашим колхозникам причитается по пять — шесть тонн. Управиться с капустой будет очень трудно. Во-первых, в колхозе мало транспорта. Во-вторых, хранить вам ее негде. Поэтому вношу на ваше рассмотрение такое предложение: каждому колхознику доставить на дом по двести — триста килограммов капусты, а остальную вывезти в Коломну и в Орехово и продать. Вам это будет удобнее: не придется таскаться в город, на базар. Получите деньги, по полтора рубля за килограмм.

Эх, что тут поднялось!

— По полтора-то рубля у нас капусту всегда с руками возьмут!

— А я, может, свою капусту в погребе до марта сохраню, чтобы по четыре рубля за кило продать!

— Пусть всю по домам развозят! Каждый сам решит, как с излишками поступить!..

Чтобы не слышать шума, вызванного его предложением, председатель шутливо зажал уши, покачал головой: «Жадноваты вы, бабы!» Он долго убеждал колхозников: чтобы развезти всю капусту по домам, надо по меньшей мере три месяца. Колхоз разбросан — в нем пять деревень. Все они далеко от поймы Москвы-реки, где находится огород. Дороги в села плохие, а в Коломну от переправы — отличное шоссе.

Ни в какую!

...Капусту развозили по домам день, второй, неделю. Однако конца этому не было видно. Многим колхозникам приходилось делать по нескольку рейсов. Складывать капусту было некуда. В погребах картофель, лук, овощи. Кочны заполонили сенцы, их поедали коровы и козы; у многих капустой были завалены холодные половины домов...

Тем временем погода испортилась. Зачастили дожди, подули холодные ветры. Машины с огородов своим ходом уже не пробирались. Приходилось тягать их трактором. Разве справишься быстро с такой обузой? Ведь капусты оставалось в пойме несколько тысяч тонн!

— Возите, возите, раз так хотели,— отвечал на нарядах председатель, когда разговор заходил о распределении транспорта.

Прошла еще неделя. Еще два десятка колхозников вывезли капусту из поймы.

А однажды утром, проснувшись, колхозники увидели, что все вокруг белым-бело. Землю сковал мороз.

Вот почему все так рано собрались в правление.

3

Когда мы вместе с Печеновым вернулись в кабинет председателя, тут было полно народу.

Мы протолкались в самый дальний угол, к печке, и сели.

— Сейчас будет продолжение этой истории с капустой,— шепотом сказал мне Андрей Иванович.

Из-за стола поднялся председатель. Александр Дмитриевич кратко, будто ничего не случилось, снова повторил свое предложение: вывезти капусту немедленно на рынок или продать в госзакуп, а с колхозниками рассчитаться деньгами.

— Не приняв в прошлый раз мой совет,— говорил председатель,— вы уже потеряли по пятидесяти копеек на килограмме. Тогда вы получили бы полтора рубля за кило; сейчас будет очень много отходов: листы уже тронул мороз. Дороже рубля не продать даже на рынке. Но может случиться и так, что завтра вы потеряете все...

Колхозники молчали. «И верно,— думал каждый,— кто ж знает, какая погода будет завтра? День — другой подержится мо-

Андрей Иванович Печенов.

роз — и капуста погибла. Значит, пропали и денежки, заработанные нелегким трудом!»

Выражение лиц колхозников было озабоченным. И это было понятно. Тем, кто родился и вырос в деревне, знакомо умение крестьянина считать каждую копейку. Нет, это не скупость, а что-то другое.

Мать ни за что не стряхнет крошки хлеба со стола в лохань, а непременно соберет их все до единой на ладонь — и в рот. Возвращаясь летом с поля, с прополки, усталая, она все же несет полный фартук сорняков: пригодится корове. Рабочий-горожанин тоже ведет счет своему заработку. Но у него все его траты исчисляются исключительно на деньги. А колхозник, он привык считать пуды. По осени в сусек любили заглядывать и дед и отец. Трудно от этого отвыкнуть так, сразу. Сначала хочется видеть, сколько привезут тебе этой самой капусты, да полюбоваться, да все не спеша продумать, как с ней дальше быть... Он сам выращивал рассаду, крохотные и нежные стебельки ее сажал в землю, поливал, нежил; каждый день наблюдал он за ней с тревогой: растет? Не повредил ли червь? Не потравил ли скот?.. А тут предлагают решить все сразу, одним махом... Непривычно как-то...

И они сидели, молчали, думали. Сначала рассуждали в уме, затем чуть слышно заговорили, а потом уже все громче и громче.

Андрей Иванович толкнул меня легонько в бок: смотри, дескать, слушай! Я взглянул на старика. Лицо его, морщинистое, продолговатое, было одухотворено, глаза лучились в улыбке. Он узнавал себя в этой шумной стихии, но был выше нее, потому и улыбался и качал головой.

И я понял все...

Молодежь, комсомольцы в наших городах проявили замечательную инициативу: они хотят жить и работать по-коммунистически. И в этом колхозе Лида Духина, комсомольский вожак, создает одну такую бригаду на ферме. Но это одна бригада. А вся остальная деревня? В коммунистических бригадах будет трудиться миллион, ну, два, пусть даже десять миллионов. А крестьян у нас десятки миллионов! Большинство их относится к труду добросовестно, но... но мелкособственнические инстинкты сильны еще кое-где.

А собрание все гудело. Колхозники выступали горячо. Каждый вносил свои предложения. Смысл их сводился к тому, что, не дай бог, как бы не продешевить с капустой. Однако чем больше говорили, тем становилось яснее, что большинство за предложение председателя: немедленно вывезти всю капусту в город, продать и рассчитаться с колхозниками деньгами.

Наконец решили голосовать. Предложение председателя было принято. Было решено, что завтра с утра все имеющиеся в хозяйстве машины перебрасываются на вывозку капусты в город. Цены на рынке и при сдаче в госзакуп почти одинаковые. Но магазины и заготовительные пункты в Коломне и в Орехове не смогут быстро принять такое количество капусты. Поэтому решили везти и в госзакуп и на рынок, где больше удастся продать. В госзакупе цена известная, а на рынке можно продать и по рублю за килограмм и по полтора — все зависит от спроса.

Для торговли на рынке нужны были надежные люди — разворотливые, непьющие, которым можно было бы доверить деньги. Большие деньги.

Первым назвали имя Андрея Ивановича Печенова. Но председатель сказал, что Андрей Иванович — председатель ревизионной комиссии и сейчас у него много дел; к тому же у него больна жена, которую не на кого оставить.

— Тогда будем просить, чтобы поехал Санпетро,— предложил кто-то.

— Санпетро! Альберто пусть едет! — закричали со всех сторон.

— Он жену только что из родильного дома привез,— пытался было возразить кто-то.

Но в это время сидевший у окна колхозник встал и проговорил с акцентом:

— Я согласен!

Это был Альберто Санпетро, испанец, юношей приехавший в 1937 году в Советский Союз, а теперь коммунист, партгрупорг на молочнотоварной ферме, человек, как мне рассказывали, исключительно самоотверженный и честный.

— Ты не спеши, присмотрись, какая цена у других,— наставляли его колхозники.— Наша капуста-то лучше. Не продешеви!

Но вот все уже успокоились, утихли, остыли, улеглись страсти; начали было расходиться. Вдруг неподалеку от нас, у печки, поднялся пожилой колхозник. Был он в телогрейке, резиновых сапогах; редкие русые волосы взъерошены.

— А я все-таки сам поеду на базар! — крикнул он.— Может, все-таки удастся продать свою капусту по полтора рубля за кило...

И снова буря.

— И я тоже поеду сама! Разве у меня-то деньги лишние?

— Мы тоже поехали бы, да кто за нас коров будет доить! — кричали в один голос доярки.

— Пусть по домам развозят — и точка!

Сидевший рядом со мной дед Печенов встал и, постукивая по полу палкой, направился к председательскому столу.

Андрей Иванович оглядел собравшихся; все притихли.

— До чего ж в каждом из вас,— тихо заговорил старик,— живучи еще старые крестьянские замашки! Ведь, кажется, все мы помним, когда впервые при Александре Дмитриевиче по рублю на трудодень денег дали. Радовались тогда. А сейчас то время забыли. Сейчас по семи рублей на трудодень только авансом получили. Хлеба, картофеля, овощей — всего у каждого в достатке. И все нам мало! Всех в стяжательстве не виню. А вот тебе, Михаил Васильевич,— обратился Печенов к колхознику, кричавшему: «Сам поеду!»,— а тебе должно быть стыдно: ты же коммунист. А коммунисты обязаны прежде всего об общих, а не о своих, личных интересах думать. А ты? Лишних десять копеек с кило захотел! Рабочий — ведь он тоже эти копейки считает! Если тебе мало, не баламуть народ: возьми с моих трех тонн, что мною заработаны, по сорока копеек с килограмма. С меня и по шестидесяти копеек за кило хватит...

Печенов сел.

Никто не проронил ни слова.

Наутро я уезжал из колхоза.

У переправы через Москву-реку наша машина остановилась: мост был разведен, пропускали в затоны последние суда. На реке уже белело «сало».

Я вышел из машины. В пойме реки, неподалеку от переправы, дружно работали люди. Одни рубили кочны, другие брали их по нескольку штук на руки и несли к машинам. Скоро трехтонные «ЗИЛы», доверху нагруженные капустой, стали подъезжать к переправе. Одна, другая, третья...

Московская область.

«Огонек» отвечает

ПАМЯТНИК «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РОССИИ»

Читатели «Огонька» П. П. Любцев из Курска, А. Ф. Волков из Киржача, Л. С. Харьковская и В. П. Яцук из Краснодарского края, А. П. Шумилин из Сталинграда и другие обратились в редакцию с просьбой рассказать о памятнике «Тысячелетие России», снимок с которого был напечатан в нашем журнале в № 49 за 1958 год. Читатели спрашивают, кем и когда был воздвигнут этот памятник, кто его автор, почему он так называется и чьи образы воссозданы в скульптурах, помещенных на памятнике.

Памятник «Тысячелетие России» сооружен по проекту известного художника прошлого века Михаила Осиповича Микешина, автора памятника Екатерине II в Ленинграде, памятника Богдану Хмельницкому в Киеве.

Созданию памятника «Тысячелетие России» царское правительство старалось придать всенародный характер. По всей России проходил сбор пожертвований на сооружение монумента, на проект был объявлен конкурс. В нем принял участие и молодой художник. Его проект получил первую премию.

Микешину, как и другим участникам конкурса, были поставлены жесткие условия: требовалось, чтобы памятник прежде всего возвеличивал православие и самодержавие. Потому, видимо, художник решил придать внешнему виду памятника контуры шапки Мономаха — неотъемлемой эмблемы царской власти. Художнику пришлось прибегать к различным ухищрениям, чтобы добиться помещения на памятнике скульптурных фигур не только князей, церковных деятелей древней Руси и лиц царской фамилии, но и людей передовых, олицетворяющих демократические силы народа. Так, с большим боем отстоял Микешин на памятнике место для великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя, скульптурное изображение которого правящие круги считали не совсем желательным на монументе.

В мае 1861 года в Новгороде, в центре Кремля, у здания Присутственных мест, состоялась закладка фундамента памятника, а 8 сентября 1862 года он был открыт.

Что же он представляет собою? Рассматривать его на месте начинают обычно сверху, с «маковки». Наверху, у креста, который вделан в огромный шар, стоит коленопреклоненная женщина. Это как бы олицетворение «христианской России», а шар — «держава Российская».

Но опустим взор от «державы» несколько вниз. Здесь огромное количество бронзовых фигур, установленных по кругу под «державой», которые как бы подпирают ее. Они делятся на шесть групп и олицетворяют собой, по официальной историографии девятнадцатого века, шесть главных эпох России.

В нижней части памятника — бронзовый пояс из человеческих фигур. Это горельеф. На нем скульптурные изображения ста девяти лиц. Они разбиты на четыре группы: «просветители народа», «государственные люди», «военные люди и герои», «писатели и художники». Тут Кирилл и Мефодий — составители славянской азбуки; основатель книгопечатания на Украине князь Константин; Ярослав Мудрый и Владимир Мономах; защитники Севастополя в Крымскую войну Корнилов и Нахимов; тут же Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Сусанин, Суворов, Кутузов.

В последнем разделе — «писатели и художники» — Ломоносов, Фонвизин, Державин, Крылов, Карамзин, Жуковский, Гнедич, Грибоедов, Лермонтов, Пушкин, Гоголь, Глинка, Брюллов.

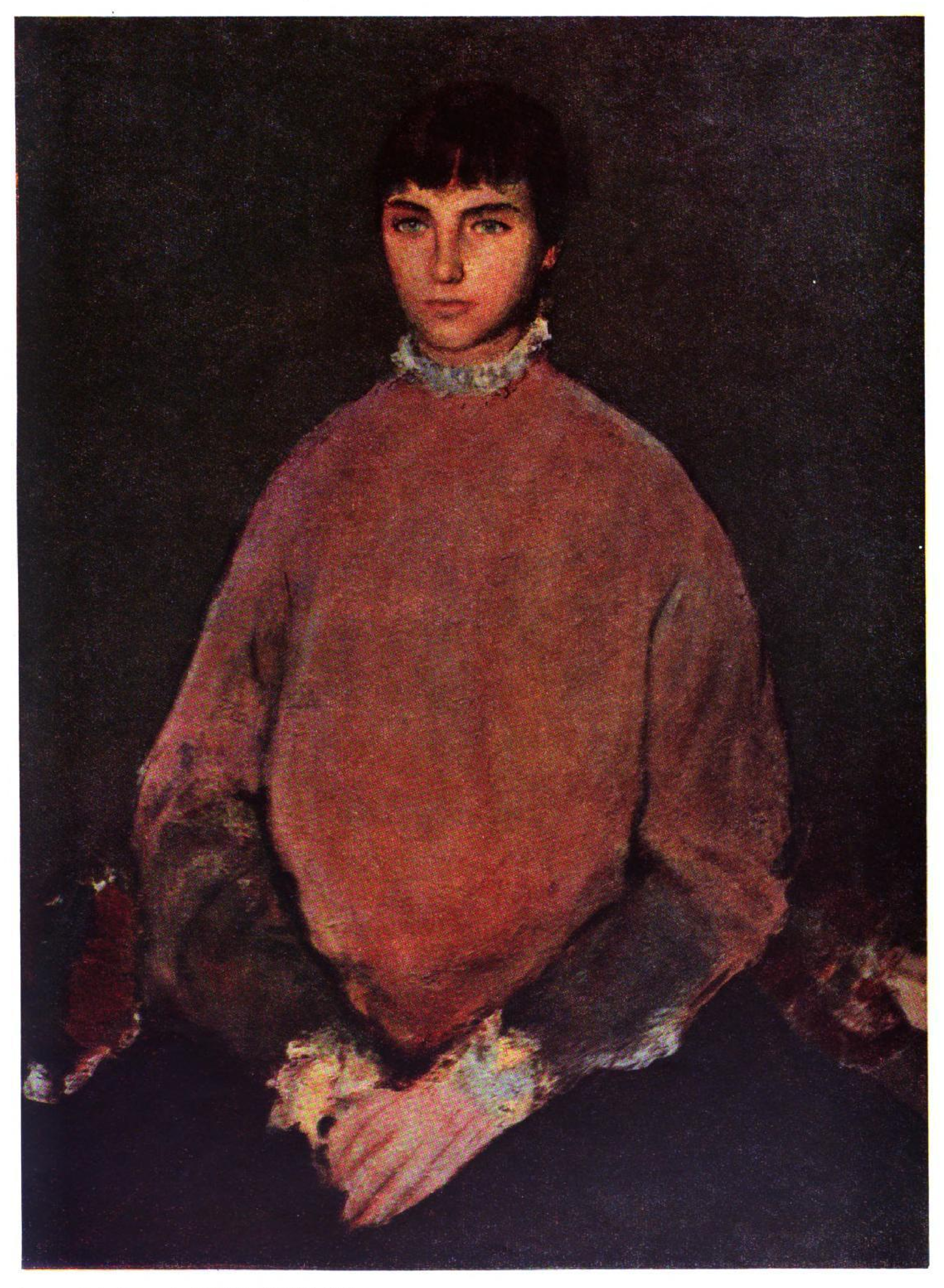
Но почему памятник называется «Тысячелетие России»? Разве русскому государству тогда было только тысяча лет? Далеко не так! История русской государственности уходит гораздо дальше девятого столетия. Но историки-монархисты считали основателем русской государственности пришельца — скандинава Рюрика, который появился в Новгороде якобы в 862 году. Дата мифическая. Тем не менее она-то и считалась официальной датой образования русского государства.

Во время минувшей Отечественной войны памятник этот был гитлеровцами разобран, но вывезти его они не успели: части Советской Армии вышибли захватчиков из Новгорода, и вскоре монумент «Тысячелетие России» был восстановлен в том виде, в каком его и создал Михаил Осипович Микешин.

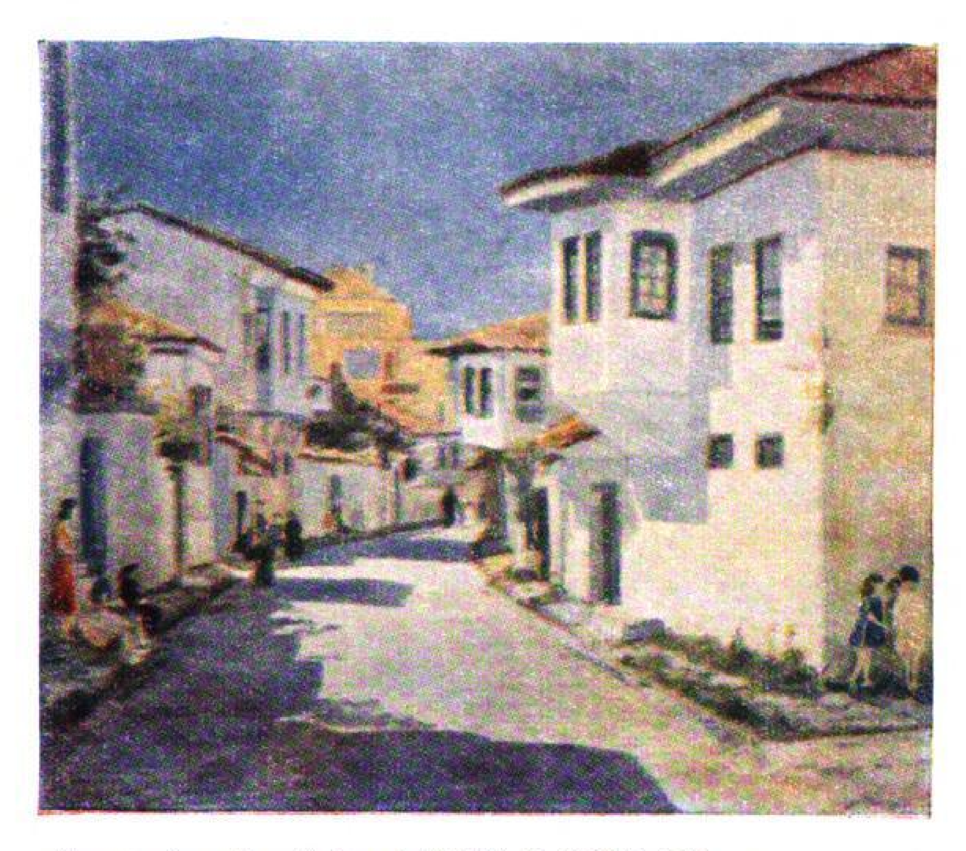
В. ТИТОВ

И. А. Серебряный (СССР). КОНЦЕРТ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФИЛАРМОНИИ (ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ВТОРОЙ ГОД). 1958 год.

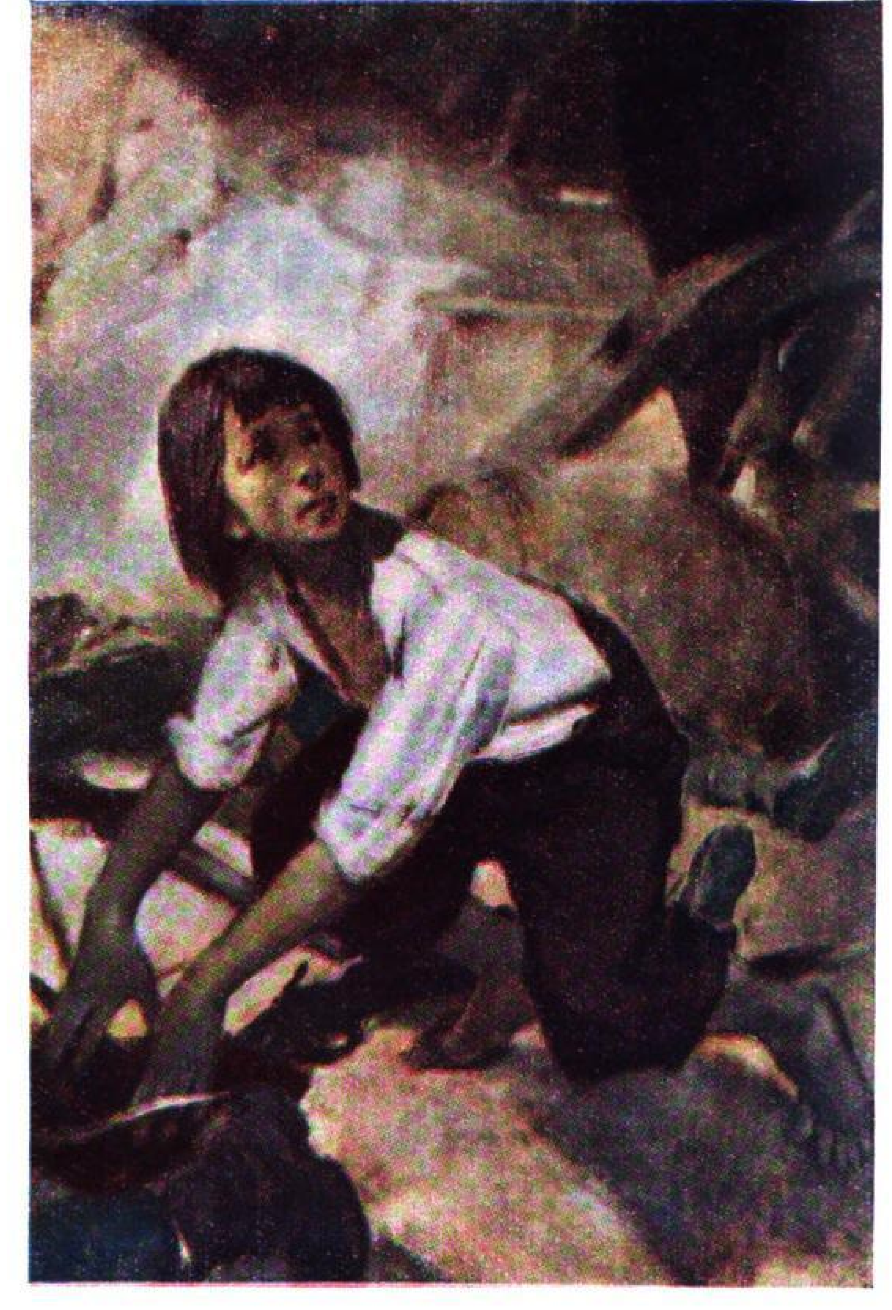
Корнелиу Баба (Румыния). ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ. 1957 год.

Вангьюш Тими Мио (Албания). УЛИЦА В КОРЧЕ. 1948 год

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

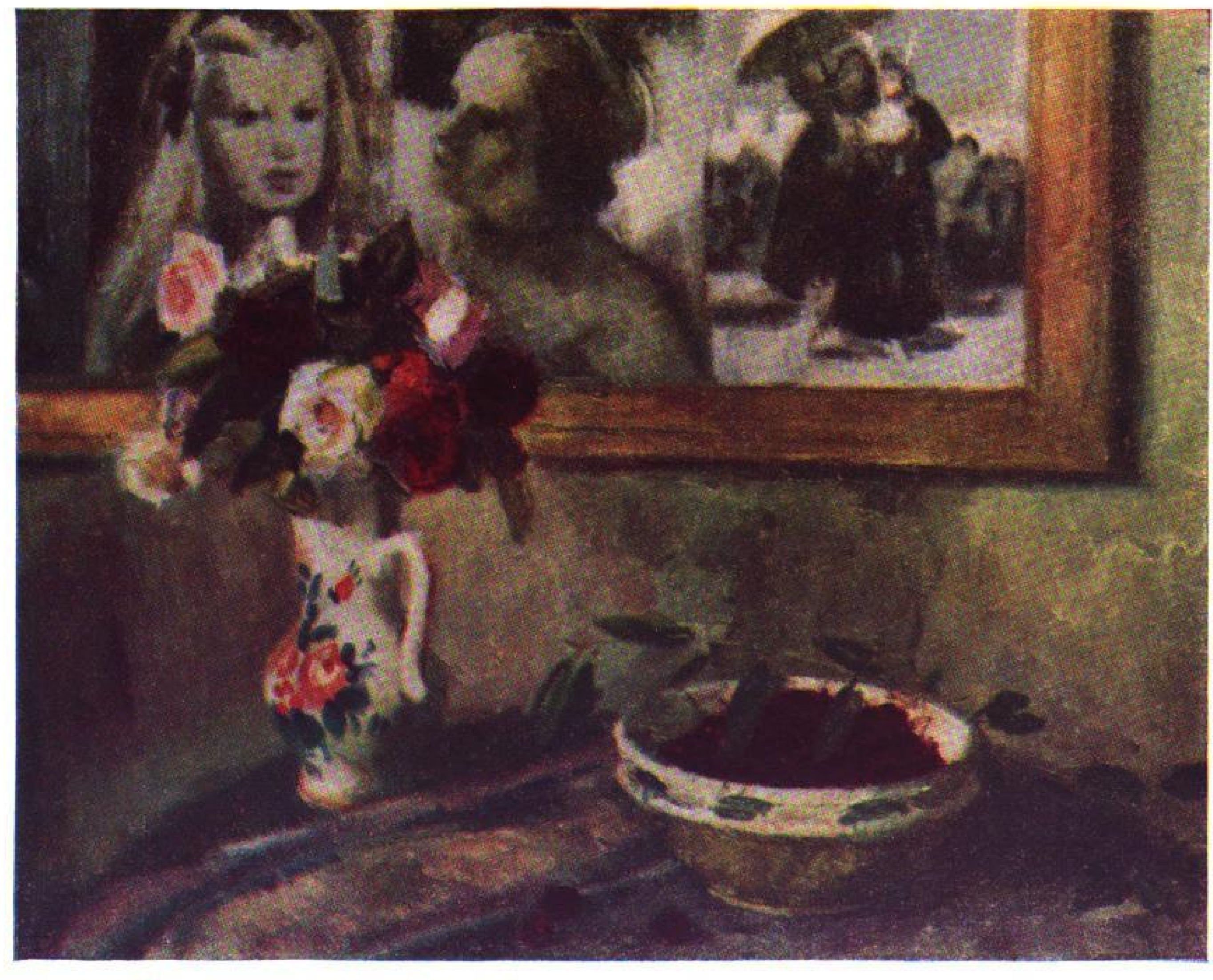
Берт Хеллер (Германская Демократическая Республика). ГАВРОШ. 1953 год.

Бернгард Кречмар (Германская Демократическая Республика). НЁТНИЦ ЗИМОЙ. 1957 год.

Йене Бенедек [Венгрия]. ПАРТИЗАНЫ. 1951 год.

Иштван Молдован [Венгрия]. НАТЮРМОРТ. 1957 год.

Сибирские встречи

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

ЗДРАВСТВУЙ, БАЙКАЛ!

Так вот ты какой!
Непокорный, двужильный,
В нетающей дымке синеешь меж скал...
Ну, здравствуй, товарищ отважных и сильных,
Бездонный,
Безбрежный,
Мятежный Байкал!

То серый,
То синий,
То темно-зеленый,
То розовый,
То голубой-голубой...
Байкал!.. Я гляжу на тебя изумленно,
Впервые так близко встречаясь с тобой.

А как подступиться к тебе, и не знаю,
Робею, склонившись к твоей синеве:
Ведь все же священный...
От края до края
Прославленный в песне, в народной молве.

Скажи мне,
На дочь до сих пор ты в обиде?
Неужто по-прежнему горечь остра?
Ах, если б ты знал, если б только ты видел,
Какой стала нынче твоя Ангара!

Деля с Енисеем и радость и горе,
Веками ждала она встречи с тобой,
И скоро ее бирюзовое море
Сольется с твоей родниковой водой.

Прости Енисею,
Умкнувшему дочку!
Нельзя же так гневаться долго, ей-ей!..
Я вижу в просторе твоем, одиночка,
Не славный корабль — омулевую бочку,—
Суда, что идут прямиком в Енисей.

Так радуйся, бейся в крутые граниты:
Ведь дочь открывает тебе, старикан,
Ворота в сердитый,
Всегда ледовитый,
Легендой овитый седой океан!

БЫВАЛЫЙ РЫБАК

Омулятник,
Кострами и рыбой
Он пропах от ладоней до пят.
Красноватые руки, как глыбы,
Тяжело на коленях лежат.

На щеках задубевших — морщины
С каждым годом все резче, крупней,
И такая густая щетина,
Что хоть омуля чисти на ней!

Баргузин, с ним, бывало, поспорив,
Сколько раз обжигал ему грудь!
Он родился на этом просторе
И на море окончит свой путь.

Море!.. Вот оно плещется в скалах.
Здесь Байкал, словарям вопреки,
Нет, не озером и не Байкалом —
Только морем зовут рыбаки.

На закате иль в утренник серый
Он торопится с ними туда,
Где стоят, возвышаясь, гундéры[1],
Где ставные стоят невода.

Море к лодкам бросается с гневом,
Далеко до спокойной земли...
— Что уснули?
Подрезывай невод,
Выбирай поскорей кошели!

Ничего, что сгущаются тучи,—
У парней-то рыбацкий закал!
По-отцовски настойчиво учит
Силе духа суровый Байкал.

И что сила осталась все та же,
И что это действительно так,
Орденами своими докажет
Он,
Бывалый байкальский рыбак.

НАД АНГАРОЙ

Еще не раскинулось море
Широко, как в песне,
А здесь,
В поселке, встречающем зори,
Приморская улица есть.

Еще и волна штормовая
Не хлещет в причальный накат,
И только речные трамваи
Спокойную гладь бороздят.

А мальчик, глядящий с обрыва
На синь, что лежит перед ним,
Мечтает,
Девчонкам на диво,
О том, чтобы стать рулевым.

В его пиджачишке рабочем
Лежат «якоря» про запас,
И карта, и кóмпас...
А впрочем,
Моряк произносит «компáс».

Романтик,
Под вымпелом алым
Судов грузовых караван

Он смело ведет из Байкала
В штормующий океан.
И руки в работе окрепли,
И брызги касаются щек...
Матросские ленточки треплет
Ангарский крутой ветерок.

Сквозь льды и торосы до срока
Он в порт приведет корабли!
Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...

Пусть это еще под вопросом,
Но здесь, над сибирской рекой,
Уже подрастают матросы
Для службы
и славы морской!

[1] Шесты, на которых укреплен невод.

РАЗВЕДЧИК БУДУЩЕГО

Буровому мастеру экспедиции «Фундаментпроект» Николаю Ивановичу Захарову, работающему на площадке будущего Тайшетского металлургического завода.

В перелесках густых под Тайшетом
Утром зябко березы дрожат
И осины прощаются с летом,
Надевая багряный наряд.

Скоро выйдут губастые лоси,
Промелькнет, словно искра, лиса...
Ходит-бродит сибирская осень
По тайшетским холмам и лесам.

Но вглядись — и увидишь: впервые
Меж берез, что горят, как костры,
Установки стоят буровые,
Поднимаются к небу копры.

Кто же эту осеннюю дрему
По-хозяйски нарушил навек?
Он в лесной глухомани, как дома,
С беспокойной душой человек!

Ищет грунт, пробиваясь сквозь камень,
Пробиваясь сквозь толщу пород,
Чтоб стоял нерушимо, веками
На фундаменте прочном завод.

Клочья сизых туманов. Болота,
Где раздолье одним комарам...
Экспедиция кончит работу,
И разъедутся все по домам.

Дни промчатся...
И в свежей газете
В час, когда соберется семья,
Прочитает бурильщик про эти
Возрожденные к жизни края.

Вспомнит с гордостью чащи глухие,
Тишь лесную, болота...
Ведь там
Первым он проходил. А другие...
А другие идут по следам!

Сегодня мы публикуем снимки, позаимствованные из немецкого иллюстрированного журнала «Фрайе вельт». Они с беспощадной правдивостью показывают, что творится в стране, задавленной гнетом шахиншаха.

ПОД ГНЕТОМ ШАХИН

Дм. ТРОФИМОВ

В Иране все настойчивее спрашивают:

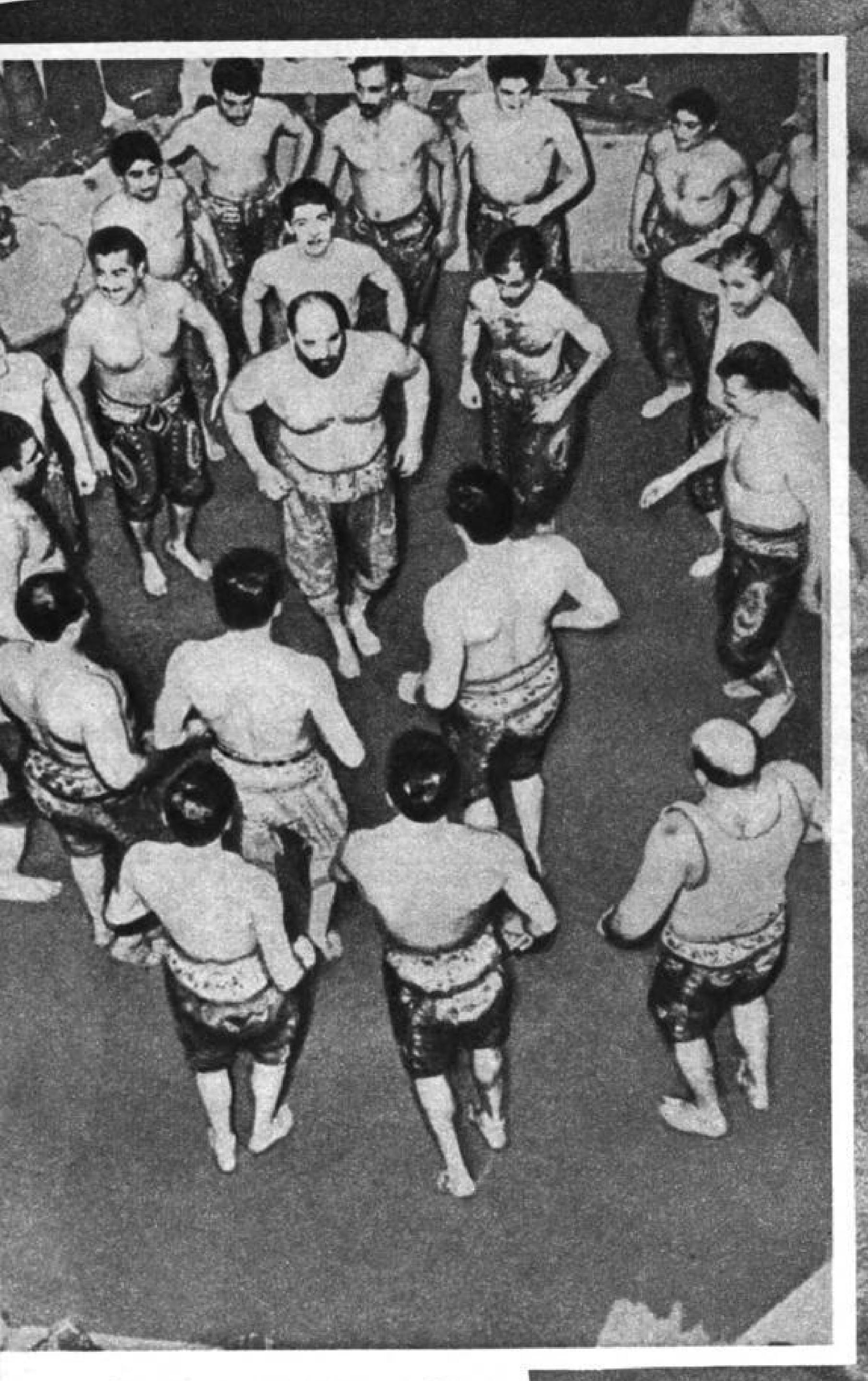
— Почему снабжение Тегерана электроэнергией находится в таком печальном состоянии?

— Почему города и селения Ирана лишены асфальтированных дорог, водопровода, электричества?

— Почему так стремительно снижается уровень производства и изо дня в день разрушаются и опустошаются деревни?

— Почему в большом Тегеране так мало школ, что дети не могут посещать их каждый день?

— Почему здравоохранение и

Вот она, опора шахиншаха. Составленная из деклассированных элементов, банда Шабана Джафари резвится, чтобы сохранить спортивную форму для очередных мокрых дел своего высокого покровителя. В центре — главарь иранских гангстеров Шабан Джафари, прозванный «Бимох» («человек без мозгов»). После свержения правительства доктора Мосаддыка и кровавой осени 1954 года Шабан Бимох стал почетным майором шаха.

Аэродром — иранский, а реактивные самолеты — американские. Типичный современный пейзаж!

Это тюрьма «Гзыл Кале», неподалеку от Тегерана. В этом форте в пустыне многие годы томятся сотни невинных людей. Они брошены сюда без всякого суда и подвергаются пыткам и истязаниям, как в гитлеровских застенках.

Во дворце Голестан. Новогодний прием. Шах Мохаммед Реза Пехлеви вручает каждому придворному золотую монету. Таков обычай при дворе, где все построено на подкупе.

Безысходная нужда и безрадостная жизнь толкают людей к наркотикам. Несмотря на официальный запрет, полтора миллиона иранцев курят опиум.

«Шахиншахская вода»! Сколько горькой иронии в этих словах. Водопровод и канализация есть только в восточной части столицы, где живут богачи. Этим ловко пользуется шахский двор. Ежедневно по различным районам Тегерана передвигаются вот такие бочки с «шахиншахской водой». Канистра стоит 5 риалов. Бочки принадлежат подставным лицам шаха. Бизнес есть бизнес. Зато работники, которые от зари до зари развозят воду, получают мизерную зарплату, которой едва хватает на пропитание.
Но «шахиншахская вода» лишь для тех, кто имеет деньги. А городская беднота черпает влагу из сточных канав. Вода в них грязная, с нечистотами.

«Механизация» сельского хозяйства у подданных шахиншаха.

просвещение не являются достоянием всего населения страны?

— Почему уровень жизни девяноста пяти процентов населения Ирана подобен уровню жизни кочевников?

Перечень этих «почему» можно было бы продлить, ибо их, как пишут иранские газеты, бесконечное множество. Разумеется, многие хорошо знают, кто повинен в том, что иранские города и деревни разрушаются. Они понимают, почему в стране древнейшей культуры и сказочных богатств свирепствуют невообразимая нищета и голод и чем объяснить, что девяносто процентов населения неграмотно, что в сельских местностях один врач приходится на сто тысяч жителей, а продолжительность жизни населения колеблется между тремя и тридцатью четырьмя годами. Издатели и редакторы газет, конечно, догадываются, почему в Иране лишь пять процентов пахотной земли принадлежит крестьянам, а помещики до наших дней сохранили право в любое время лишать их работы и жилья.

В Иране все больше становится людей, знающих подлинные причины всех бед и горестей страны, но пока не осмеливающихся говорить об этом открыто; тегеранский диктатор беспощаден и суров: всякий, кто отважится поднять голос во имя правды и справедливости, будет жестоко наказан...

Бывший министр иностранных дел Ирана Фатеми выступил в 1953 году против американо-английского засилья, призвал шаха к защите национальных интересов. Он немедленно был объявлен изменником, схвачен, брошен в тюрьму, а когда его повели на допрос, приближенный шаха главарь иранских гангстеров Шабан Джафари так исполосовал его кинжалом, что Фатеми предстал перед судом полумертвым...

Не менее трагической оказалась судьба и Керима Пур Ширази — редактора газеты «Марде Эмруз». Хотя он и не отличался особо радикальными взглядами, тем не менее однажды покритиковал особу его величества. Бандиты Шабана Джафари разгромили редакцию газеты, а самого Керима Пур Ширази сбросили со второго этажа, облили керосином и сожгли. «Покончил жизнь самоубийством» — гласило циничное официальное сообщение. Точь-в-точь как в гитлеровском райхе.

Народ Ирана никогда не простит шаху и его дворцовой камарилье истребления лучшей, наиболее патриотической части солдат и офицеров армии в кровавую осень 1954 года. За свободолюбивые взгляды 19 октября были расстреляны полковники Сиямак, Мобашери и Азизи, майоры Отарод и Вазириян, капитаны Мадани, Ваезакаеми, Шагра и лейтенант Афухте. Спустя десять дней была уничтожена вторая группа офицеров. Затем третья, четвертая... Так под сенью шахского трона изо дня в день совершались кровавые преступления.

Иранские девушки и юноши — их было сто восемнадцать — возвращались с Всемирного фестиваля молодежи в Бухаресте. Как только они сошли с парохода на родной берег, их всех до единого посадили в тюрьму, нещадно избили, а над девушками надругались. А вся их вина была лишь в том, что они виделись и веселились с молодежью других стран.

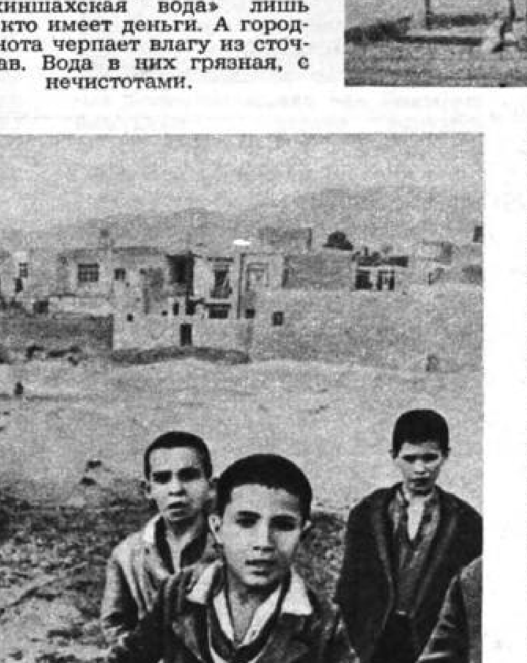
Над Азией и Африкой бушуют освободительные ветры. Они сотрясают дворцы, сносят короны. Багдад — эта давняя цитадель реакции и штаб американо-английских провокаций, неоднократно укрывавший шахиншаха от гнева его «любящего» народа, навсегда перестал быть убежищем коронованных особ. За какие-то два часа рухнул, как трухлявое дерево, террористический режим Нури Саида.

Корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Морис сообщает из Тегерана, что «шах Ирана хотел бы выбросить из головы 14 июля 1958 года и события, которые произошли в этот день в Багдаде». Но о Багдаде шах не может забыть, и он в истерике мечется между англичанами и американцами, измывается над своим народом, строит антисоветские козни. Заключением американо-иранского военного соглашения он пытается оградить себя от гнева мудрого иранского народа, укрыться за иностранными военными базами, усидеть на американских штыках.

Неспокойно в порабощенном царстве шахиншаха. В постоянном страхе живет властелин голистанского дворца. Свирепствуют палачи Шабана Джафари. Не прекращаются «крутые меры» в армии. Как сообщила «Эттелаат», уволены в отставку бригадные генералы Могрури, Вали, Эманверди, Сейфолла Зарраби и Дадгяв и шестнадцать полковников. Шах пытается избавиться от офицеров-патриотов.

Верноподданническая газета «Эстарх» сравнивает положение в Иране с кипящим котлом, «который бурлит все сильнее и сильнее и, не дай бог, в один прекрасный день взорвется от скопления пара».

Незавидная участь — сидеть на кипящем котле.

В глиняных хижинах и пещерах южной части Тегерана живут около 100 тысяч человек,— живут без света, без воды, без перспектив на лучшее будущее.

Рабочие делают кирпич для домов, но сами они живут в заброшенных печах для обжига кирпича на окраине Тегерана.

ЗАВОЕВАННАЯ МОЛОДОСТЬ

Наталья **КОНЧАЛОВСКАЯ**

Есть в начале Тверского бульвара обыкновенный забор с театральными рекламами, витринами для газет и доской для объявлений. Над забором возвышаются три больших тополя. На одном из них ждет весны скворечник...

Люди ходят мимо, останавливаются, чтобы почитать газету, переписать то или другое объявление, и не подозревают, что за забором, в палисаднике, лежат еще укрытые снегом куски дерева, огромные корневища и глыбы мрамора. Они лежат и ждут.

Для каждой глыбы придет час, когда ее принесут в мастерскую. Тогда в ней воплотится замысел скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова, неутомимо и беспрестанно создающего новые произведения.

Если говорить об этом стихами, то я бы сказала так:

Стволы, да пни, да белый камень...
Он искрится, как снежный ком,
Еще не тронутый руками
И не щербленный молотком.
И только скульптор ясно слышит,
Что этот камень может спеть,
Каким дыханьем глыба дышит,
И остается лишь посметь!..

С утра допоздна в мастерской царят вдохновение и труд.

Мастерская художника и скульптора — это святая святых! Входишь сюда, затаив дыхание.

Завернутые в мокрые полотнища, стоят здесь начатые скульптуры из глины. Каждому, кого пустят сюда, хочется приоткрыть влажное полотнище и посмотреть, над чем работает скульптор. Но нельзя! Это пока тайна мастера. Он ищет, добивается. И простая необходимость укутывать мокрой тряпкой глину, чтобы она не сохла, облекается романтикой...

Тут же, в мастерской, работают помощники Коненкова: формовщики, резчики, мраморщики. Обработка скульптуры требует тончайшего умения, не говоря уже о том, что это тяжелый физический труд.

Сергей Тимофеевич постоянно режет сам из дерева и высекает из мрамора свои работы. Остановишься на тротуаре возле окон мастерской и обязательно услышишь глухое цоканье молотков.

У скульптора много новых работ, выполненных за год. Вот прекрасная голова Лермонтова, только что отлитая из гипса. Она еще, как говорит Сергей Тимофеевич, не «переложена» ни в дерево, ни в мрамор, ни в бронзу. Но Лермонтов уже живет в мастерской как овеществленное выражение чувств и раздумий скульптора.

Вот портрет балерины Улановой. Он тоже еще в гипсе. Но в нем запечатлены неповторимая красота и гармония движений великолепной танцовщицы и актрисы, в нем чистота и поэзия ее искусства.

Большая статуя из дерева — Маяковский. Он молодой и мятежный. Он весь буйство и вызов рутине в поэзии и в жизни.

В другом углу мастерской такая же большая фигура из дерева. Это художник Суриков. Мне он особенно дорог. Это мой дед...

Памятью я невольно переношусь в июль 1948 года, когда еще живы были мой отец — художник Петр Петрович Кончаловский и мать — Ольга Васильевна.

Сергей Тимофеевич дружил с ними с самых юных лет. В тот год он приехал погостить к нам на дачу под Малоярославец, в Бугры. Уже был задуман портрет Сурикова. Сергею Тимофеевичу требовался большой пень с корнем для скульптуры.

Я помню, как мы все отправились в лес на поиски этого пня.

Пень был найден и перевезен в Москву. Он тоже попал в палисадник перед мастерской, ожидая своего часа. Теперь этот час пришел. Суриков воплощен в дереве молодым и порывистым. Художник снял шляпу и, держа ее в правой руке, шагает куда-то, закинув голову и глядя в небо.

...Мне всегда казалось, что ночью скульптуры ведут между собой молчаливый разговор и если ненароком войти в мастерскую, то они сразу замолкнут, как молчат днем, наблюдая начало и завершение новых произведений...

В мастерской Сергей Тимофеевич живет молодой, могучей творческой жизнью, несмотря на свои восемьдесят пять лет.

— Молодость художника вовсе не возрастное понятие,— говорит Коненков.— Художник должен быть всегда молод. Эта молодость сама не приходит, ее надо завоевать.

В 1945 году, вернувшись в СССР из Америки после долгого отсутствия, Сергей Тимофеевич сразу вошел в общий ритм советской жизни, словно бы никогда и не отрывался от нее. Об этом красноречиво свидетельствуют работы последних лет: портреты крупнейших деятелей науки и искусства — академиков Зелинского, Несмеянова, профессора Гольденвейзера, греческого патриота Белоянниса, скульптурные изображения Льва Толстого, Достоевского, Герцена, Максима Горького... Монументальное скульптурное оформление театра в Петрозаводске... Наконец, большая статуя — человек, разрывающий оковы,— «Весь мир насилья мы разрушим...».

Одна из последних работ Коненкова, «Автопортрет» 1954 года, удостоена Ленинской премии.

Но сейчас мне хочется вспомнить московскую мастерскую Коненкова на Пресне, против Зоологического сада. Мне посчастливилось провести в ней свою раннюю юность. В тот деревянный особняк-мастерскую Сергей Тимофеевич переехал летом 1914 года. Дом был одноэтажный — громадная студия с верхним светом. При студии комнатка с русской печью. Вокруг дома кусты сирени и жасмина. А за садом пустырь. Здесь была посеяна рожь, и в ней цвели васильки. Дворник этого дома, Григорий Александрович Карасев,— тот самый знаменитый «дядя Григорий», которого Сергей Тимофеевич увековечил в чудесной деревянной статуе. Дядя Григорий и его жена Авдотья Сергеевна были самыми близкими и верными друзьями Сергея Тимофеевича. Они делили с ним все заботы, горести и радости.

По соседству на Пресне жил рабочий люд: столяры, плотники, кузнецы. Сергей Тимофеевич дружил с ними. Кузнецы ковали ему инструменты: шпунты, троянки для рубки мрамора, полукруглые стамески для работы по дереву. Столяр Сироткин с помощником Мишухой мастерили вертящиеся подставки для скульптур.

И тогда вокруг мастерской тоже были навалены куски мрамора, лежали стволы деревьев, пни и корни. Сергей Тимофеевич покупал их на Филях у крестьян, корчевавших деревья.

В 1916 году Сергей Тимофеевич решил сделать выставку у себя в мастерской на Пресне. Для такой выставки требовалось разрешение пристава. Сергей Тимофеевич пошел в участок, и разрешение было получено. У ворот вывесили флаг, оповещавший об открытии выставки. Дворник Григорий посыпал дорожки песком, надел новый фартук и встал на место билетера и гардеробщика. У входа в мастерскую поставили скульптуру «Свистушкин», которая как бы зазывала и привлекала посетителей.

Эта выставка проходила с большим успехом. Она будила мысль в людях труда. Посетители часто оставались после закрытия выставки. Им хотелось общения со скульптором. Они задавали Сергею Тимофеевичу вопросы, иногда даже спорили с ним.

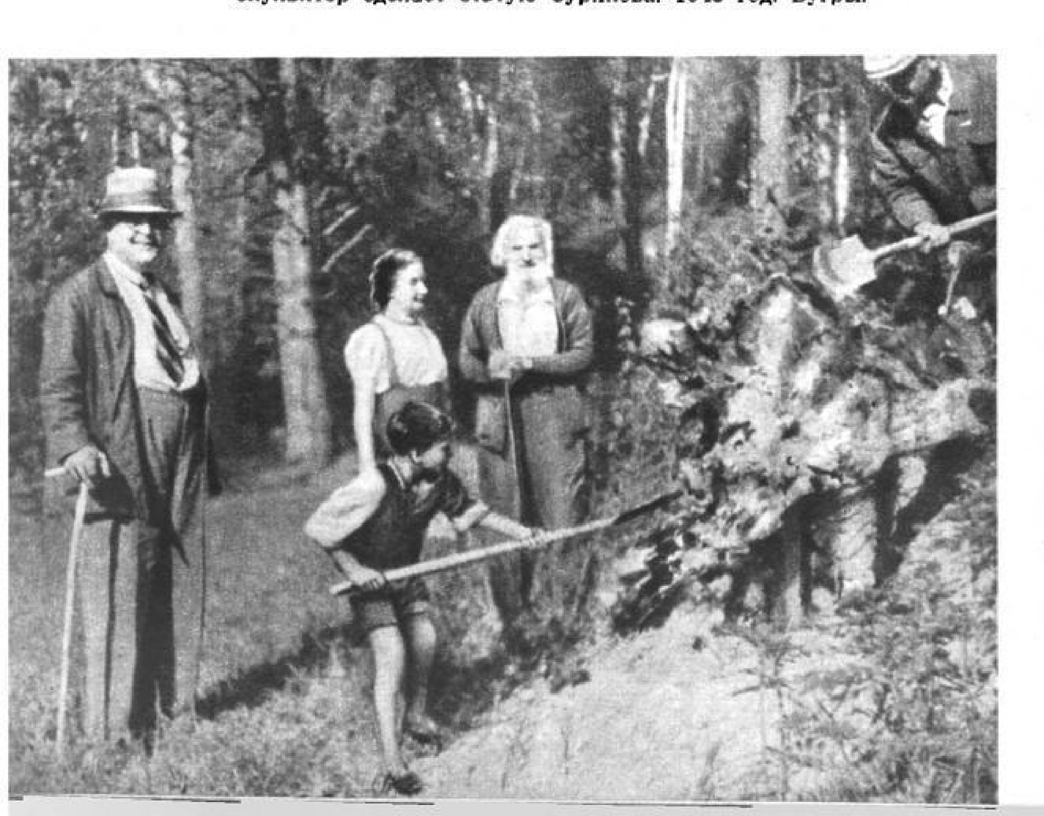
Так впервые показал Коненков свое творчество народу.

Вторая выставка открылась весной 1917 года. Но самая интересная выставка была в 1918 году. Эту выставку я помню очень хорошо, потому что и сама принимала в ней участие. Мне шел тогда пятнадцатый год.

Это было время становления молодого Советского государства... Не было топлива, не хватало продуктов, не во что было одеться и обуться. Суп варили из сушеной воблы или селедки, из пшена толкли муку и жарили блины на конопляном масле.

И все-таки жизнь искусства не замирала. В залах консерватории каждый день шли концерты, и публика при тусклом свете керосиновых ламп, сидя в нетопленном зале в шубах и шапках, слушала

С. Т. Коненков и семья Кончаловских выкапывают корневище. Из него скульптор сделает статую Сурикова. 1948 год. Бугры.

музыку. Певцы, скрипачи, пианисты тоже выступали в теплых пальто. Им приходилось держать в карманах бутылочки с горячей водой, чтобы хоть немного согреть пальцы.

А в театрах шли новые спектакли, в рабочих клубах и лекционных залах виднейшие профессора и ученые читали лекции о политике, об астрономии, об искусстве. Выступали поэты, устраивались диспуты... Никакой холод и голод не могли помешать начавшемуся общению между людьми труда и людьми науки, творчества, искусства...

У Сергея Тимофеевича к тому времени было уже около пятидесяти скульптур в мастерской. Я помню, как перед началом выставки мы украшали еловыми ветвями студию, писали пригласительные билеты, раскрашивая их кто как умел, каждый на свой лад.

В день открытия выставки Сергей Тимофеевич попросил меня играть время от времени на большом концертном рояле, стоявшем в мастерской, его любимые маленькие прелюдии и фуги Баха, чтобы выставка проходила оживленнее.

И опять на выставку шли люди. Тут было много наших старых друзей: и рабочие с Красной Пресни, и крестьяне с Филей, и художники, артисты, писатели, старые профессора. Сергей Тимофеевич сам показывал работы, говорил с посетителями. Очень толково помогал ему в этом дядя Григорий, который водил целые экскурсии.

А я то и дело садилась к роялю и негромко играла Баха. Видно, незатейливая игра моя придавала всему этому торжеству какую-то атмосферу строгости и чистоты. Я помню, с каким вниманием останавливались люди возле мраморной головы Баха, который сам, казалось, благодушно призакрыв глаза, слушал мое детское исполнение.

Вообще музыка часто сочеталась с показом работ в мастерской Коненкова. Там играл композитор И. Шведов и его брат. Устраивались вечера, где скрипачи Сибор и Микулин исполняли произведения Паганини. Образ этого гения, как известно, прошел через все годы творчества Коненкова...

В 1919 году, когда с топливом стало совсем плохо, дядя Григорий сложил посреди мастерской печку. Ею и обогревалось все помещение. В этой же печке дядя Григорий варил обед для Сергея Тимофеевича. Помню запах лаврового листа, которым Григорий приправлял похлебку, помню тепло этой чудной печки, помню потрескивание железных труб, тянувшихся через всю мастерскую...

Сергей Тимофеевич лепил тогда старуху-сказительницу Кривополенову. Старуха сказывала сказы и вязала мне рукавицы. Сказы были удивительные, и я слушала их как завороженная. А вот рукавицы надеть было нельзя: расползались. Старуха плохо видела и, пока вязала, спускала петли...

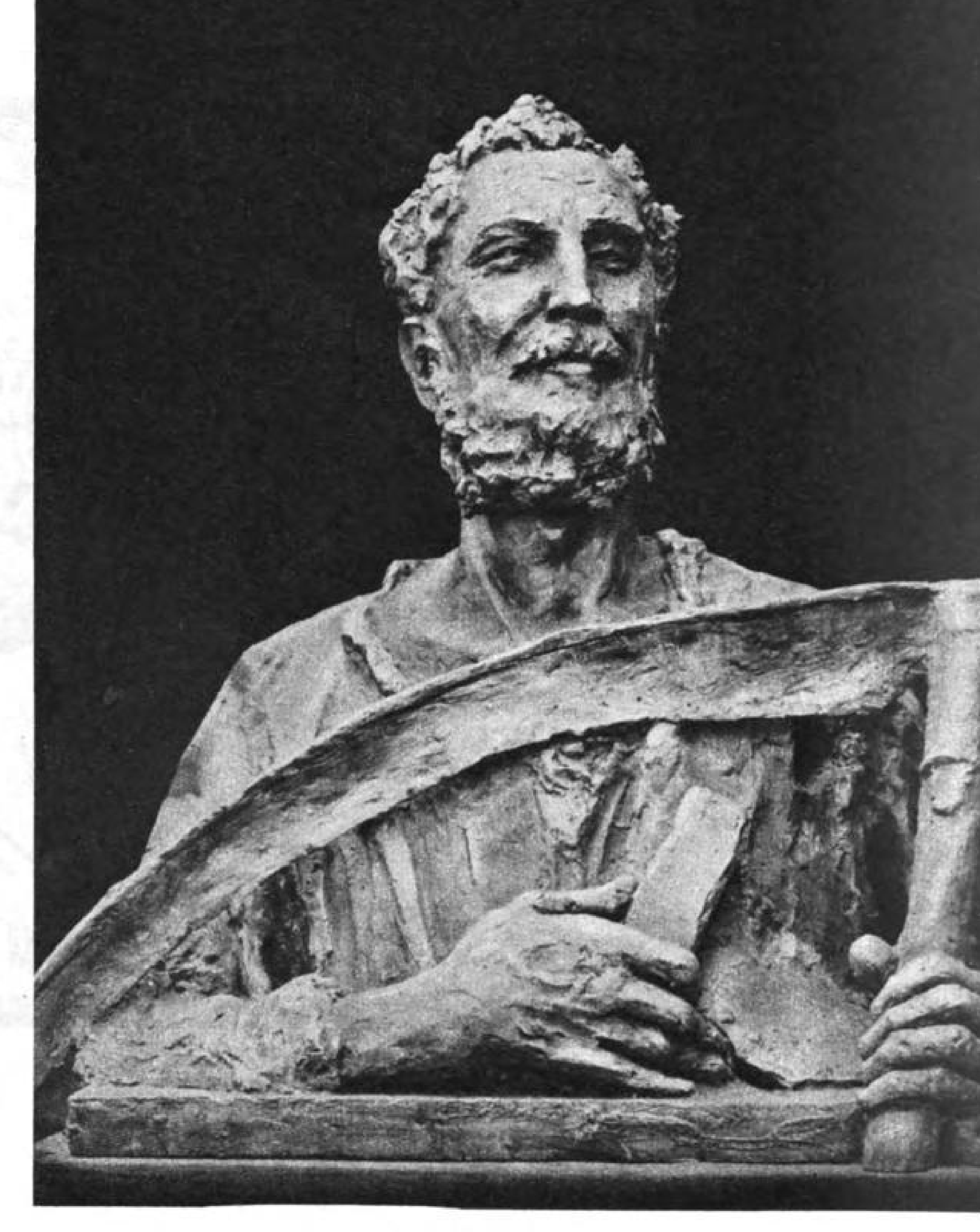
К чудесному образу Кривополеновой скульптор возвращался не раз.

В эту же самую зиму Сергей Тимофеевич лепил и мой портрет. Сейчас он — в мраморе — находится в Ульяновском художественном музее и называется «Наташа».

Мастерская Сергея Тимофеевича была открыта для всех. Там пел Шаляпин, читал свои стихи Есенин. Приходили многие талантливейшие люди того времени.

За последние десять лет Сергей Тимофеевич несколько раз был на родине — в селе Караковичи, Смоленской области. Когда-то все село здесь были Коненковы. Теперь уж ни одного Коненкова там не осталось. А после войны на месте Караковичей вообще были одни головешки. Село начисто сожгли фашистские войска, и лишь постепенно восстанавливали свое прежнее обиталище колхозники, жившие пока в землянках.

В одной из таких землянок Сергей Тимофеевич встретил школьного товарища, сына кожемяки Илью Зуева. Они встретились, как родные. Сергей Тимофеевич сделал прекрасный поясной портрет Зуева. В одной руке у колхозника коса, в другой — точильный камень. Уже по этому портрету чувствуется, как дорог Коненкову красивый душою человек, с которым они вместе росли, учились, бегали на Десну ловить раков...

И. В. ЗУЕВ. Дерево.

В марте прошлого года Смоленская область получила орден Ленина за успехи в подъеме сельского хозяйства. Праздник совпал с открытием выставки произведений Коненкова в краеведческом музее Смоленска.

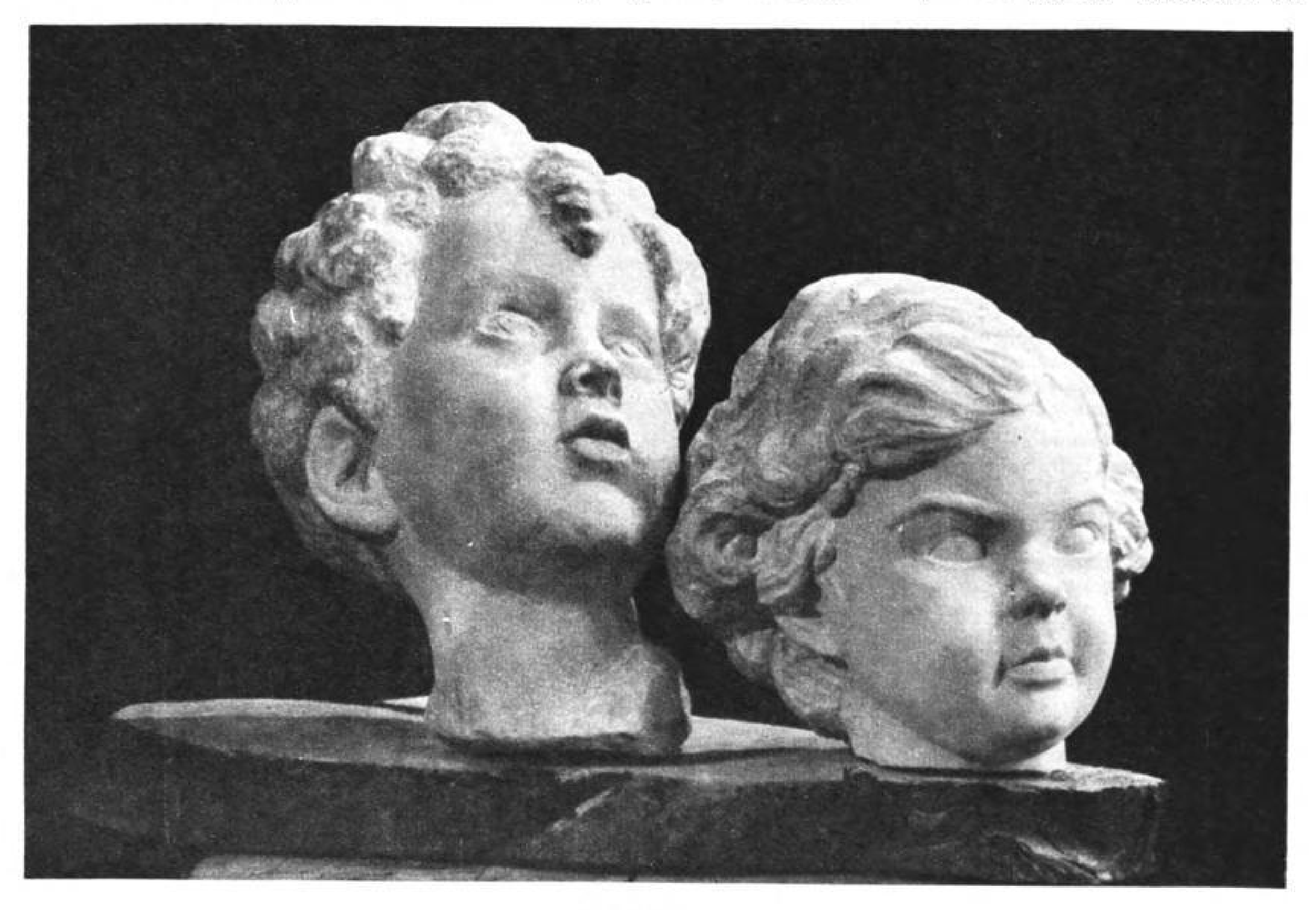
Для Сергея Тимофеевича это был особый праздник. Его горячо приняли земляки-смоляне, сыновья родной земли,— той земли, которая дала художнику дар и силы, возможность мыслить, творить, дерзать.

На вечере, посвященном творчеству Коненкова, земляки из села Караковичи поднесли Сергею Тимофеевичу по старому обычаю хлеб-соль.

Очень хорошо и горячо написал об этом поэт Смоленщины Николай Рыленков. Мне хочется напомнить читателям «Огонька» об этой поэме, которая так и называется — «Творчество»:

Он в юности о славе, как о чуде,
Мечтал, и вот, как в юности близки,
По русскому обычаю, на блюде
Хлеб-соль ему подносят земляки.
. . . .

Не к теплой корке прикоснулись губы,—
Ко всем, чье сердцу дорого родство.
И что ему всемирной славы трубы,
Что громких юбилеев торжество!
Ваш скромный дар, простые трудолюбы,—
Вот высшее признанье для него.

ОКТЯБРЯТА. Мрамор.

Оплаченный долг

Рассказ

Карлос А. ГАРСЭТЭ,
парагвайский писатель.

Рисунки А. ВАСИНА.

Ночь была темной и злой, злой и темной, как душа надсмотрщика. Горный хребет делал множество поворотов и образовывал столько тупиков, что путь становился неимоверно трудным. Путник не мог решить, движется ли он вперед или кружит на одном месте. В подобных обстоятельствах почти всегда лучше располагаться на отдых и ждать рассвета.

Уже два дня, как Хуан Гонсалес убежал с плантаций компании, на которую работал. Два бесконечно долгих дня он прокладывает себе дорогу через заросли, оставляя на жестких ветвях клочья одежды и собственной кожи. Сорок восемь часов без передышки, кровоточащими руками он вонзает в переплетающиеся ветви неутомимый мачетэ [1]. Два дня ведет он нечеловеческую, нескончаемую борьбу с природой, чтобы скрыться от хозяев, которые эксплуатировали и всячески унижали его пять лет.

Хуан в конце концов понял, что не сможет вернуть компании числящийся за ним долг, что с каждым годом эта сумма будет возрастать. Он решил убежать, укрыться далеко-далеко, там, где никто его не знает, чтобы спасти свою жизнь... эту несчастную жизнь, которая для компании ничего не значила, которая в любом случае оценивалась дешевле, чем лошадь или мул.

Уснуть в пути было невозможно. Какое-то время шел дождь. Хуан промок. Вода проникала за ворот рубашки. Холодные струйки бежали по спине, по ногам. А в довершение ко всему не давала покоя настойчивая, сверлящая мысль о том, что его уже ищет целая свора надсмотрщиков!

Эх, как ему недоставало лишь часа сна! Идти дальше, да еще вслепую, не было сил. Хуан присел на ствол упавшего дерева.

Когда усталость овладела им, он на миг утратил всякое представление о том, что́ же случилось; сам не мог понять, каким образом очутился здесь, под этим немилосердным дождем, в разорванной одежде.

Бессилие и отчаяние лишили его способности рассуждать. Но, напрягаясь, он все же попытался привести в порядок свои мысли. И тут вспомнилось то, что случилось много лет назад. На память пришли безоблачное небо, сияющий предвечерний час, когда вербовщик убедительно сказал ему, безработному пеону [2]:

— Гонсалес, не упускай случая. Мне велено вручать тысячу песо каждому, кто согласится работать на плантации «Майдана». Решай быстрей, а то уже заканчивается набор. Это много денег, Гонсалес, не будь глупым...

— А быстро смогу я отработать такие деньги? — спросил Хуан Гонсалес.

— Да в два — три месяца, приятель! А потом будешь откладывать понемножку, чтобы купить какое-нибудь маленькое ранчо...

Предложение было заманчивым. Он сможет ведь скоро освободиться, сможет приобрести участок земли и работать на себя. Он не будет тогда рабом, не будет гнуть спину над сохой, лопатой и киркой ради того, чтобы хозяин набивал себе карманы. Взволнованный, он осведомился:

— А когда, начальник, я должен выходить?

— Завтра на рассвете.

Такой уж был обычай: вербовщики с большой поспешностью уводили нанявшихся, опасаясь, как бы кто-нибудь из них не «раскаялся» и не скрылся, истратив аванс.

— Вот и хорошо! Подпишись здесь,— торопил вербовщик, протягивая потрепанную тетрадку, влажную от пота.

Это смутило Хуана. Он замялся, не зная, что делать, и только приглядывался к тому месту, на которое указал вербовщик, предлагая расписаться.

— Если не умеешь расписываться, еще лучше. Мы больше ценим тех, кто не умеет ни читать, ни писать. Эти, которые грамотеи, любят оспаривать счета, суют всюду свой нос. Можешь пришлепнуть палец. Ну, давай, быстро!

Машинально Хуан прижал свой большой палец к тетрадке. Он не знал, что там было написано. Он и не подозревал, что согласился своей работой погасить сумму в три тысячи песо.

Человек отсчитал три билета по сто песо и вручил ему. Кроме этого, он дал на пятьсот песо расписку, которая открывала теперь счет в сельской лавке. За это вербовщик получал очень хорошие комиссионные.

Хуан не умел ни читать, ни писать, но неплохо считал в пределах нескольких десятков. Он крепко сжал в руках отсчитанные бумажки. Никогда у него не было столько денег! Сейчас эти бумажки — его! Он их истратит, как это делали все батраки, получив задаток.

Когда волнение несколько улеглось, он пересчитал билеты.

— Господин, здесь, по-моему, не хватает двухсот песо.

— Ну до чего глупая скотина! Эти двести песо — мои комиссионные за то, что нашел тебе работу.

— Я не хотел рассердить вас, сеньор. Я просто спросил...

Затем Хуана уговорили пойти на вечеринку. Ее устроили сами вербовщики для законтрактованных рабочих.

Расписку на пятьсот песо Хуан оставил матери, чтобы она купила себе галет, платок и что-нибудь еще в «магазине» турка Авраама.

...О вечеринке он почти ничего не мог вспомнить. С ним за столиком сидела какая-то брюнетка, которой каждую минуту хотелось еще и еще выпить. Припомнилось, что он подарил ей один билет в сто песо: она ласково попросила об этом. Да и как было этого не сделать: разве Хуан жадный? Кроме того, он собирался вернуться домой с большими деньгами, и в последний вечер не к чему было скаредничать и выгадывать.

...Лезвие невидимого кинжала мгновенно разрезало небо, проведя сверкнувшие ломаные линии. Сильный раскат грома прокатился по лесу и замер вдалеке, растеряв свою силу в густых кронах деревьев.

Мысли Хуана вернулись к действительности. Ныло все тело. Голова клонилась от усталости. Он должен был несколько раз крепко хвататься за дерево, чтобы не упасть... Потом... Потом он уже ничего не чувствовал...

* * *

Дождь кончился, когда люди, искавшие Хуана, наткнулись на его тело, распростертое в глине.

С разрешения правительства компания оплачивала специальную собственную полицию, которая занималась розысками бежавших и «поддержанием порядка» на плантациях.

— Вставай, чертов сын! — закричал полицейский и ударил беглеца ногой в живот.

Хуан скорчился от боли и застонал. Удары кожаной плетки градом посыпались на него. Беглец с трудом привстал на четвереньки, но последовал еще удар ногой и свалил его. Плетка опять яростно разрезала воздух и впилась в истерзанное тело.

Низенький поджарый человечек с бегающими глазками подошел к Хуану и, одним рывком загнув его руки за спину, связал их. Из толстой веревки он сделал петлю и надел ему на шею. Затем сильно дернул, давая понять, что Хуан должен двигаться.

— Шевелись, собака!

Пятеро мужчин, вооруженных ножами, ре-

---

[1] Мачетэ — нож, тесак.
[2] Пеон — сельскохозяйственный рабочий.

вольверами и винчестерами, окружили его. Каждый из них осыпал его ругательствами, дополняя их ударами.

Так началось возвращение на плантации. Они шли все утро. В полдень охранники остановились, чтобы перекусить. Пленник молча смотрел, как торопливо они поглощают еду, запивая ее водой из фляг. Голод мучил Хуана, в животе непрерывно урчало. Прошло почти три дня. Непреклонное желание освободиться вытесняло мысли о еде и отдыхе. Его единственным стремлением было выйти к реке: по ту сторону ждала свобода! Погоня не могла следовать туда: там — другая страна!

Высокий охранник вытащил из сумки кусок жареного мяса и ткнул им в губы пленника. Хуан с жадностью открыл рот. Охранник поводил этим куском по губам и лицу и бросил мясо в глину.

— Ты хочешь есть? На, жри! — закричал он и ударил Хуана по лицу.

Ниточка крови побежала от носа к губам. Хуан ощутил вкус крови, захотел вытереть лицо, но связанные руки напомнили ему, что это невозможно.

Всех развеселила жестокая, бесчеловечная шутка.

— Приятель, дай поесть,— униженно просил пленник.

— Вот когда придем, тебя хорошо накормит управляющий,— ответил низенький охранник с бегающими глазками, делая ударение на слове «накормит».

— Сможешь слопать по меньшей мере сотню плеток,— цинично добавил другой.

Они спрятали остатки еды и снова пустились в путь.

* * *

К баракам добрались лишь на следующий день, когда солнце уже коснулось линии горизонта. Тучи медленно плыли по небу, а внизу, на земле, человек с веревкой на шее, шатаясь, двигался между глиняными и соломенными хижинами. Пеоны, отработавшие дневное задание, стояли у своих жилищ и молча следили за этим шествием. На лицах цвета обожженной глины застыло выражение печали и запуганности.

Так дошли до центра этой маленькой деревушки. Остановились. Хуан не мог сделать больше ни шага.

Из дома, в котором размещалась администрация, вышел управляющий. Его лицо было украшено шрамом, проходившим через всю щеку. Рассказывали, что этот рубец оставил ему на память пеон, которого он высек. Говорили также, что батрак заплатил за это своей жизнью.

— Я же предупреждал, что ты далеко не уйдешь! — крикнул довольный управляющий.

— Далеко убежал, гад. Он нам задал много работы, еле нашли,— проговорил один из полицейских, пытаясь выставить свои заслуги.

— Я научу тебя хорошему поведению, несчастный! — прохрипел управляющий, ударив связанного батрака ногой.

Пеоны со страхом смотрели на товарища. Еще несколько дней назад он работал вместе с ними. Сейчас его привели в лохмотьях, обезображенного синяками и кровоподтеками. А ведь было неизвестно еще, чем это все кончится...

Управляющий обрушивал на пленника все новые и новые удары. С каждым ударом сердца батраков сжимались от боли, как будто это били их самих. Одного из пеонов так потрясла эта нечеловеческая расправа, что он бросился к палачу, полный решимости приостановить ее. Он схватил управляющего одной рукой за локоть.

— Стой, собака! Ты что же это бьешь человека, у которого руки связаны? — яростно закричал батрак и положил другую руку на рукоятку ножа, подвешенного к поясу.

Пять выстрелов прозвучали почти одновременно. Батрак упал, замолчав навсегда.

Никто больше не решился заступиться.

Двое из тех людей, что ловили Хуана, отвели его в глиняную хижину, тесную и низкую.

Тень ночи уже завладела землей. Вокруг царило глубокое молчание. Кое-где масляные светильники боязливо разрывали темноту.

Хуан попытался освободиться от пут, но убедился, что это бесполезно. Он твердо знал, что уже не увидит восхода солнца. О нем вспомнят раньше: так поступали с несчастными, мечтавшими убежать отсюда. Он закрыл глаза и снова задумался над своей жизнью в этом мире.

Разве он не отдал по частям всего себя, все свои силы, рубя заросли на плантациях в течение пяти лет по четырнадцать часов в день, борясь с клещами, москитами, змеями? Разве он не таскал изо дня в день на своей слабой спине тяжелейшие тюки по сто килограммов на расстояние от четырех до восьми километров? Почему же после всего этого его еще нагло обворовывали, заставляя переплачивать за продукты, которые он должен был покупать обязательно в магазине предприятия, что делало невозможной уплату долга? И сейчас за то, что он бежал от этой кабалы, его убьют, как убивают бешеную собаку, чтобы не распространяла заразу. Он задумался над всеобщей человеческой несправедливостью. Мысли его спутались, когда он вспомнил парня, который сегодня пал мертвым, защищая его.

Завтра... «Завтра» для Хуана было пустым словом: он хорошо знал, что завтра он не будет существовать. Для него не будет уже солнечного света: он окончательно уйдет в темноту. Возможно, управляющий давно отдал обычный в таких случаях приказ.

Силы совсем покинули Хуана. Он потерял сознание.

Его привел в себя рывок веревки, которая все еще висела у него на шее.

— Выходи, ты! — крикнул грубый голос.

Хуан повиновался. Свежесть рассвета дохнула ему в лицо. Он глубоко вздохнул, и жизнь вошла в него, проникла в каждую клеточку. Он не хотел умирать! За что его убьют? Ведь он не сделал ничего плохого! Разве было преступлением его бегство из-за этого проклятого долга? Разве смерть — единственный способ расчета? И разве он не отдал всё за эти тяжелейшие пять лет? Разве из него не выжали все соки? Разве этого недостаточно?

— Шагай! Не пойдешь — кнут заставит!

Окрик прервал размышления Хуана, и он двинулся в путь.

Когда группа прошла уже довольно большое расстояние, один из конвойных приблизился к Хуану и снял с шеи веревку. Хуан молниеносно понял, что́ это означало.

— А теперь иди... быстро!..— сказал охранник.

Но Хуан не мог понять, почему ему возвращали свободу. Это удивительное отступление от принятых правил изумило его. Радость жизни овладела им с такой силой, что он задохнулся от нахлынувшего волнения и надежд. Он, не раздумывая, побежал.

Прозвучали три выстрела. Три пули вонзились в спину. Из трех ран ручьем побежала кровь.

Раненый упал на колени.

— Убийцы! Убийцы!..— вымолвил он.

Еще один выстрел был ответом, который навсегда заставил батрака замолчать.

Рассветало... Восход был красный, как кровь Хуана Гонсалеса.

Перевела с испанского
Г. ФОМИНА.

Поколения героев

Анатолий Калинин написал произведение, наиболее яркое и глубокое из всего, что им создано. Роман «Суровое поле» — это правда о верности человеческого сердца, о преданности советского человека своему высокому долгу, своей Родине.

Две основные линии в романе, две судьбы — Андрея Сошникова и его сына Андрея. Эти судьбы тесно связаны между собой и словно продолжают одна другую. Сюжет развивается в сложном переплетении прошлого с настоящим, помогая глубже осмыслить борьбу за человека, за веру в него. Книга делает читателя более бдительным, зорким, вооружает его для борьбы за нашего человека. В этом, думается, подлинная партийность, гуманизм «Сурового поля».

...Давно задумана героем романа писателем Михайловым книга, где он хочет рассказать о событиях военных лет, воссоздать характеры людей, с которыми встречался. Он чувствовал, «что пока не расскажет о них все, что знает и что должен рассказать, не будет ему покоя. Это как заноза в сердце: с годами она ноет глуше, будто обросла жесткой сумкой, и вдруг опять напоминает о себе острой нарывающей болью».

Шаг за шагом Михайлов постигает запутанную, тяжелую судьбу Андрея Сошникова, с которым свела его война. Писатель, сам того не замечая, становится активнейшим участником описываемых событий.

Однажды чистый и открытый взгляд незнакомого солдата, идущего в первую атаку, немного неуклюжего и неопытного, поразил Михайлова, заставил задуматься. И уже после он не мог о нем забыть. Дальнейшая судьба Андрея лишь угадывается из рассказов разных людей. По крупицам собирает Михайлов драгоценные сведения, твердо веря в Андрея.

Секретарь райкома Еремин, словно в подтверждение его мыслей, рассказал о случае при взятии города Буды. В тылу наступавших гитлеровцев восстал власовский батальон и, прорвавшись через ряды фашистов, стал сдаваться в плен советским войскам. Командиром батальона был русский военнопленный. Взглянув в его открытые, чистые, как родниковая вода, глаза, Еремин подумал, что такой человек не мог стрелять в своих и вражескую форму надел лишь потому, что не было другой возможности получить в руки оружие. Этот же солдат, рискуя жизнью, снял вражеского пулеметчика, засевшего на трубе пивоварни и мешавшего наступлению наших войск. Задумался Михайлов над рассказом Еремина и понял, что такие глаза могли быть только у Андрея.

Эпизод с вражеским пулеметчиком повторился в судьбе сына Сошникова, героя повести Михайлова — Андрея, участвовавшего в ликвидации фашистского мятежа в Венгрии в 1956 году. Тот же пустырь, та же труба на пивоварне, и пулеметчик, поливающий огнем наших солдат...

Образ сына как бы углубляет образ отца, символически подчеркивая историческую закономерность, исключающую возможность измены в сердце советского солдата.

В судьбах отца и сына Сошниковых А. Калинин раскрывает преемственность советских поколений, их страстную любовь к земле своей, способность пронести ее через все, порой нечеловеческие испытания.

События прошлого переплетаются в сознании Михайлова, являющегося в композиции романа средоточием всех сюжетных линий, с фактами послевоенной жизни.

Жизнь и труд в мирных условиях, борьба за расцвет колхоза показаны А. Калининым не в идиллических картинах, а в сложных и острых жизненных конфликтах. И потому, что правда жизни дана во всей ее полноте, а острые углы нигде не сглажены, особенно веришь в счастье Андрея, обретенное в столь тяжких испытаниях, веришь этой большой весне и безудержному половодью новой жизни, обуявшей солдатское сердце, такое измученное, но верное своей земле, своей любви.

Говорят, что жизнь прожить — не поле перейти. Суровым было это поле для Андрея Сошникова; многие пали на этом поле, так и не перейдя его. Андрей прошел «суровое поле», сполна испив горести войны и страдания, принес домой верное сердце и нашел на своей земле могучее цветение жизни и негасимую любовь.

И. ГНЕЗДИЛОВА

Анатолий Калинин. Суровое поле. Роман. Гослитиздат. «Роман-газета» № 18. 1958. 53 стр.

Невыдуманная повесть

Варшава, лето 1925 года... Топот конских копыт по мостовой, пронзительные гудки автомобильных сирен, беспорядочная пальба из пистолетов оглашают вечернюю тишину улиц. Толпы полицейских преследуют троих людей. «Хватай бандитов!» — исступленно кричат преследователи. Но в ответ им звучат слова, которые, кажется, заглушают и эти выстрелы и дикие вопли полицейских: «Мы — коммунисты!»

Динамика действия, драматичность событий новой повести Ванды Василевской «В борьбе роковой» не искусный авторский прием, призванный увлечь читателя. Новое произведение Василевской предваряют слова: «Все события и фамилии в этой повести — подлинные».

Пожалуй, именно подлинность описываемых событий заставляет нас с особым вниманием следить за действием повести, с любовью относиться к ее героям: Владиславу Хибнеру, Хенрику Рутковскому, Владиславу Кневскому — трем варшавским коммунистам, которым партия поручила убрать с дороги провокатора, предавшего десятки людей, и которые сами оказались жертвой грязной провокации. И мы понимаем, почему к нему, к этому факту, в те годы было приковано внимание всей прогрессивной общественности мира, протестовавшей против смертного приговора военно-полевого суда трем коммунистам.

Историческая достоверность материала повести определила ее жанровое своеобразие: она написана в форме документальной хроники. Сдержанно ведет писательница повествование, отказывая себе в праве и на обширные комментарии и даже на короткие авторские отступления. Исключением является небольшая вводная главка, дающая точное представление о политической атмосфере буржуазной Польши 20-х годов. Но и здесь, в документальной повести-хронике, мы узнаем авторский почерк В. Василевской, тяготеющей к эпике, всегда стремившейся, начиная с первого своего произведения, повести-репортажа «Облик дня», к большим обобщениям.

В новой повести В. Василевской действуют десятки людей, так или иначе втянутых в водоворот событий,— от недалекой, забитой дворничихи Люзьняковой до «первого человека в Польше», набожного подагрика, президента Речи Посполитой. Здесь и колоритно выписанная фигура прокурора Скочинского, который сфабриковал обвинительный акт, не останавливаясь перед подлогом и фальсификацией, и судьи Гуминского, вынесшего приговор, давно предрешенный в министерских кабинетах, и журналиста из «оппозиционной» газеты, пепеэсовца Имбуся, одного из тех ренегатов-социалистов, которые пытались изнутри подорвать польское рабочее движение.

С остротой сатирика и страстностью публициста обнажает писательница устои панской Польши: белый террор, систему подкупа и провокаций, политическое лицемерие и цинизм,— выявляет истинную цену «свободы» и «независимости», которыми на протяжении двадцати межвоенных лет кичились «ясновельможные» паны. Так в фокусе событий, развернувшихся вокруг процесса над Хибнером, Кневским и Рутковским, преломились типические черты жизни Польши 20-х годов; так из обилия воспроизведенных писательницей фактов и эпизодов вырастает целостная картина панской Польши.

Хибнер, Кневский и Рутковский стали жертвой белого террора. Но не мрачное уныние, не безысходное отчаяние навевает трагический финал повести. Он проникнут светлой верой в торжество идей коммунизма, и эту веру писательница доносит до читателя. Полицейская расправа над тремя коммунистами не спасла провокатора от суда партии: «Приговор партии оставался в силе. Приговор партии исполнен. Пистолет, выпавший из раненой руки, подняла братская рука товарища». Салонная публика, заполнившая зал суда во время сенсационного процесса, не услышала от приговоренных мольбы о помиловании. Свое последнее слово Владислав Хибнер произнес «от имени тысяч таких, как он,— бойцов, узников, знаменосцев, держащих красное знамя».

Более 30 лет отделяют нас от событий, которым посвящена повесть В. Василевской. Но духом современности проникнуто это произведение о мужестве и героизме людей, которые в годы террора и насилий умели видеть завтрашний день своей родины, на наших глазах ставший уже ее сегодняшним днем.

Актуальное звучание повести усиливает и подспудно заключенная в ней авторская полемика с теми представителями польской интеллигенции, которые совсем недавно выступали против так называемой «жертвенности» в литературе, усматривая в подвигах людей, отдавших свою жизнь во имя торжества великих идей, «что-то отвратительное и противоестественное для человека». В адрес писателей, которые, стремясь изгнать героическое из литературы, отвернуться от героического в жизни, обнаружили свое собственное неверие в силу идей коммунизма, и направлена новая повесть В. Василевской. Сама действительность рождает героев, для них великие идеи коммунизма не «красиво звучащие и одурманивающие сознание теории», а смысл жизни.

Невыдуманная повесть Ванды Василевской — одно из лучших произведений последних лет, оно правдиво воссоздает героическую борьбу Коммунистической партии Польши.

В. ОСКОЦКИЙ

Ванда Василевская. В борьбе роковой. Повесть. Перевод с польского Эвы Василевской. «Знамя», 1958.

Всегда молодой...

Когда четырнадцатилетний Борис Горбатов в первый раз пришел с рукописью в редакцию «Кочегарки», он долго не решался открыть дверь, а заслышав шаги, кидался наутек, пока наконец один из сотрудников редакции не обратил на него внимания и не ввел в комнату. Так началась литературная деятельность Горбатова, которому посвящена книга воспоминаний, недавно вышедшая в Сталинском областном издательстве.

В стремительном порыве понеслась вперед жизнь мало кому известного донецкого парнишки. Пятнадцати лет он — заместитель редактора газеты «Молодой шахтер», семнадцати лет — организатор союза пролетарских писателей «Забой», делегат съезда писателей в Москве.

Чуткий, открытый, задорно-веселый и немного ребячливый, Горбатов был душой комсомольских диспутов, вечеров, конференций. И никто из друзей Бориса не догадывался, что именно в то время у Горбатова зрело решение с головой окунуться в гущу близкой ему шахтерской жизни, серьезно взяться за писательский труд. Не случайно эпиграфом к первой главе повести «Ячейка» Борис Горбатов сделал следующие строки:

Верю, сердце, не расхлюпав на дороге,
Пронесу в грядущие века.

Беспокойный, страстный, Горбатов хотел все постигнуть, все «прощупать своими руками». Ему необходимо было видеть первые тракторы, сходящие с конвейера, первые задутые домны, отблеск первой стали, льющейся из новых мартенов. Его корреспонденции, очерки, рассказы подкупали своей правдой, помогали советским людям строить светлое будущее. Когда началась война с белофиннами, Борис Горбатов писал: «Может быть, впервые в жизни я с такой ясностью понял, чем должна быть наша литература: это — как патроны, как хлеб, как знамя в бою».

Деятельность Горбатова в годы Отечественной войны, мужество и талант писателя завоевали ему боевую славу в тылу и на фронте. Кровью сердца написаны горбатовские «Письма к товарищу». Роман «Непокоренные» печатался на страницах центральных газет.

Донбасс... С ним связаны детство Горбатова, его юность, первая дружба и первая любовь. Жизнь Донбасса, шахтерский труд волновали писателя постоянно. Работе над романом «Донбасс» Борис Горбатов посвятил последние годы своей жизни. И хорошо, что сборник воспоминаний о писателе вышел в Донбассе.

Со страниц книги в воспоминаниях родных Горбатова, собратьев по перу — Ю. Либединского, А. Исбаха, Е. Долматовского, К. Симонова, многочисленных друзей — встает обаятельный, жизнерадостный, широкой души человек, талантливый советский писатель.

Г. ИЛЬЧЕНКО

Его звали Борис Горбатов. Воспоминания. Сталинское областное издательство. 1958. 209 стр.

СЕВЕРЯНКА

В. КРУПИН.
Фото автора

Перекуем мечи на орала... Последнюю букву выводит радист М. Гарипов — и на месте боевого номера подводной лодки появилась мирная надпись «Северянка».

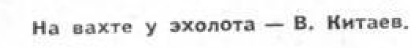
Штурман П. Максимов прокладывает курс.

С каждым ударом волны нарастает ледяная корка и на металлическом корпусе лодки и даже на одежде сигнальщика.

У гидролокатора — В. Ажажа. Сельдь «прослушивается» по всему горизонту.

Наблюдать в верхний иллюминатор не слишком удобно, но зато сколько интересного видит диссертант Б. Соловьев!

→ На вахте у эхолота — В. Китаев.

Крен во время шторма достигал 56 градусов.

Сердце лодки — машинное отделение.

ад Кольским заливом—«паренье». Так называют в здешних местах пору, когда над черной, тяжелой гладью воды повисают, устремляясь затем ввысь, белесые клочья тумана. Он скрывает от глаз яркие, как на южном летнем небе, звезды, скрадывает огни прожекторов, при свете которых идут последние приготовления «Северянки» к плаванию. Утром она уходит в Северную Атлантику.

Осторожно, рассчитывая малейшее движение, спускаются по скользкому трапу матросы. На плечах у них мешки, банки, ящики — запас продуктов на месяц похода. Исчезает в люке, принимавшем когда-то торпеды, бочонок атлантической селедки — той самой сельди, ради которой и затеяна экспедиция. Научной группе в эти минуты здесь совершенно нечего делать. Но все: начальник экспедиции Владимир Ажажа, ихтиолог кандидат биологических наук Дмитрий Радаков, океанолог Сергей Потайчук, ихтиолог Борис Соловьев, кинооператор Василий Китаев, техник Виктор Фомин — прохаживаются вдоль пирса, обсуждая предстоящую экспедицию. Каждому не терпится: скорей бы в море! Это понятно. Ведь такой поход ученые должны совершить впервые в истории.

А радист Марсель Гарипов обмакнул кисть в краску и сделал первые мазки. На зеленовато-сером корпусе, там, где раньше был выведен номер боевой лодки, появилась сначала ослепительно белая буква «С», затем «Е» и, наконец, засверкало новое, мирное название корабля — «Северянка».

...Первая научно-исследовательская подводная лодка готова к отплытию. Не смертоносная взрывчатка таится в ее торпедных аппаратах, а банки с консервированным хлебом и пресная вода, и не дуло орудия смотрит вперед с ее палубы, а камера подводного телевизора и его прожектор. И затрепещет на ветру не краснозвездный боевой флаг, а темно-синее полотнище с семью белыми звездами и буквами «ВНИРО». Это значит, что «Северянка» выйдет в открытое море под флагом Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии.

В море студеном

Наконец в полдень 29 декабря наступила долгожданная минута: «Северянка» бесшумно отчалила от Мурманского пирса и взяла курс на норд. Словно провожая нас, над лодкой покружилась стая чаек, помахав на прощание белыми, как платочки, крыльями. Еще не все успели, как здесь принято говорить, «осмотреться в отсеках», не все вещи рассовали по местам, а из центрального поста уже раздалась команда:

— В отсеках закрепиться по-штормовому!

Смысл этой команды стал понятен через несколько минут, когда какая-то невидимая сила толкнула меня в грудь и заставила сесть на кровать радиста. Пишущая машинка выскользнула из-под ног и тут же была отброшена в конец отсека неизвестно откуда выскочившим чемоданом. Так дало знать о себе Баренцево море.

Устраиваться надо было всерьез и надолго, разумеется, в пределах отведенного каждому «жизненного пространства» и с учетом обычных на лодке «условий обитаемости». Об этих условиях стоит рассказать поподробнее.

Осмотримся в носовом, научном, отсеке. Все свободные места заняты аппаратурой и приспособлениями для исследований. Над одной из коек прилажен телевизор. На его экране мы увидим изображение подводного мира прямо по курсу. Три иллюминатора для визуальных наблюдений: два боковых и один верхний. Эхолоты, которые должны обнаруживать скопления рыбы, — один над лодкой, другой под ней. Выпуклый глаз электронного термосолемера — прибора для определения температуры и солености воды. Что́ покажут ученым эти приборы?

Поздний час. Штурман расстилает на столе карту. Карандаш оставляет за собой красную ломаную линию. Она тянется на север, потом вдоль 72-й параллели к острову Ян Майен, не доходя до него, поворачивает к берегам Исландии, а оттуда — к Фарерским островам. Где-то тут, между Исландией и Фарерами, промышляют сельдь мурманские рыбаки. Здесь же мы встретимся с траулером «Профессор Месяцев» — нашим взаимодействующим судном. «Месяцев» должен «навести» лодку на рыбные косяки. На исследования в районе концентрации атлантической сельди нам отводится две недели. После этого — карандаш снова ползет по карте — вдоль берегов Норвегии мы вернемся на Большую Землю. Весь рейс продлится примерно 25 дней. Расстояние — более 7 тысяч километров.

— Каковы цели экспедиции? — Ажажа достает из папки бумагу. — Вот правительственное задание. Главное в нем для нас — наблюдения за жизнью сельди в естественной обстановке. Кроме того, мы должны проверить под водой приборы, часть которых изготовлена специально для «Северянки» и до сего времени нигде не применялась. Может быть, в аппаратуру придется внести усовершенствования, изменения— практика покажет.

На следующий день шторм усилился. Торопясь к месту встречи с «Месяцевым», мы не погружаемся, чтобы не терять скорости. Лодку кладет с боку на бок, швыряет с волны на волну. Первое последствие шторма — морская болезнь. Каждый переносит ее по-своему, но трудно всем.

Под знаком спутника

Каждое утро ровно в семь часов над головой раздается щелчок динамика, и в уши врывается зычный голос вахтенного центрального поста Степана Жовтенко:

— Всем вставать!

Хочешь не хочешь, а поднимайся.

Третьего января все вскочили с коек без команды, хотя еще было далеко до семи.

— Запущена ракета в сторону Луны! — крикнул выскочивший из своей рубки радист.

И пошли догадки, споры, высказывания со ссылками на авторитетные источники...

Экспедиция собирается на совещание. Обстановка сложная: шторм нарастает, ветер до одиннадцати баллов, море — до девяти. Отражатель носового светильника разнесен вдребезги, верхний прожектор перекосило. В один из моментов лодку накренило на 56 градусов! Координировать действия с «Месяцевым» в такую погоду немыслимо.

Борис Соловьев, диссертант ПИНРО — Полярного института рыбного хозяйства и океанографии,— садится к приемнику. Надо попытаться определить по переговорам капитанов промыслового флота, где находится сельдь, каков прогноз погоды на ближайшее время. Из эфира сквозь треск помех доносится:

— Девяносто восьмой? Я сто двенадцатый. У тебя пятидесятимиллиметровая веревка есть? Перехожу на прием.

— Есть. Прием.

— Одолжи немного. Подремонтировать снасти. Прием.

— Хорошо. Ты как думаешь, где сейчас сельдь? Прием.

— Трудно сказать. Прием.

— Если шторм затянется — всю рыбу загонит в тартарары...

Собрав по таким отрывочным разговорам нужные сведения, приходим к выводу: надо попытаться искать рыбу самим, без помощи траулера.

Звучит команда капитана:

— Погружаемся на глубину 60 метров. Осматриваться в отсеках!

Наконец-то!.. Минута — другая, и палуба, которая ходуном ходила под ногами, начинает выравниваться, плавно покачиваясь. Разом прекращаются забортный шум ветра и удары волн о корпус. Качка постепенно сходит на нет. Стрелка кренометра изредка вздрагивает, поднимаясь лишь до деления 5 градусов.

Включены светильники. Загудели, защелкали эхолоты. На розовой ленте прибора, пускающего ультразвуковой луч вверх от лодки — к поверхности моря, появилась сплошная, как будто маятником нарисованная линия — запись волнения.

— Есть рыба! — раздается возглас Ажажи. Это самописец нижнего эхолота начертил на ленте расплывчатое коричневое пятно, формой отдаленно напоминающее небольшую ночную бабочку.

— Еще! Еще!

Радаков не выдерживает и на миг отрывается от иллюминатора. Он смотрит на ленту, уже достаточно запятнанную «бабочками», и многозначительно переглядывается с Ажажой.

Борис Соловьев, накрывшись с головой курткой, чтобы не мешал боковой свет, словно прирос к другому иллюминатору. Правда, это окно в подводный мир не так велико, как, скажем, в салоне капитана Немо, и светильники пробивают толщу воды всего на несколько метров. Но и через него кое-что можно увидеть.

Получив доступ к иллюминатору, забываешь все на свете. Лодка плывет с минимальной скоростью. На бесконечно зеленом фоне то и дело вспыхивают в лучах светильников и проносятся к корме золотистые точки. Серебристым лунным серпом блеснула какая-то рыба. Да ведь это и есть селедка! Только очень странно она себя ведет. Повисла мордой вниз, как неживая, и вдруг, чего-то испугавшись, рванулась вглубь. Беспомощно ткнулся в стекло увлекаемый течением крошечный малек с радужным брюшком. Отскочила от борта засветившаяся с перепугу голубоватым сиянием прозрачная медуза.

Из центрального сообщают:

— Справа по борту эхо!

Поворачиваем в сторону, куда показал гидролокатор, и нападаем на косяк сельди. Об этом говорят ленты эхолотов, это подтверждается визуальными наблюдениями. Вахтенные записывают в журнал, сколько рыб они видят, в каком положении, куда движется сельдь и как быстро.

— А сколько времени? — вдруг спрашивает кто-то, хотя время — день, час и минуты наблюдений — отмечается в журнале постоянно. И только тогда, посмотрев на часы не машинально, все замечают, что без отдыха прошли чуть ли не сутки...

Просыпаемся от непривычной тишины. Подойдя к верхнему иллюминатору, изумляюсь нежно-голубому сиянию, которое проникает в лодку. Разве мы на поверхности? Нет, глубина — 80 метров. Но все видно, как при полной луне, хоть газету читай. Значит, можно и к тралу подкрасться без света, чтобы не спугнуть рыбу, и увидеть, как она попадает в сеть. Зачем это нужно? Чтобы разработать наиболее правильную форму трала: установив, куда сельдь уходит от опасности: вверх, вниз или в сторону, — предусмотреть это в конструкции.

В каюте старпома обрабатываются данные первых наблюдений. Теперь ясно, почему переглядывались Радаков с Ажажой.

— Помните, как все было распланировано? Мы идем к Фарерам. Находим «Месяцева», а он нам ищет косяки. А как вышло? Шторм. Гидроакустические приборы на поверхности ничего вразумительного сказать о перемещении рыбы не могут. Вот промысловики и растеряли селедку. А мы ее нашли! Только лодка погрузилась, как эхолоты стали писать сельдь. Под водой шторм не помеха для приборов. Понимаете, что это означает? — увлекаются ученые. — Подводная лодка может быть не просто научным, но и поисковым судном.

Механик Юрий Иванов внимательно слушает, переводя взгляд с Радакова на Соловьева, с Ажажи на свой блокнот. Можно подумать, что он рисует. Но когда беседа на миг обрывается, Иванов сразу подсаживается к ихтиологам:

— Ребята, а ведь с лодки рыбу ловить можно. Ей-богу! Вот смотрите.— Он показывает свой чертежик. — Сюда врубить лебедку. А так вынимать трал. Нырнул в косяк — захватил рыбку. Вынырнул — выбрал улов в лодку.

Что ж, может быть, со временем именно так и будет. Десятки подводных лодок — и дизель-электрических и атомных — станут бороздить голубой континент, находя скопления рыбы и наводя на нее промысловый флот, как это впервые в истории науки сделала наша «Северянка». Подводные лодки будут разыскивать и ловить редкостных, еще неизвестных глубоководных животных. Вести археологические раскопки в затонувших городах и — кто знает! — может быть, в самой Атлантиде. Отыскивать месторождения железа, титана, золота и другие сокровища, которыми так богат океан и которые пока еще скрыты от глаз и рук человека. «Северянка» родилась под счастливой звездой,

под знаком спутника Солнца. И если человек все увереннее покоряет заоблачные выси, то океану от него просто некуда деваться.

Рыбьи песни

Научная группа все чаще собирается за столом кают-компании. Разворачиваются бесконечные ленты, снятые с эхолотов, вынимаются записные книжки и вахтенные журналы. Какой же основной вывод сделан в результате исследований?

На основании многолетних наблюдений, показаний гидроакустических приборов предполагалось, что сельдь в январе спит: днем — на большой глубине, а в сумерках — ближе к поверхности. Предполагалось, но кое у кого возникали сомнения. Теперь сомнений нет. Воочию, собственными глазами, участники экспедиции на «Северянке» увидели сонную рыбу, дремлющую в самых неожиданных позах, шарахающуюся с наступлением дня от света. Как только забрезжит рассвет, сельдь опускается, а к вечеру ее разрозненные стайки собираются в косяки и «подвсплывают». Именно в эти часы, когда сельдь движется, ее и нужно ловить.

— Почему? — Радаков пытается подыскать сравнение. — Ну... возьмите обыкновенную муху. Паутина — это трал, а муха — селедка. Муха попадает в паутину на лету, а сельдь в сеть, так сказать, «на плаву». Чем больше муха мечется, тем крепче она запутывается. Так и селедка.

Под водой мы находимся подолгу. На глубине все оживляются: морскую болезнь снимает как рукой. В носовом отсеке, рядом с приборами, открылась импровизированная парикмахерская. Фомин вовсю работает машинкой, а его клиент доктор Грачев от удовольствия жмурит глаза. В другом отсеке выпускается первый номер газеты.

Радаков проявил недюжинные способности художника. На заголовке значится: «Рыбий глаз». Из-за стекла иллюминатора на нас глядит лупоглазая рыбина с накрашенными помадой губами. Поэт в душе и техник поневоле, Ажажа рифмует текстовки. Иван Андреевич Бугреев дает руководящие указания стихотворцам и живописцам.

А в кают-компании, завешенной белоснежными простынями, идет очередной сеанс «сжигания заживо». Так мы именуем систематические облучения кварцевой лампой. Дмитрий Парменович Зуихин неосторожно обращался с солнечной энергией и «обгорел» так, словно пролежал день на крымском пляже. И все-таки подводное солнце — замечательная вещь: после облучения чувствуешь себя бодрее, перестаешь замечать, что в отсеке нет и десяти градусов тепла.

Как-то ночью меня разбудил толчок в спину.

— «Огонек» приглашают в центральный пост!

Спешу в центральный. В рубке акустика стоит какая-то особенная тишина.

— Учтите, что вы первый слушаете эту запись,— говорит начальник экспедиции.

Затем что-то щелкнуло, и из репродуктора донеслось:

— Внимание! Включаем магнитофон и преобразователь звука. Северная Атлантика. Борт подводной лодки «Северянка». Глубина — 80 метров. Записываем шумы, издаваемые сельдью.

И вот мы слушаем селедку! Она издает нежные, тонкие звуки, напоминающие не то мурлыканье, не то посвистывание. Чувствуется, что это не одна и не две рыбы. Их много, они окружают своим пением лодку со всех сторон. Ажажа включает гидролокатор — да, сельдь по всему горизонту.

Вот теперь и скажи: «Нем, как рыба»! А она даже в полусне болтлива, как сорока.

— Что, если попробовать искать сельдь по ее голосу? — спрашивает Васильев.

Да... Но рыба говорит! Известно, что еще в древности финикийские рыбаки находили по звуку стаи барабанщиков. «По голосу» ищут рыбу малайцы. Рыбацкий старшина свешивается с лодки, погружает голову в воду и, услышав крик тунцов или акул, дает сигнал. Сеть опускают, и начинается лов.

Шумы, испускаемые рыбами, в свое время исследовал молодой талантливый биолог Алексей Константинович Токарев. Он собрал ряд интересных фактов.

«Миром безмолвия» называют иногда подводное царство. Но тишина эта обманчива. Вы услышите в глубине и лай ставриды и цоканье кефали. Вот раздается отдаленный стук отбойного молотка. Это барабанщик. На его зов отвечает барабанной дробью другая рыба, третья... Любопытно, что по голосу рыб можно определить их характер. Жирный, неповоротливый морской налим хрюкает и урчит, как свинья, завидя пищу. Ленивая, сонная селедка мурлыкает, как пригревшаяся кошка. Но вот слышится разбойничий свист, улюлюканье. Это, пугая вскрикивающих селедок, в косяк врезается акула. Доносятся стон и хруст пожираемой рыбы. На чавканье и крики спешат другие хищники...

Итак, рыбы говорят и слышат друг друга. А нельзя ли, записав их голос на пленку, передавать его в пространство и приманивать рыбу, собирать в косяки и ловить? Возможно, но до этого еще далеко.

Наши размышления прерывает голос из репродуктора:

— Косяк прямо по курсу!

— Ничего не понимаю,— бормочет Ажажа и торопится в центральный. Через минуту оттуда он отдает команду:

— Включить эхолоты!

Проходит немного времени, и приборы записывают густое скопление рыбы и сверху и снизу. Действительно, мы врезались в косяк. Но как его нашли? Оказывается, акустик Васильев включил во время вахты преобразователь звука. Он услышал характерное мяуканье, настоящий кошачий концерт. «Косяк!» — решил акустик и сообщил в центральный.

А через час было таким же образом обнаружено еще одно скопление.

Не знаю, как думают ученые, но сдается, что в эту ночь положено начало новому методу поиска рыбы.

По-своему оценила это событие редколлегия юмористической газеты, готовившая последний, прощальный номер. «Рыбий глаз» был переименован в «Рыбий глас».

...И вот мы возвращаемся домой. В Москву отправлена радиограмма о том, что задание выполнено. Ученые, не откладывая, садятся за отчет.

Чем ближе к дому, тем холоднее, тем толще ледяной нарост на лодке. Но сознание того, что проделана большая и полезная работа, результаты которой еще не раз благотворно скажутся на делах будущих исследователей моря, облегчает трудности последних дней. Застыл, словно врос в лед и металл, вперед смотрящий Владимир Шпак, только вчера, под водой, принятый в ряды партии коммунистов. В который раз чудеса жонглерского и поварского искусства, несмотря на девятибалльный шторм, показывает у плиты кок дядя Ваня. Возятся над какой-то разболтавшейся от качки деталью дизелисты, насквозь пропитанные соляром. Экипаж — боевой, дружный, жизнерадостный — несет последнюю вахту. И поется сложенная общими усилиями на мотив «Реро» песня:

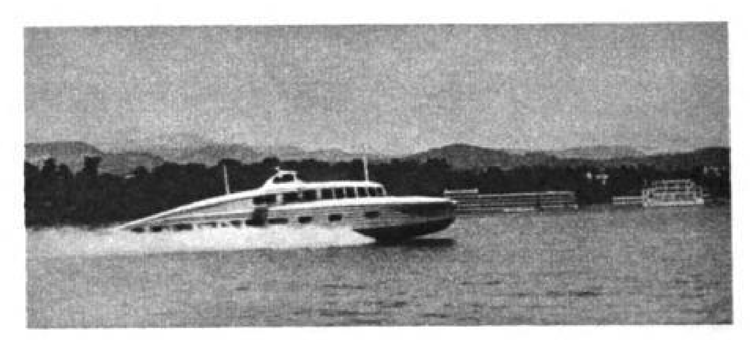
Верь нам!
Если ты ходил хоть раз
к Фарерам
И хлебнул норд-оста полной
мерой,
Снова в бури ты пойдешь.

В Кольском заливе.

Фото Д. Радакова.

После выступления ОГОНЬКА

КОРАБЛИ БУДУТ СТРОИТЬСЯ ИЗ ПЛАСТМАСС

В № 40 журнала «Огонек» за 1958 год была опубликована статья члена-корреспондента Академии наук СССР В. Звонкова и инженера В. Гартвига «Экспресс из пластмассы». Авторы поставили весьма актуальный вопрос о применении пластических масс в судостроении.

В настоящее время на предприятиях Кировского и Карельского совнархозов серийно строятся из древесных пластиков корабельные ялы и судовые спасательные моторные шлюпки вместимостью по 40 человек, разработанные Центральным конструкторским бюро Госкомитета Совета Министров СССР по судостроению.

В производственной лаборатории этого же ЦКБ построен и успешно прошел испытания четырехвесельный ял из пластмассы и заканчивается постройка из той же пластмассы разъездного быстроходного катера.

На атомном ледоколе «Ленин» пластмасса нашла самое широкое применение. Из нее изготовлены судовые вентиляционные приборы, покрытие палуб, дверные решетки, бытовые приборы и многое другое.

На заводе имени Калинина осваивается промышленный выпуск спасательных кругов и нагрудников из поропласта.

В плане работ Центрального конструкторского бюро предусмотрена постройка из пластмассы спасательной шлюпки на 60 человек. Здесь же разрабатывается технологический процесс для серийного строительства малых судов. Исследовательские институты ведут большие работы по созданию корабельных конструкций из пластических масс для крупных судов.

А. ФОКИН,

заместитель председателя Государственного Комитета Совета Министров СССР по судостроению.

НА СЦЕНЕ—СОВРЕМЕННОСТЬ!

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ МЕЧТЫ

Сцена из спектакля «Сын века»: Большаков — А. Борисов, его жена Наталья Николаевна — В. Вельяминова.
Фото Д. Мовшина.

Это пьеса о людях широкого творческого размаха, большой мечты, дерзновенного труда. О людях, которые рушат горы, насыпают плотины, строят города, «заставляют воду светиться, излучать свет и тепло». «Сын века» Н. Куприянова — горячее слово молодого драматурга.

Таким же взволнованным, оптимистическим и светлым получился спектакль Ленинградского театра имени Пушкина в постановке Л. Вивьена. Главная тема спектакля — внимание, любовь к людям.

Талантливый организатор, опытный хозяйственник крупного масштаба, настоящий коммунист по делам и по духу, начальник строительства ГЭС Прокофьев (артист В. Меркурьев) за грандиозностью и размахом возглавляемой им стройки перестал чувствовать дыхание жизни, перестал замечать людей. Он забыл, что трудится как раз для этих людей. Естественно, что подобное забвение приводит Прокофьева к столкновению с коллективом, прежде всего с парторгом Большаковым (артист А. Борисов). Для Большакова святая святых — забота о человеке.

Большаков помог вновь обрести творческие силы главному инженеру стройки Толстопятову (К. Скоробогатов), потерявшему из-за невнимательности и грубости Прокофьева веру в себя. Большаков помог «стать человеком» бывшей правонарушительнице Насте Булановой.

Успех спектакля «Сын века» — это прежде всего результат вдохновенной и упорной работы актерского коллектива. Отлично выполнены декорации А. Тышлером. Художник передает пафос большой стройки, торжество человека над суровой таежной природой.

...Ленинградцы рассказывают, что однажды народный артист СССР Л. С. Вивьен опоздал к началу спектакля. У подъезда его долго осаждали страждущие «лишнего билетика». Возможно, что это шутка. Но в нее легко веришь: билеты на «Сына века» проданы за много дней вперед.

П. ДЕМИН

Ершовы собрались все вместе: идет суд братьев.
Фото О. Кнорринга.

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

Встречи, встречи... Они следуют на сцене одна за другой. Смущенно и ласково переговариваются юные влюбленные Андрей Ершов (Г. Писарев) и Капа Горбачева (Л. Дроздова). Через силу, неловко, с трудом окликает рабочий Дмитрий Ершов (В. Самойлов) инженера Искру Казакову (Л. Хитяева), торопящуюся домой...

Возле крохотной глинобитной мазанки иззябла в ожидании любимого Димы Леля Величкина (Р. Вашурина). Осанистый, барственный Орлеанцев (А. Таршин), снисходительно улыбаясь, угощает в крохотном кафе Крутилича (В. Соколовский), такого жалкого в своем мятом дешевом костюмчике и изжеванном галстуке, с мелким, подслеповатым, тупым лицом, лысиной, на которую неряшливо свисает прядь давно не мытых, выцветших волос; весь он будто молью траченный...

Поначалу спектакль «Братья Ершовы», показанный Горьковским театром драмы имени М. Горького (режиссер — М. Гершт), словно бы несколько дробится в мелких эпизодах. И еще не знаешь, что же захватит зрительское сердце, что станет главным в этом спектакле, поставленном по известному роману В. Кочетова. Заметно лишь стремление инсценировщиков — Всеволода Пименова и М. Гершта — вобрать в спектакль все линии многопланового произведения, посвященного острым вопросам современности. Но пока еще зрителя больше радует оформление спектакля (художник — В. Герасименко).

Но вот разыгрывается суровая сцена: суд братьев. Металлурги Ершовы, Платон и Дмитрий, директор театра Яков Ершов (В. Рубинский), наконец, молодой их питомец Андрей Ершов беседуют со Степаном Ершовым (С. Ушаков), вернувшимся в родные места после долгих и горьких скитаний. Все они сдержанно, но упорно допытываются: как же ты очутился в фашистском плену, как мог поднять руки перед врагом? Может, в беспамятстве был? Может, тебя тяжело ранили?..

— Нет,— сознается Степан.— Жить хотелось...

И после долгого молчания в суровом раздумье Дмитрий Ершов произносит коротко, четко: «Видно, у каждого в жизни свой запас прочности...» Ему ли, кого пытали и расстреливали гитлеровцы, сыну убитого фашистами умельца-сталевара Тимофея Ершова, не знать «запаса прочности» Ершовых — неисчерпаемого запаса душевной, моральной прочности советского народа!..

Именно отсюда весь дальнейший сценический разговор обретает незримый, но ясно ощущаемый зрителем внутренний стержень. На нем и держится спектакль о наших современниках, до конца преданных Родине и партии. Этот стержень — тема прочности души советского человека.

Великую школу жизни прошел старый Платон Ершов. Широкоплечий, как дуб, герой М. Зинина подкупающе прост. В нем нет той напористой, пружинистой энергии, которая движет Дмитрием В. Самойлова; Платон-Зинин обладает спокойной мудростью, юмором, теплотой. И эти же черты, но совсем по-своему раскрывает артист В. Кузнецов в роли секретаря горкома Горбачева.

Брызжет счастьем, радостью сцена свадьбы. И хотя режиссер, думается, несколько затянул вихревую пляску, в которую вместе с молодежью невольно вовлеклись и пенсионер Мокеич (П. Алексеев), и степенная доброжелательная Устиновна (А. Горянская), и даже любящая всплакнуть Анна Николаевна Горбачева (В. Вольская),— видно, что умеют Ершовы и воевать, и работать, и веселиться от души.

...Сильной и мужественной предстает в инсценировке и в спектакле Леля Величкина в исполнении актрисы Р. Вашуриной. Фашисты зверски изувечили некогда прекрасную девушку, отказавшуюся стать шпионкой. Но, странное дело, мы чувствуем, что Леля и сейчас не утратила своей человеческой красоты, поддаемся обаянию ума, такта, женственности.

Хороший, запоминающийся спектакль привезли горьковчане для показа московским зрителям.

Н. ТОЛЧЕНОВА

На главную тему

К образам современников, теме строительства коммунизма — генеральной теме нашего искусства — Театр имени Моссовета очень удачно обратился еще в спектакле «Дали неоглядные...». Именно отсюда получила «путевку в жизнь» пьеса Н. Вирты, разлетевшаяся сейчас по всей стране.

Новая «путевка» теперь дана еще одному спектаклю о современности, выпущенному Театром имени Моссовета. Это «Битва в пути» (инсценировка Г. Николаевой и С. Радзинского).

О сильных людях, борцах за новое, рассказывает постановка Ю. Завадского и А. Шапса.

Зрители, горячо аплодирующие участникам спектакля, видят перед собою нашу жизнь, видят битвы за коммунизм — битвы, непрерывно идущие за новое: за умение работать так, как нужно народу, за высокое коммунистическое сознание, за переделку человеческих отношений... Да, многое еще надо нам перестраивать: и производство и души людей. И многое еще, к сожалению, мешает этой перестройке...

Главный как будто бы конфликт пьесы — это борьба молодого инициативного инженера Бахирева (М. Погоржельский) с Вальганом — директором завода (К. Михайлов), который привык к показной, дешевой славе. Но сколько еще возникает вокруг этого центрального конфликта других сложных судеб, коллизий, взаимоотношений!..

Побеждает новое. Новые приметы советского человека несут в себе старый мастер Василий Васильевич в чудесном исполнении Г. Слабиняка, работница Потапова (В. Сошальская), юный рационализатор комсомолец Сергей Сугробин (Б. Новиков)...

Каким-то особенным светом пронизан в спектакле образ Даши (В. Талызина). Эта скромная деревенская девчонка отличается великой старательностью. Она изо всех сил стремится быть достойной своего возлюбленного — Сергея Сугробина. Но в то же время сколько в ней гордости, чувства собственного достоинства! Глухую, щемящую боль испытывает, глядя на Дашу, Тина Карамыш (Н. Климович), зная, что ей придется отказаться от своей любви к Бахиреву — не только ради его семьи, но и ради него самого, да и ради самой себя... Не всем и не всегда дается личное счастье.

Спектакль, оформленный художником А. Васильевым, рассказывает обо всем этом в интересных, живых, стремительно сменяющихся эпизодах.

Г. ЩЕРБИНА

Фрезеровщик Сугробин — артист Б. Новиков.

Старый мастер Василий Васильевич в исполнении Г. Слабиняка.

Рисунки А. Галеркина.

ОТ КРАЯ

Школьники построили дом

Уютный домик на улице Вышинского в молодом городе уральских горняков Дегтярске местные жители называют «школьным». Частенько старшеклассники школы № 16 заглядывают сюда, чтобы спросить жильцов, не протекает ли крыша, не осыпается ли штукатурка, как тянет печь.

Дом построили они, ученики восьмых и девятых классов.

Летом прошлого года школьникам предстояла производственная практика на новостройках города.

— А что, если мы сами построим небольшой дом для одной семьи? — предложили комсомольцы.

Директор школы поддержал. С интересом отнеслись к предложению и в Управлении Дегтярского рудника.

И вот в районе, который застраивается новыми типовыми домиками, школьникам отвели участок. Опытный строитель Михаил Георгиевич Расковалов стал прорабом стройки. И работа закипела...

Более ста старшеклассников участвовало в строительстве дома. Работали группами, в три смены, каждая по четыре часа. Юноши и девушки на практике овладевали профессиями каменщиков, штукатуров, маляров, кровельщиков, плотников. Не всегда, конечно, дело шло гладко. Бывало, что придирчивый прораб браковал кирпичную кладку. Тогда приходилось разбирать только что возведенную стену и перекладывать ее заново. Зато каждому становились понятны допущенные ошибки. К осени дом был готов, комиссия приняла его с хорошей оценкой.

Юные строители в гостях у новоселов. Слева направо: Светлана Голубятникова, Валентин Крамер, преподаватель по труду С. Е. Велижанин, Нина Исакова, Валентина Дрягина, Лев Садовников, В. Ф. Храмцов, Нина Картохвиль и А. И. Храмцова.

Фото И. Тюфякова.

А вскоре появились и новоселы: семья горноспасателя Василия Федоровича Храмцова, проработавшего на шахте 31 год и недавно ушедшего на пенсию.

— Построили ребята на славу,— говорил Василий Федорович.

Дом на улице Вышинского не единственная новостройка дегтярской школы. Два года назад ребята соорудили теплицу; в ней выращивается рассада для школьного огорода. Неподалеку ими построен и оборудован стрелковый тир.

Один из лучших в области школьный стадион тоже создан с участием ребят. Минувшим летом они огородили территорию, проложили беговые дорожки, построили волейбольные и баскетбольные площадки. Зимой на стадионе залили каток.

А. ЕГОРОВ

МОЖНО ВИДЕТЬ ПРАГУ

У московского инженера Сергея Сотникова хранится единственная в своем роде коллекция — десятки небольших фотоснимков с экрана телевизора. Едва ли не каждый день число их увеличивается, расширяется география. Сотников принимает в Москве передачи, транслируемые телецентрами Праги и Лондона, Копенгагена и Рима, Берлина и Мюнхена.

...Как-то студент Московского авиационного института С. Сотников пригласил меня «на телевизор».

— Приезжайте, может, удастся посмотреть воскресную пражскую телевизионную программу...

— В Москве?

— Именно. У меня дома...

На столике стоял совершенно на первый взгляд обычный «КВН-49». Но когда телевизор включили, засветился голубоватый квадрат, на экране появился диктор... чехословацкого телецентра.

Как же добивался Сотников приема дальних передач?

К телевизору «КВН-49» автор пристроил приставку-усилитель и особую, весьма чувствительную четырехэлементную антенну.

Вначале свои опыты по сверхдальнему приему Сотников проводил под Москвой, затем в городе, несмотря на индустриальные помехи. Однажды случилось, что сигнал нескольких зарубежных телецентров удалось принять даже с помощью комнатной антенны.

«Секрет» сверхдальнего приема довольно прост. Он основан на повышенной чувствительности телеприемника и отражении ультракоротких волн от нижних слоев ионосферы, которая становится своего рода «ретранслятором».

После первых удачных опытов Сотников усовершенствовал телевизор, стал вести подлинно исследовательскую работу. Экспериментами молодого москвича заинтересовались ученые. Он сделал сообщение в Институте радиотехники и электроники Академии наук СССР.

Сейчас С. К. Сотников успешно продолжает свои исследования. В небольшой книжке «Сверхдальний прием телевидения», которая на днях вышла в свет, Сотников утверждает: «Проведение опытов по сверхдальнему приему телевидения вполне доступно широкому кругу радиолюбителей...»

К. БАРЫКИН

Принята передача из Дании...

КРЫЛАТАЯ ПОМОЩЬ

Обширны и красивы леса в Кемеровской области. Однако под зелеными сводами человека может подстеречь опасность — клещ, разносчик очень тяжелой болезни — таежного энцефалита. Клещи обычно располагаются на траве, кустарниках, нижних ветвях деревьев.

В Советском Союзе уже давно ведется планомерная борьба с этим опасным насекомым.

В Кемеровской области, как и в других районах страны, это делается с помощью авиации. Самолеты, летая на малой высоте, распыляют дуст — 50 килограммов на один гектар леса. Такой способ уничтожения клещей недостаточно эффективен и дорог. Порошок рассеивается ветром, и до нижних ветвей, кустарника и травы доходит лишь десятая часть.

С прошлого лета в Кемеровской области авиация начала бороться с клещом по-новому.

...Через стекло пилотской кабины летчик видит перед собой бескрайний, как море, лес. Над острыми вершинами елей поднимаются столбы дыма. Они обозначают площадь, которую следует обработать. Пилот снижается и, поравнявшись с первым дымовым сигналом, включает разбрызгивающий аппарат. За хвостом самолета серым шлейфом тянется струя ядовитой жидкости. Это двадцатипроцентная минеральная эмульсия ДДТ. Ее тяжелые капли в отличие от ядовитого порошка не разносятся ветром. Они мелким дождем падают на деревья, кустарники и траву.

В горах, где рельеф местности затрудняет полеты самолетов на малой высоте, опрыскивание леса можно производить с вертолета.

В этом году авиация очистит от клеща 300 тысяч гектаров лесных массивов.

А. ГОЛИКОВ

Начальник прессового цеха А. Д. Крысанов (справа) и старший прессовщик П. Г. Никитин просматривают оргстекло.

Фото А. Узляна.

«Металл» будущего

Детские погремушки, мыльницы, подносы, гребни, детали автомашин, самоходных комбайнов, реактивных самолетов, первой искусственной планеты, которая совершает свой путь вокруг Солнца, сделаны из пластмасс.

Дешевые, приобретающие различные химические и физические свойства пластмассы не только могут заменить черные и цветные металлы, но и являются новым «металлом» настоящего и будущего.

Возможности пластмасс сейчас далеко не исчерпаны. Эра их еще только начинается. За ближайшие семь лет производство пластмасс и синтетических смол увеличится более чем в семь раз.

В центральной лаборатории орехово-зуевского завода «Карболит» ведется большая работа по созданию и освоению новых пластмасс. Многие экономические районы страны, тысячи потребителей получают продукцию завода «Карболит».

И. МИХЕЕВ

Включен разбрызгивающий автомат.

Фото А. Митрофанова.

ДО КРАЯ

Названый сын солдата Бриченко

В редакцию «Робітнича газета» пришло письмо от С. В. Бриченко с неожиданной просьбой: «Если можно, разыщите моего названого сына».

Нас заинтересовала история, о которой писал Бриченко, и мы постарались помочь ему.

А история была такая.

В мае сорок пятого года на чешской земле еще шли ожесточенные бои. Фашистские дивизии прятались в лесах, нападали на наших солдат и мирных жителей. Обстановка была фронтовая.

Как-то командир полка вызвал к себе двух бойцов и шофера.

— Вам ответственное задание. Повезете в город чешскую женщину. Она должна родить...

Сергей Васильевич Бриченко.

Солдаты настелили соломы в кузов полуторки, положили матрацы, и машина отправилась в путь — через леса, где затаились банды гитлеровцев. Два солдата с автоматами в руках стояли на коленях в кузове, всматриваясь в мелькающие деревья, оберегая от толчков женщину. Майор приказал взять побольше гранат и патронов, потому что ехать предстояло через нейтральную зону, где еще не побывали ни наши, ни американские войска. Несколько раз машину обстреливали.

Но когда полуторка благополучно приехала в расположение войск союзников, появились новые препятствия: американские патрули несколько раз подолгу задерживали машину. Роженице становилось все хуже.

Прошло несколько часов, позади осталось около сотни километров, пока наконец на бешеной скорости, с дымящимися скатами машина влетела в город. К счастью, больница была недалеко. Когда солдаты с помощью чешских рабочих заменяли скаты, из больницы выбежал один из провожатых и сообщил, что родился сын...

Вот об этом случае 13 лет спустя и написал в редакцию республиканской газеты бывший воин, а теперь рабочий из города Тростянца, Сумской области, С. В. Бриченко.

Как же найти женщину и ее сына? «Только и помню, что это случилось где-то под Прагой, село было под горой, а внизу речушка»,— писал Бриченко. Ни имени, ни фамилии! Забыл солдат на радостях спросить, а вскоре его полк был уже в другом месте. Мы обратились в Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота с просьбой сообщить, где проходила часть Бриченко, и послали его письмо в редакцию газеты «Вечерняя Прага».

В архиве политуправления удалось установить, через какие населенные пункты проходил полк с боями в мае 1945 года.

Наши пражские друзья тоже вели розыски. Они обратились в Главное управление общественной безопасности. В десятки районов полетели запросы, и Прага начала получать длинные списки фамилий мальчиков, родившихся в мае 1945 года. Списки сверялись с регистрационными книгами больниц.

Постепенно район поисков сузился: в селе Загробье, округа Блатна, хорошо помнят, как советские воины отвезли Барбару Легечкову в родильный дом. Ее мужа каменщика Вацлава Легечка тяжело ранили фашисты. После всех потрясений Барбара чувствовала себя очень плохо. Сельский врач боялся, что она умрет...

И вот мечта Сергея Бриченко осуществилась. Он получил из Чехословакии альбом с фотографиями тринадцатилетнего Яна Легечка, его отца, матери, дедушки, а самое главное, теплое письмо от своего названого сына. Завязалась большая дружба между украинской и чешской семьями. Теперь старый отец Сергея Бриченко, потерявший в боях с фашистами обе руки и оба глаза, называет Яна своим внуком.

На этом можно было бы и закончить эту историю. Но Легечковы хотят знать, как живут боевые друзья Сергея Бриченко, фамилий которых они не помнят. Знают только, что шофер был родом из Казахстана, лет сорока пяти, а его напарник — 20-летний сибиряк; что командиром полка был майор Журавлев.

Может быть, прочитав наше письмо в «Огоньке», вы откликнетесь, дорогие друзья?

И. ВАЛЬКО,
заведующий отделом редакции «Робітнича газета»

Киев.

Ян Легечка.

Финиш на рассвете

Роберт Меркулов — абсолютный чемпион СССР

Вологда встретила спортсменов душевно. Конькобежцы были окружены вниманием на каждом шагу. Это чувствовалось и на вокзале, когда земляки встречали свою вологжанку Тамару Рылову с венком чемпионки мира, и на вечере теплой встречи вологжан со спортсменами, и на стадионе, когда тысячи зрителей бурно аплодировали в минуту подъема флага крупнейших всесоюзных зимних соревнований.

Но вологодское солнце светило совсем не по-северному, и в городе побежали веселые, звенящие ручьи, а на стадионе лед побурел, местами вздулся и образовал так называемые «блины» — бич конькобежцев.

Пришлось состязания откладывать на поздние часы, когда легкий морозец вновь «приводил в порядок» ледовую дорожку. В полночь раздавались первые выстрелы стартеров, а последние пары финишировали на рассвете.

Так еще раз мартовское тепло напомнило об ошибках составителей зимних спортивных календарей.

Но публика, увлеченная красивым зрелищем женского бега на коньках, сидела далеко за полночь и рада была приветствовать то челябинскую студентку Лидию Скобликову, то свою землячку Тамару Рылову.

Между ними, собственно, и разыгралась основная борьба за звание чемпионки Всесоюзной зимней спартакиады профсоюзов. Совсем еще недавно они оспаривали титул сильнейшей скороходки мира в Свердловске. Тогда, как известно, победила Т. Рылова. На этот раз прогрессирующая от состязания к состязанию Л. Скобликова вырвала трудную победу. Она впервые завоевала звание чемпионки спартакиады и впервые получила золотые медали.

Главным спортивным событием последних дней нужно считать очередное первенство Советского Союза по скоростному бегу на коньках для мужчин.

Правда, отсутствие О. Гончаренко, В. Шилыковского, Г. Воронина, задержавшихся на американском высокогорном катке в Скво Велли, несколько снизило спортивный интерес чемпионата, но это не ослабило упорной борьбы, в которой хорошо себя показали молодые скороходы.

В дни мужских состязаний солнце спряталось за плотные облака, пощадило ледовую дорожку, но зато сильный, порывистый ветер, а затем снежный буран стали серьезной помехой, путали карты и не дали возможности показать результаты, достойные участников.

Как и следовало ожидать, звание чемпиона страны на самую короткую дистанцию — 500 метров — выиграл опытный боец, один из сильнейших спринтеров мира, Евгений Гришин.

Однако Е. Гришин в многоборье не участвовал, и потому его победа не могла повлиять на окончательный исход соревнований.

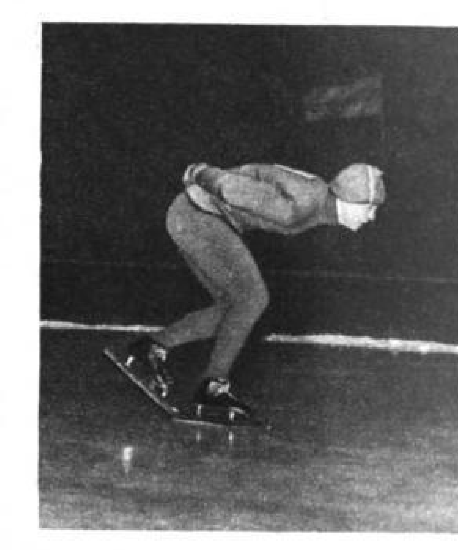
По сути дела, борьба многоборцев началась на второй дистанции — 5 тысяч метров, где встретились все претенденты на звание абсолютного чемпиона страны: призер недавно прошедшего чемпионата мира в Осло Роберт Меркулов, студент из Омска Н. Штельбаумс, инженер из Кемерова С. Юринский, совсем еще молодой скороход В. Будин.

Борьба этих спортсменов длилась долго, и только в пятом часу утра, когда финишировали последние пары, выяснилось, что лучшее время — 8 минут 40,8 секунды — показал Р. Меркулов.

Эта победа стала хорошим фундаментом для дальнейшего соперничества и выдвинула его в основные претенденты на золотую медаль за многоборье.

Последний день чемпионата ознаменовался замечательным состязанием сильных бегунов на самую длинную дистанцию — 10 тысяч метров. В одном «квартете» — в забеге, в котором шли одновременно четыре спортсмена,— встретились Р. Меркулов, С. Юринский, А. Сафронов, Н. Штельбаумс, который, как известно, недавно на этой дистанции показал результат, превышающий мировое достижение.

Сильная пурга не позволила выявить все скоростные возможности конькобежцев, но все же они показали красивую борьбу, в которой заслуженную победу одержал Николай Штельбаумс.

Роберт Меркулов на дистанции.

Фото В. Кутырева.

В следующем «квартете» шел сильный стайер В. Косичкин. Он приложил максимум усилий, чтобы победить своего неожиданного конкурента из Омска. Но это ему не удалось. Пришлось довольствоваться вторым местом, а Р. Меркулову — третьим.

Когда состязания закончились и секунды судьями были превращены в очки, то оказалось, что первое место и звание абсолютного чемпиона СССР завоевал Р. Меркулов.

Весь сезон этот спортсмен провел ровно: завоевал четвертое место в чемпионате Европы, третье место в чемпионате мира, и вот новая победа.

Метель была настолько сильна, что сорвала с места пьедестал почета и понесла в сторону. Пришлось его ловить и водворять на место. Под ударами ветра, еще не остывшие после бега, вышли на него победители.

М. МЕРЖАНОВ

Вологда.

Богатырский напиток

«Богатырским напитком» называют кумыс. Изготовляемый из молока степных кобылиц, кумыс известен с незапамятных времен. О нем упоминает еще греческий историк Геродот около 2 400 лет тому назад.

В кумысе содержатся вещества, которые губят туберкулезные бактерии. Это, пожалуй,— главное достоинство кумыса. Но, помимо того, он питателен: белки, углеводы, витамины, молочная кислота благотворно влияют на нервную систему, улучшают пищеварение.

Многие ученые пытались заменить кобылье молоко коровьим, козьим, верблюжьим. И все попытки терпели неудачу.

Но вот недавно в магазинах столицы появились бутылки с надписью на этикетках: «Кумыс из обезжиренного коровьего молока». Готовят его на одном из московских молочных заводов.

Директор М. А. Попова охотно знакомит нас с новым производством:

— Способ изготовления кумыса из обезжиренного коровьего молока разработан диетологом Евгенией Анисимовной Толмачевой.

Ученый совет Министерства здравоохранения особым решением отметил, что кумыс, изготовленный по методу Толмачевой,— ценное лечебное средство.

Производство это доступно каждому молочному заводу.

Мы входим в цех — небольшую светлую комнату. Тут обычный сепаратор и два бака, в которых происходит сквашивание молока. Одна машина разливает напиток, другая — закупоривает бутылки. Вот и все.

— Сколько же кумыса производит такой маленький цех?

— Ежедневно шестьсот литров.

— На всю Москву? Почему так мало?

— Магазины берут кумыс неохотно. Покупатели о кумысе просто не знают. Непонятнее всего то,— возмущается Попова,— что в стороне остаются санатории, больницы, дома отдыха...

Кто же виноват в этом явно ненормальном положении?

...Стены столичных зданий пестрят рекламой, призывающей пить чай, покупать мороженое и сосиски. Но где вы найдете хоть один толковый плакат, посвященный кумысу? А кто из столичных врачей советовал своему пациенту лечиться кумысом?

Производству богатырского напитка пора придать богатырский размах.

П. РОГОЗИНСКИЙ

В кумысном цехе молочного завода. Работница А. И. Тронова наполняет бутылки.

Фото Г. Санько.

Ньясалендец от зари до зари гнет спину на английских «благодетелей», но сам он нищ и бос.

Деревня в Южной провинции. В этих жалких хижинах живут африканцы.

НЬЯСАЛЕНД ИДЕТ НА ШТУРМ

Л. ЯБЛОЧКОВ

Телеграф приносит из Африки все новые вести о бушующем пламени восстаний. Пожар освободительной борьбы, испепеливший колониализм в Азии, перекинулся на африканский континент. Примерно треть территории Африки уже свободна. Остаются еще две трети — и это едва ли не последние колонии на земле.

Одной из таких колоний является Ньясаленд — страна в тропической Африке с населением в 2,6 миллиона человек, превращенная в конце прошлого века в британский протекторат.

В Ньясаленде происходят ожесточенные стычки с колониальными войсками. Вооруженные камнями и палками африканцы сражаются против отрядов карателей. От северных берегов озера Ньяса до низовьев реки Шире пронесся клич: «Свободу!».

Английский губернатор объявил в стране чрезвычайное положение, вызвал подкрепления из Южной Родезии и пригрозил применить «самые суровые меры». В городе Каронга африканцы взяли штурмом тюрьму и выпустили на волю узников, затем захватили аэродром и привели в негодность посадочную площадку, чтобы здесь не могли приземлиться транспортные самолеты с войсками. Группы повстанцев перерезали дорогу из Танганьики, чтобы задержать стянутые к границе Ньясаленда войска. Многолюдные демонстрации состоялись в Блантайре, Зомбе, Форт-Хилле, Нчеу и других городах. Солдатам приказано забрасывать демонстрации бомбами со слезоточивыми газами и стрелять по толпе. На землю упали первые десятки жертв. В воздухе непрерывно патрулируют истребители, в городах и на дорогах расставлены усиленные военные посты. Начались массовые аресты.

3 марта были арестованы 150 активистов Африканского Национального Конгресса — боевой народной организации. Все они, включая председателя Конгресса Гастингса Банда, увезены в Южную Родезию. Однако выступления африканцев не прекратились. Г. Банда заявил: «Боевой дух налицо, и мой народ будет продолжать борьбу». Ньясалендцы полны решимости добиться освобождения.

Почти семьдесят лет колониального режима задержали экономическое развитие Ньясаленда. Несмотря на богатые природные ресурсы и возможности, страна бедна. Промышленности в Ньясаленде нет. Лучшие земли захвачены английскими колонистами и компаниями, и на них созданы огромные чайные, табачные, тунговые и хлопковые плантации.

Африканцы, потерявшие землю, попали в крепостную зависимость. Они обязаны вносить арендную плату или отрабатывать определенное время на плантациях за право жить на земле своих отцов. Шестьдесят—семьдесят тысяч батраков ежегодно работают на европейских фермах и плантациях, среди них 15—18 тысяч детей и подростков. Это самая обездоленная часть населения. За труд от зари до зари под палящим солнцем они получают жалкие гроши. Управляющие и надсмотрщики всецело распоряжаются их судьбой. Телесные наказания за малейшую провинность — здесь обычное явление.

Борьба против колониализма в Ньясаленде имеет свои традиции. В народе еще живы воспоминания о героическом сопротивлении английскому вторжению со стороны дружин местных племен яо и ангони в конце XIX — начале XX века, о грозном восстании африканских батраков в 1915 году под руководством проповедника Чилембве. В 1940 году — намного раньше, чем в других странах тропической Африки,— была создана в Ньясаленде всенародная организация борьбы за свободу и равенство — Африканский Национальный Конгресс. Он объединил в своих рядах трудящихся города и деревни, представителей национальной буржуазии и даже некоторых вождей племен. Ведущую роль в Конгрессе с самого начала играет молодая ньясалендская интеллигенция.

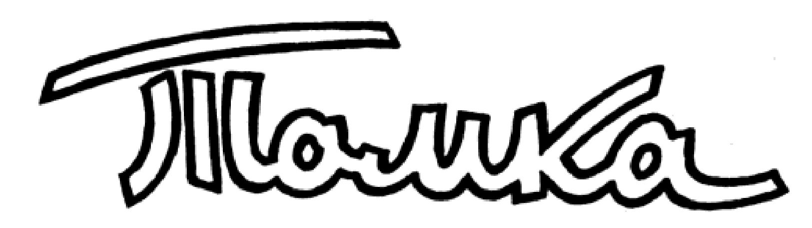
Борющийся Ньясаленд пользуется сочувствием всего человечества. Восстановление независимости всех африканских стран, ликвидация позорящей мир колониальной системы уже не за горами.

Это — хозяин, английский колонизатор.

Рабский труд в Южной провинции под наблюдением африканского надсмотрщика.

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

В районной поликлинике, у двери одного из кабинетов, сидят пациенты, человек десять. Сидят спокойно, не выражая нетерпения и недовольства, что им приходится долго ждать. У некоторых на лицах даже что-то вроде упрямства. Как будто они всем своим видом дают понять: где хотим, там и сидим, хоть до вечера, наше дело хворое, нашему характеру не препятствуйте!

А, между прочим, возле соседней двери нет ни одной души. Но, может быть, там принимает врач по кожным болезням или хирург, а тут все к терапевту? Нет, оказывается, что и в том и в другом кабинете принимают терапевты.

Вот по коридору идет новый пациент. Подходит к ожидающим приема.

— Вы к Анне Петровне?

Ему улыбаются, одобрительно кивают, отвечают:

— К Анне Петровне.

Одна из пациенток, в платье, застегнутом на пуговицы сверху донизу, говорит без умолку. Это у нее не нервное, это, по-видимому, обычное ее состояние: все равно, с кем, где и о чем, лишь бы говорить.

— Вы спрашиваете, к кому? Конечно, к Анне Петровне! Неужели же к Томкэ! Зачем мне самой себе дергать нервы? Даже когда наша Анночка Петровна была в отпуске, я сказала сама себе: пусть я лучше целый месяц буду болеть, терпеть и ждать, чем запишусь к Томкэ!

Пациенты кивают и соглашаются: правильно. Между ними полное взаимопонимание. Я не пациентка, пока ни на что не жалуюсь. Пришла по заданию редакции ознакомиться с тем, как обслуживаются больные. Мне интересно, почему к Анне Петровне очередь, а к врачу по фамилии Томкэ никого.

В сопровождении свиты проходит видный мужчина, похожий на трефового короля, только в белом медицинском халате. Он смотрит на ожидающих приема и спрашивает густым басом, по-хозяйски громко:

— Все к Анне Петровне?

Одни с упрямым видом смотрят в сторону, другие улыбаются, но тоже с видом «себе на уме». Мне хочется быть вежливой, и я отвечаю за всех:

— Да, тут все к Анне Петровне. К врачу Томкэ нет никого.

— Ка-ак? — строго спрашивает величественный трефовый король в белом халате.— Почему вы позволяете себе называть врача Томкой?

Рядом тихонько фыркают. Я уже понимаю, что совершила какую-то неловкость, и догадываюсь, что представительный мужчина не иначе, как главный врач.

— Простите, я никого не называла Томкой. Я сказала: Томкэ. Я полагаю, что это фамилия врача — Томкэ?

— Очевидно, вас ввели в заблуждение,— говорит главный врач и проницательно смотрит на молчащих пациентов, которые делают вид, что их хата с краю.— Врача зовут Тамарой Матвеевной, а фамилия ее...

Он называет фамилию и отходит от нас вместе со своей почтительной свитой. Значит, меня действительно ввела в заблуждение говорливая женщина со своим изысканным произношением на букву «э». Доктора, у которого нет никого на очереди, зовут Тамарой Матвеевной, а больные за глаза — Томкой, по-видимому, выказывая этим свое заочное неуважение. Совсем как школьники, которые выдумывают учительницам прозвища, хотя прекрасно знают, что это дурно.

— Ну и вляпались! —восторженно шепчет мне говорливая женщина, глядя вслед главному врачу. (При этом я представляю, какая у нее будет неиссякаемая тема для сегодняшних разговоров.) — Ну, ничего. Главврач и без того знает, что ее все зовут Томкой и что к ней никто не ходит. Разве только ее поклонники, да и то, когда здоровы! А когда заболеют, все равно обращаются к Анне Петровне.

— Да, но почему? Объясните, пожалуйста.

— Сходите сами. Может быть, Томочка от нечего делать даже поставит вам приблизительно точный диагноз. У вас, например, капилляротоксикоз геморрагический, или, проще сказать, васкулит, болезнь Шенлейн-Геноха, которая развивается обычно после ангины, а она определит, что это...

— Нефрит очаговый,— подсказывает кто-то из больных.

Все понимающе переглядываются и тихонько пересмеиваются.

Мне совсем не смешно. Наоборот, я чувствую себя подавленной перед такими просвещенными больными, которые знают разницу между красивым словом «нефрит» и этим длинным, странным «капилляро...». Я стучу в кабинет к Тамаре Матвеевне. Из-за двери раздается недовольный голос:

— Да-а!

Вхожу. Ну и хорошенькая же эта Тамара Матвеевна! Молодая, золотисто-кудрявая и до того цветущая, что это должно как-то особенно действовать на больных: пессимистов раздражать, в оптимистов вселять надежду, что и они, когда поправятся, будут такими же цветущими. При моем появлении доктор не прекращает телефонной беседы, но говорит так, как обычно говорят люди, которые не хотят, чтобы их поняли окружающие:

— Угу... да, да, непременно... сейчас не могу... полным-полно, дожидаются... кошмарно, конечно, устала... до свидания... и я...

Я все стою у двери. Мне-то что, я здорова, могу и постоять. Но я представляю себе обиду больного человека, когда его даже не приглашают сесть. Стою и думаю: в актеры принимают талантливых, тонко чувствующих людей, а разве можно, чтобы врач был бесталанный и бесчувственный? Наверно, Анна Петровна, к которой сидят десять человек, умеет не только распознать болезнь, но и заглянуть в душу добрым, сочувствующим взглядом. Одна моя приятельница говорит, что для нее самое главное — доктор, а не лекарство. Мне кажется, она права...

Но вот доктор кладет трубку и смотрит на меня. Что за глаза! Такие неприветливые бывают, пожалуй, только у оппонента на совещании. Но до чего же красивые, настоящий чернослив!

— Что у вас? — спрашивает Тамара Матвеевна.

Судя по выражению ее лица, я должна понимать вопрос так: «Чего вы шляетесь по врачам? Ничего у вас не болит, только время отнимаете, надоели до смерти!» Но так как это всего лишь мои домыслы, я не могу приписывать Тамаре Матвеевне эти невысказанные слова. Я говорю начистоту:

— У меня решительно ничего не болит. Но, пользуясь тем, что у вас никого нет на очереди, я бы хотела поговорить с вами о другом.

В глазах-черносливинах вспыхивает любопытство, отчужденное выражение сразу сменяется заинтересованным.

— Я вас слушаю!

Если бы она с таким же интересом выслушивала больных! Я говорю:

— Тамара Матвеевна, дело в том, что я из редакции. Нет, нет, фельетона я писать не собираюсь, никаких жалоб не поступало! Мне хочется написать рассказ. Я собираюсь в этом рассказе говорить о человеке, который выбрал себе работу не по призванию.

— Это бывает, — говорит Тамара Матвеевна и заламывает темные брови, отчего ее лицо становится трагическим.

— Вы, вероятно, всего года три, как окончили медицинский институт? И, если я не ошибаюсь, вы не слишком увлечены своей профессией? Мне хотелось бы знать: почему вы выбрали именно этот институт?

Чтобы как-то смягчить прямолинейность и некоторую невежливость своих вопросов, я решаюсь сказать Тамаре Матвеевне приятное, кстати, ничуть не кривя душой:

— Вы очень красивы. С таким лицом, как ваше, вы могли бы стать актрисой, разумеется, при наличии таланта...

Я знаю, что красивой женщине под такой комплиментарной приправой можно задать даже малоприятный вопрос. Тамара очаровательно-горько усмехается:

— Ах, вы попали в самое больное место! После школы я целых два года пробивалась в театральные студии. Но у меня ни связей, ни протекции. Хроническое невезение!

— А способности были?

— Никто не родится Пашенной или Улановой, — с оттенком обиды говорит Тамара Матвеевна, — или Ханной Хонти. Помните эту восхитительную премьершу венгерской оперетты? Способности развились бы со временем. Нашелся бы режиссер, который охотно стал бы развивать. Но время шло, мне срочно надо было куда-то поступать, чтоб не остаться без всякого высшего образования. Легче всего мне было устроиться в медицинский. А я так мечтала об оперетте! «Частица черта в нас заключена подчас...»

Я выхожу из кабинета. Очередь к Анне Петровне еще увеличилась. Один из пациентов читает вслух газету:

— «Серьезного внимания заслуживает повышение качества подготовки врачей с высшим образованием. Труд врача предъявляет к человеку, избравшему эту профессию, ряд высоких специфических требований. Каждый молодой человек уже до поступления в медицинский вуз должен проявить интерес к профессии врача и иметь некоторые практические навыки работы в лечебных учреждениях».

Специально беру эту газету с собой, когда иду в поликлинику,— говорит мужчина.

С ним соглашаются. Если прочесть это Анне Петровне, то можно добавить: именно вы у нас такая, проявляете интерес. А Томке — читай не читай, на нее не подействует.

В это время дверь кабинета Анны Петровны открывается. Выходит больной с лицом именинника. На пороге стоит молодая женщина в белом халате. Куда там Томочке, с ее «частицей черта», с недовольным выражением пухленького лица! Эта вся какая-то светлая, милая, просто живая положительная героиня из пьесы.

— Здравствуйте, Анна Петровна! — хором произносят больные.

— Здравствуйте! — приветливо отвечает милая и светлая героиня.— Прошу вас, кто следующий, пожалуйста!

— Наши дети будут выбирать профессию по сердцу,— сказала говорливая женщина.— Прежде чем поступать в институт, каждый уже полюбит то или иное дело, привыкнет к нему...

Хорошо, если б она оказалась права! Тогда не будет такой Томки, которая отсиживается за дверью кабинета, врачебного или какого-либо другого (день прошел — и слава богу!), тихонько напевая: «Частица черта в нас...»

Много еще есть всяких чертовых частиц. Одни рассосутся, а другие, наверное, потребуют хирургического вмешательства.

Рисунок Н. Лисогорского.

Невыпущенная марка

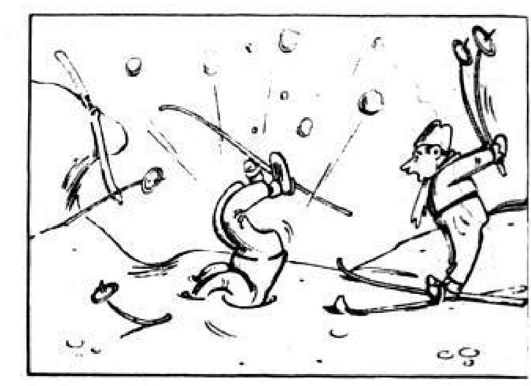
В 1913 году в связи с 300-летием царской династии Романовых была выпущена серия из 17 марок с портретами царей, видами Зимнего дворца, боярских палат Романовых и т. д. В том же году в Казани один из поклонников таланта Ф. И. Шаляпина, фотограф Фельсер, задумал выпустить марку с портретом знаменитого артиста. Проект марки был послан министру связи. Но тот, усмотрев в этом кощунство, заявил, что мужика, «сына сапожника с царской особой клеить немыслимо». Выпуск марки был запрещен.

В. ЗЕМСКОВ

Без слов.

Изошутка В. Гальба. Ленинград.

— Иван Петрович, дорогой, на вас лица нет!

Изошутка И. Оффенгендена.

Каша сварена тысячу лет назад

Если будете подниматься вверх по Днепру, то километрах в двухстах от Киева, на высокой круче левого берега, откроется перед вами древний город Любеч, известный еще в эпоху Киевской Руси. До сих пор высятся отвесные стены его укреплений. Здесь под руководством академика Б. А. Рыбакова в течение трех последних лет работала археологическая экспедиция. Она установила, что древнейшая часть города, Замок, или Замковая гора, существовала уже в IX веке, а в X веке грозным валом был обнесен и посад. Около въезда в Замок раскопана мастерская по изготовлению стеклянных браслетов. Обнаружены во время раскопок жилые строения. В одном из них археологи наткнулись на очень любопытную находку — горшочек с кашей, сваренной около тысячи лет назад. Находка хорошо сохранилась под слоем золы.

Большую ценность представляет и найденное здесь пряслице для веретена XI столетия. По-видимому, какая-то любечанка училась грамоте и, чтобы лучше запомнить буквы от «А» до «З», вырезала их на пряслице.

Н. ЛЯШКО

Коцюбинск.

С этим письмом Н. Ляшко мы обратились в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР. Директор института академик Борис Александрович Рыбаков сказал нашему корреспонденту:

— Много замечательных находок дали нам археологические раскопки старинного славянского города Любеча. Нам удалось здесь как бы разглядеть сквозь тысячелетие жизнь укрепленного городка на подступах к Киеву. О Любече упоминает под 882 годом знаменитый летописец Нестор.

Чтобы лучше ориентироваться при раскопках Любеча, мы произвели аэрофотосъемку местности. Вскрывая постепенно слой за слоем, экспедиция обнаружила остатки подъемного моста, въезд в Замок, следы деревянной воротной башни, кладовые с замысловатыми тайниками для сокрытия сокровищ, рукоять меча, бронзовые художественные изделия, цветное венецианское стекло XII века, серебряные украшения, резное дерево, узорную посуду и другие интересные предметы.

Появлению города Любеча предшествовал здесь славянский поселок, просуществовавший со II по VIII век. Все найденные нами археологические ценности будут сданы в Черниговский исторический музей.

Академик Б. А. Рыбаков и научная сотрудница Т. И. Макарова исследуют древнее жилище, где был раскопан горшочек с кашей.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Строительный материал. 6. Полудрагоценный камень. 7. Советская шахматистка. 9. Роман Л. Леонова. 10. Заместитель руководителя университета. 11. Боевая машина. 15. Приток Волги. 18. Остров Индонезии. 19. Известный певец. 20 Слово или выражение местного наречия. 21. Соединение ряда снимков в один. 24. Способ переработки нефти. 26. Басня И. А. Крылова. 27. Демократическая республика в Азии. 30. Узбекский музыкальный инструмент. 31. Работник счетного отдела. 32. Спор. 35. Диаметр канала ствола огнестрельного оружия. 36. Тригонометрическая функция. 37. Механическое объединение разнородных предметов.

По вертикали:

1. Стеклообразный слой на керамических изделиях. 2. Весенний цветок. 3. Часть произведения. 4. Конкурсная комиссия. 5. Инертный газ. 6. Полупрозрачная ткань. 8. Вулканический массив в Турции. 9. Известный русский писатель. 12. Население одной из автономных союзных республик. 13. Глава «Могучей кучки». 14. Старинное название извилистого морского берега. 16. Сборник стихов Т. Г. Шевченко. 17. Походный строй. 22. Машина для земляных работ. 23. Областной город в РСФСР. 25. Быстро бегающая птица. 28. Лопаточный двигатель. 29. Благородный металл. 33. Небольшая шлюпка. 34. Месяц.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

4. Пантомима. 5. Раскат. 6. Стильб. 9. Газолин. 11. Молога. 12. Аносов. 15. Швейк. 16. Джалиль. 17. Спица. 19. Редька. 20. Юпитер. 24. Трике. 25. Бомарше. 26. Рампа. 27. Резина. 29. Кресло. 30. Коломна. 31. Альбом. 32. Песета. 33. Station Варакушка.

По вертикали:

1. Кабарга. 2. Локомобиль. 3. Сметана. 5. Рикошет. 7. Батолит. 8. «Воскресение». 10. Фокстерьер. 13 Эжектор. 14. Хлопуша. 15. Штифт. 18. Акула. 21. Дилемма. 22. Пархоменко. 23. Эмблема. 28. Акробат. 29. Каретка.

Ответ на жалобу

БАСНЯ

Н. АЛЬТШУЛЕР

«Не клевещите на Быка!
Бык никому не мял бока.
Расследование вел я лично
И заявляю вам вторично:
Попридержите-ка язык!
С приветом
Бык».

Даугавпилс.

Моды

Мы попросили художников Общесоюзного дома моделей познакомить наших читателей с их последними работами. На последней странице обложки воспроизводятся модели платьев и костюмов для разного времени дня и различного назначения.

1. Платье-костюм из цветной шерстяной ткани. Жакет короткий, прямой, юбка заложена в бантовые складки. Под жакет надевается джемпер из панамы другого цвета.

2. Костюм из шелкового набивного репса для женщин разного возраста. Длинный прямой жакет с большим воротником и узкая юбка. Жакет можно носить с поясом. Этот костюм хорош тем, что годится для любой фигуры.

3. Платье из шерстяного крепа. Оно также рекомендуется женщинам любого возраста. К нему можно надевать бусы или большую брошку.

4. Дымчатый капрон положен на сиреневый чехол и отделан фиалками. Для чехла хорошо брать хлопчатобумажный поплин. Это платье украсит девушку на танцевальном вечере, на балу, в театре.

Авторы моделей Н. ГОЛИКОВА, Т. КСЕНОФОНТОВА, А. ЛЕВАШОВА.

Рисунки Н. Голиковой.

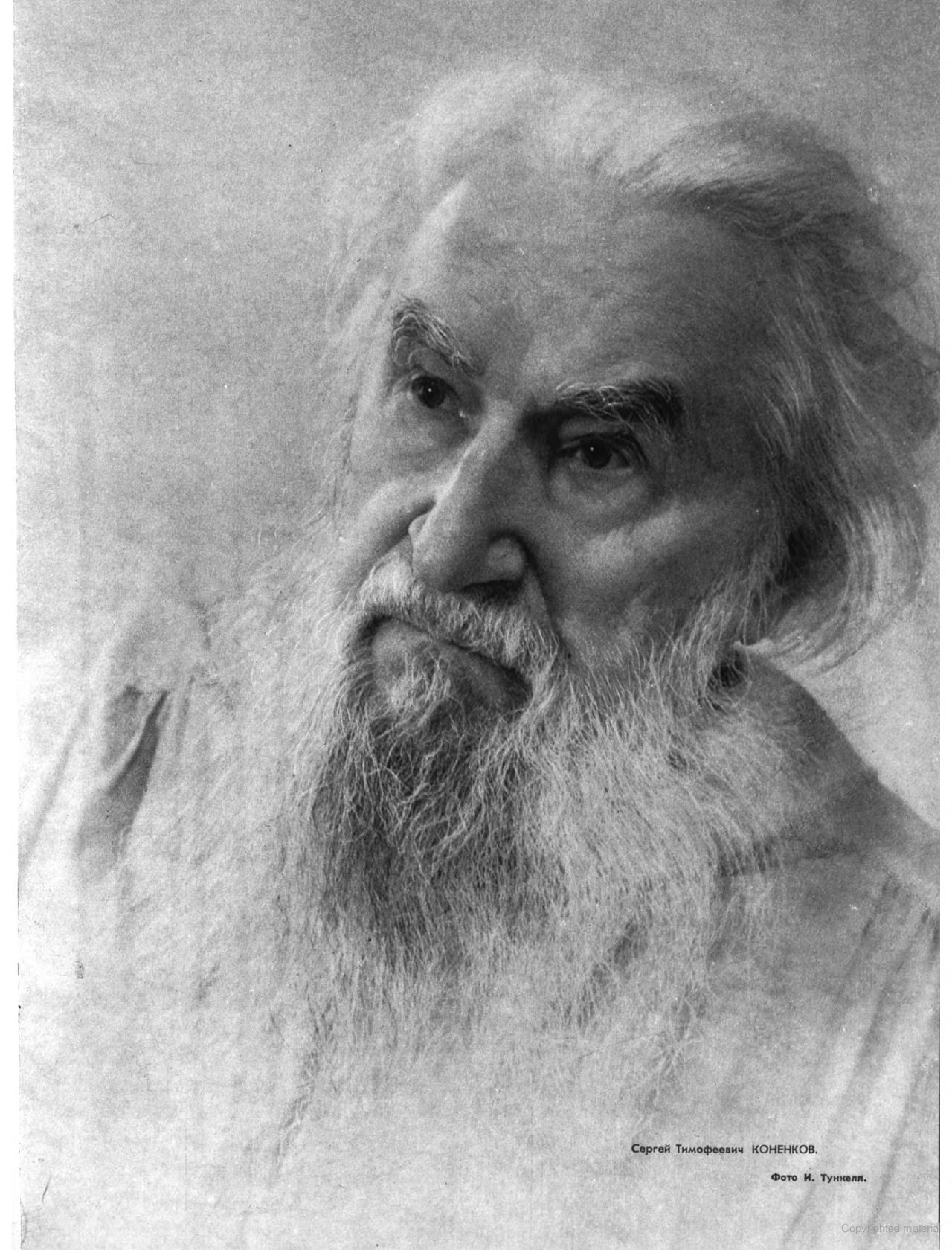
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00184. Подписано к печати 11/III 1959 г. **Формат бум. 70×108⅛.** 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 142. Заказ № 453.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Сергей Тимофеевич КОНЕНКОВ.

Фото И. Тункеля.

И-5 Стер
Цена номера 3 руб.
2
1
3
4
НГ
Copyrighted material